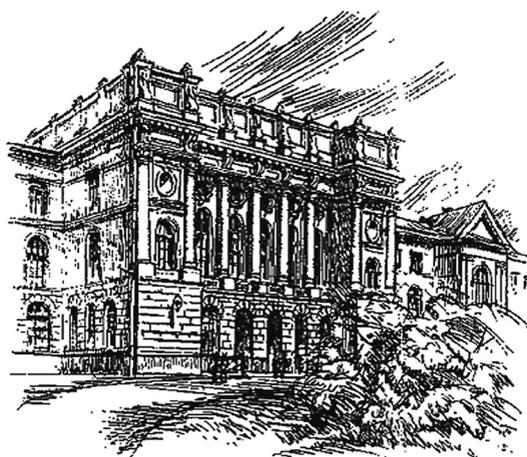


МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

Том 10, № 1, 2019

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург
2019

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

- Главный редактор – *Чернявская В.Е.*, д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.
- Алмазова Н.И.*, д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;
- Бернер Э.*, д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Германия;
- Жаркынбекова Ш.К.*, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;
- Зенои-Айата Дж.*, д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Турция;
- Иссерс О.С.*, д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Россия;
- Кулик С.В.*, д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;
- Куликова Л.В.*, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;
- Куссе Х.*, д-р филол. наук, профессор, Технический университет Дрездена, Германия;
- Марков Б.В.*, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;
- Мионов В.В.*, д-р филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия;
- Погодин С.Н.*, д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;
- Попова Н.В.*, д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;
- Свердлов М.Б.*, д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия;
- Тарева Е.Г.*, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Россия;
- Тряпицына А.П.*, чл.-кор. РАО, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
- Халыпина Л.П.*, д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;
- Шинунова О.Д.*, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;
- Шницмюллер Ю.*, д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Австрия;
- Яковлева А.Ф.*, канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 – Исторические

науки и археология, 09.00.00 – Философские науки, 13.00.00 – Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

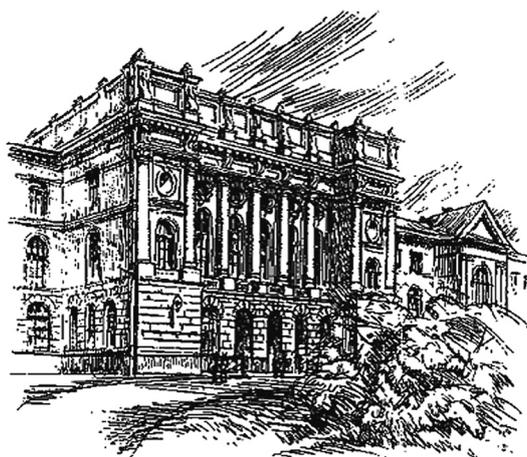
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции: (812) 552-62-16.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION



**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

Vol. 10, no. 1, 2019

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg
2019

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL BOARD

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia – editor-in-chief.

Nadezhda I. Almazova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russia;

Sergey V. Kulik, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russia;

Kuße Holger, Dr.Sc. (philol.), prof., Technical University of Dresden, Germany;

Boris V. Markov, Dr.Sc. (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russia;

Vladimir V. Mironov, Dr.Sc. (philos.), prof., Lomonosov Moscow State University, Russia;

Sergey N. Pogodin, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia;

Nina V. Popova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia;

Mikhail B. Sverdlov, Dr.Sc. (history), prof., St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Russia;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russia;

Alla P. Tryapitsyna, Dr.Sc. (ped.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg, Russia;

Lyudmila P. Khalyapina, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia;

Olga D. Shipunova, Dr.Sc. (philos.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia;

Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russia.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015:

07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

Содержание

Исторические науки и археология

Кашеваров А.Н. Церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции	7
Алексеев Т.В. Военно-промышленные аспекты Первой мировой войны в оценках отечественных исследователей (конец 1910-х – 1920-е гг.).....	18
Цветков Д.В. Роль Г.Ф. Миллера в становлении русского китаеведения	30
Фишева А.А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов	37

Философия

Козырев Д.Н. «Экология разума» Г. Бейтсона и критика технической рациональности	47
Мурейко Л.В. Феномен вещей в медиареальности.....	57
Гришина Н.Ю., Болдырева Е.Л., Дуйсембина Е.О. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решения как новый политический тренд (на примере компании «Кембридж Аналитика»)	69
Квашенко Н.Ю. Личность как объект исследования в контексте информационного общества	81

Прикладная лингвистика

Дашкина А.И., Яковлева В.М. Формирование аудитивной компетенции у студентов экономических направлений посредством совместной подготовки транскриптов профессионально ориентированных видео	87
Полонникова Е.Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе ...	99

Contents

History and Archeology

Kashevarov A.N. Church sermon in the 18th and the first half of the 19th century: specifics of evolution.....	7
Alekseev T.V. Military and industrial aspects of World War I in assessments of Russian researchers (late 1910s—1920-ies)	18
Tsvetkov D.V. G.F. Miller’s role in Russian sinology.....	30
Fisheva A.A. Concept of “new man” in Soviet social policy of the 1920s.....	37

Philosophy

Kozyrev D.N. Bateson’s Ecology of Mind and critique of technical rationality.....	47
Mureyko L.V. Phenomenon of things in media reality	57
Grishina N.Yu., Boldyreva E.L., Duisembina Y.O. Online influence on decision-making process as a new political trend: Cambridge Analytica case.....	69
Kvashenko N.Yu. Personality as object of study in information society.....	81

Applied Linguistics

Dashkina A.I., Yakovleva V.M. Developing listening comprehension competence of economics majors by preparing professionally oriented video transcripts through cooperation in small groups	87
Polonnikova E.G. Teaching Russian phraseology to foreign students: modern practices.....	99

DOI: 10.18721/JHSS.10101
УДК 947.084.8

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

А.Н. Кашеваров

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье на основе анализа проповедей самых известных церковных публицистов сделана попытка проследить эволюцию проповеди в XVIII – первой половине XIX в. Наиболее ярким представителем схоластической традиции в русской церковной проповеди был митрополит Рязанский Стефан (Яворский) (1658–1722). Его проповеди изобиловали изощренными сравнениями и натянутой символикой. В этот же период в проповеди наблюдался отход от схоластической традиции, который начался с архиепископа Феофана (Прокоповича) (1681–1736), выступавшего также главным идеологом Петровских церковных реформ. По сравнению с проповедями предшественников его проповедь выглядела простой и ненадуманной, композиция ее строилась уже не по определенным неподвижным рубрикам, а соответственно мысли проповедника. В результате проповеднической деятельности митрополита Платона (Левшина) (1737–1812) особую важность приобрела задача приспособления проповеди к духовным нуждам паствы и способностям ее восприятия. Поэтому форма непринужденной беседы считалась наиболее подходящей для проповеди, а единство содержания полагалось более важным, чем строгая композиция. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782–1867) и архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857), две выдающиеся фигуры в области русской проповеди первой половины XIX в., считаются представителями двух разных направлений в ней. Основное различие относится к содержанию: митрополит Филарет в своих проповедях прежде всего трактовал догматико-теоретические вопросы, а архиепископ Иннокентий занимался почти исключительно нравственно-практическими проблемами.

Ключевые слова: церковная проповедь, схоластическая традиция, византийская святоотеческая традиция, христианская тематика, форма непринужденной беседы, архиепископ Феофан (Прокопович), митрополит Платон (Левшин), митрополит Филарет (Дроздов)

Ссылка при цитировании: Кашеваров А.Н. Церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.10101

CHURCH SERMON IN THE 18th AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: SPECIFICS OF EVOLUTION

A.N. Kashevarov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

History of Church sermon the synodal period investigated enough. The proposed article on the basis of an analysis of the most famous sermons Church publicists attempted to trace the evolution of sermon XVIII – first half XIX century. The most prominent representative of sermon scholastic traditions on Russian soil was Ryazan Metropolitan Stephan (Jaworski) (1658–1722). His sermons abounded sophisticated comparisons and stretched symbolism. During the same period, in a sermon there is a departure from the scholastic tradition, which began with the Archbishop Theophan (Prokopovich) (1681–1736) in the main ideologue of Peter’s Church reforms. Compared to its predecessors the sermons sermon looked simple and nenadumanoj. The composition was based no longer on certain fixed headings, and thus thought the preacher. As a result of their activities of Metropolitan Platon (Levshin) (1737–1812) of particular importance acquired the task of adapting to modern sermons spiritual needs of his flock and abilities of its perception. Therefore, the form of casual conversation was considered most appropriate for the sermon, and unity of content were supposed to be more important than strict composition. Two of the most outstanding figures in the field of Russian preaching the first half of the 19th century is the Moscow Metropolitan Philaret (Drozdov) (1782–1867) and Kherson Archbishop Innokenty (Borisov) (1800–1857) considered to belong to two different directions in Russian sermon. The main difference relates to the content. While Metropolitan Philaret in his sermons, first and foremost, treated dogmatiko-theoretical questions, Archbishop Innokenty almost exclusively involved in the problems of moral and practical.

Keywords: Church sermon, scholastic tradition, Byzantine patristic tradition, Christian themes, informal conversation, Archbishop Theophan (Prokopovich), Metropolitan Platon (Levshin), Metropolitan Philaret (Drozdov)

Citation: A.N. Kashevarov, Church sermon in the 18th and the first half of the 19th century: specifics of evolution, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.10101

Введение

В нашу технологическую эпоху всё более очевидной становится потребность в приоритете духовного как фундамента, на котором необходимо строить жизнь общества. В таких условиях морально-нравственные категории, транслируемые церковной проповедью, приобретают особый смысл и ценность. Поэтому важно проследить эволюцию церковной проповеди, оказавшей определенное воздействие на формирование базовой российской системы ценностей.

Между тем история проповеди синодального периода исследована недостаточно. До

сих пор отсутствует объективный научный обзор проблемы в целом. Изданы собрания проповедей лишь самых популярных в то время проповедников. К тому же факт публикации тех или иных проповедей еще не означает, что их авторы действительно были лучшими представителями русской гомилетики. В большинстве случаев проповеди, особенно приходского духовенства, печатались за собственный счет. Оценку деятельности отдельных проповедников можно найти разве что в некрологах или в кратких и потому не слишком информативных журнальных статьях, в том числе в дореволюционных «Епархиальных ведомостях», а также

в возрожденном в 1943 г. «Журнале Московской патриархии» в рубрике «Проповедь».

Постановка проблемы и цели исследования

В данном исследовании рассмотрены сочинения только тех православных проповедников-публицистов, которые, будучи широко известными в свое время, оказали заметное влияние на особенности церковной проповеди, ее эволюцию в XVIII – первой половине XIX в.

Методология

В нашей работе мы руководствовались принципами историзма и научной объективности. При изучении проповедей православных священнослужителей применялся метод сравнительного анализа. Особенности эволюции проповеди в исследуемый период представлены с помощью описательного метода.

Результаты исследования

В течение XVII–XVIII вв. шел процесс разделения русской проповеди как по содержанию, так и с формальной точки зрения. Южнорусские богословы (их центр – Могилянская коллегия в Киеве) находились под значительным латино-польским иезуитским влиянием. В православных учебных заведениях Южной Руси, устроенных митрополитом Петром Могилой (1596–1647) по католическому польскому образцу, гомилетика как богословская дисциплина, излагающая правила церковного красноречия или проповедничества, преподавалась по тем же руководствам, что и в католических школах. Здесь, в гомилетике, форма преобладала над содержанием, композиция – над богословским учением. Ректор Киево-Могилянской коллегии архимандрит Иоанникий Голятовский (ум. в 1688 г.), выдающийся представитель южнорусской схоластической проповеди XVII в., составил первое русское гомилетическое руководство «Наука о сложении казаний», опубликованное в приложении к сборнику его проповедей «Ключ разумения» в 1659 г. в Киеве. В этом труде изложены искусные правила для составления проповедей. По Голятовскому, проповедь обязательно должна состоять из трех частей: введения, наставления и вывода (*exordium, narratio и conclusio*) [1, с. 90–91].

Противоположные позиции занимала северорусская проповедь. Ее представители созна-

тельно придерживались византийской святоотеческой традиции: форма непринужденной беседы считалась ими наиболее подходящей для проповеди, а единство содержания для них было важнее строгой композиции. Севернорусские гомилеты XVII–XVIII вв. не обращали особого внимания на форму, для них первостепенное значение имела жизненность проповеди, которая достигалась путем приспособления проповеди к духовным нуждам паствы и способностям ее восприятия.

Со времен Симеона Полоцкого (1629–1680) Церковь Московского государства находилась под влиянием южнорусских ученых монахов и иерархов. Одним из выдающихся южнорусских иерархов, приобретших известность в Москве, был митрополит Ростовский Димитрий (Туптало) (1651–1709), чьи «Четы-Минеи» до сих пор считаются важнейшим трудом русской агиографической литературы. Проповеди митрополита Димитрия («златословесного учителя», по оценкам его современников) отличались цветистым стилем, украшенным богатой символикой, частыми обращениями к слушателям или к библейским и историческим личностям, упомянутым в проповеди, параллелизмами и антитезами¹.

Наиболее ярким представителем схоластической традиции в проповеди на русской почве был митрополит Рязанский Стефан (Яворский) (1658–1722), ставший по желанию Петра I Местоблюстителем Патриаршего Престола после смерти патриарха Адриана. Проповеди митрополита Стефана изобиловали изощренными сравнениями и натянутой символикой, а композиция их была искусственная и чисто внешняя, содержанию же при этом не уделялось должного внимания. В проповедях Стефана рядом с цитатами из Священного Писания можно встретить пассажи из мифологии, анекдоты об Александре Великом или о слуге Ксеркса, описание какого-нибудь животного [2, с. 362]. В ущерб собственно христианской тематике он не упускал возможности включить в проповеди различные доказательства своей широкой общей образованности. Изобилие рассказов, притчей и анекдотов из мира животных и растений показывает, что Стефан охотно

¹ Philaret, Metropolitan of Moscow 1782–1867. The Variable Press, 2003. Pp. 83–84.

исполнял требование Голятовского читать книги «о зверях, птахах, гадах, деревьях, зельях, камнях и разных водах» [3, с. 79]. Источниками сведений такого рода для митрополита Стефана и его коллег служили многочисленные средневековые бестиарии, а также исторические сочинения и труды античной литературы. Все эти повествования (о спорах в римском сенате, какому божеству надо оказать наибольшую честь; о Нероне или Дионисе Сиракузском; басня о мыши, грызущей пилу, и т. п.) были мало пригодны к тому, чтобы освещать тематику проповеди и служить изложению различных аспектов христианского вероучения.

При таких установках не удивительно, что митрополит Стефан составлял свои проповеди в богато орнаментированном стиле: они были перегружены метафорами, параллелизмами, повторами, восклицаниями, риторическими вопросами. Длиннейшие фразы создавались при помощи многочисленных прилагательных. Только в менее патетических местах церковнославянский язык уступал место русскому. Часто употреблялись иностранные слова, которые при Петре I вводились в русскую речь: фортецца, кавалер (солдат), колюрия и т. п. Притчи и анекдоты в его проповедях нередко занимали более важное место, чем христианское содержание. Игра слов в них часто была самоцелью, предметом интеллектуальной гимнастики автора.

Отход от схоластической традиции начался с *архиепископа Феофана (Прокоповича)* (1681–1736), выступавшего также главным идеологом Петровских церковных реформ. Его проповедь по сравнению с проповедями предшественников выглядела простой и ненадуманной. Композиция ее строилась уже не по определенным неподвижным рубрикам, а соответственно мысли проповедника. Феофан не только не старался постоянно удивлять своих слушателей чем-то новым и неожиданным, но и полемизировал против напыщенного стиля католических польских проповедников, против типичных для них пустых и бестактных анекдотов. Он также считал неприличным для христианского проповедника обращаться к языческим божествам или приводить примеры из драм и поэм как образцы для христианского бытия. Комические элементы встречались уже весьма редко. В центре внимания стояло Священное Писание. Архиепископ Феофан старался доказывать гармонию между

ним и своими мыслями. С этой целью он разбирал каждую цитату из Священного Писания, чтобы найти ее точный смысл, приводя параллельные места. Анекдоты из истории или мифологии архиепископ заменил примерами из житий святых и, отвергая пример католических проповедников, требовавших знания светской литературы и мифологии, подчеркивал необходимость прежде всего основательных знаний Священного Писания, творений Святых Отцов и истории Церкви. При составлении проповедей Феофан пользовался только житиями святых. Для его проповедей характерно отсутствие введения (*exordium*), обязательного для схоластической проповеди. Без всяких отступлений архиепископ истолковывал текст, на котором основывал свою проповедь. Возможно, не без влияния протестантских теорий проповеди он требовал от проповедника четкого изложения материала.

Именно с архиепископа Феофана (Прокоповича) началось возвращение к настоящей задаче проповеди и подлинным ее источникам и корням – Священному Писанию и творениям Святых Отцов. Необходимость такого характера проповедей указывалась в составленном им «Духовном регламенте», согласно которому также предусматривалась подготовка монахов для проповеднической деятельности в духовном училище в Александро-Невской лавре. Одновременно в эпоху Петра I возникла большая опасность для самостоятельного существования проповеди, так как сам царь рассматривал проповедническую деятельность исключительно с точки зрения ее полезности для государства. Петр хотел, чтобы его реформы пропагандировались с церковного амвона, и архиепископ Феофан стал добровольным рупором политики светского государя.

В древней Киевской духовной академии стиль проповеди разделялся на множество видов (цветистый, остроумный, удивительный и т. д.). Это разделение было заимствовано из западных руководств. Феофан же признавал только три варианта стиля: высокий, средний и низкий. Такое разделение впоследствии было заимствовано М.В. Ломоносовым [Там же. С. 109].

Язык проповедей архиепископа Феофана представлял собой смесь русского и церковнославянского, содержал множество иностранных слов, из которых лишь немногие нашли

распространение в русском языке. Его фразы с множеством придаточных предложений отличались сложной структурой. По замечанию некоторых исследователей, синтаксис проповедей Феофана свидетельствовал о явном влиянии латинской прозы. Он лучше писал на латыни, чем на русском, многие свои выступления сам переводил на латынь [2, с. 449].

Новый подъем проповедничества наблюдался во время правления императрицы Елизаветы Петровны. Она направила в Святейший синод указ, в котором повелела, чтобы «каждое воскресенье в придворной церкви духовник проповедовал Слово Божие». Порой императрица сама назначала проповедника, которого желала слушать в тот или иной день. Архиереи и архимандриты призывались из разных мест Российской империи, чтобы проповедовать в ее присутствии [1, с. 142].

Наиболее известными проповедниками второй половины XVIII в. были архиепископ Гедеон (Криновский) и митрополит Платон (Левшин).

Архиепископ Псковский Гедеон (Криновский) (1726–1763) писал свои проповеди в цветистом стиле. По образцу прежних проповедников он широко пользовался параллелями из классической литературы, духовную и телесную жизнь человека сравнивал с разными явлениями из мира животных, используя научные исследования своего времени, а также древнегреческую и римскую литературу. Например, Александра Македонского Гедеон сравнивал с Иисусом Христом. При объяснении отдельных элементов христианского учения использовал образы хамелеона, гидры или саламандры. В языковом отношении проповеди архиепископа Гедеона заметно отличались от проповедей его предшественников. Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) (1805–1866) в «Обзоре русской духовной литературы» отмечал, что архиепископ Гедеон, в отличие от прежних проповедников, пользовался народным языком, который он дополнил богослужебным; у него окончания слов, спряжение и синтаксис – русские. В целом же язык проповедей архиепископа Гедеона представлял собой смесь русского и церковнославянского. При этом преобладали русские элементы; церковнославянские же использовались широко, но в согласии с требованием М.В. Ломоносова – чтобы они были

понятными и не слишком устаревшими для русского уха [4, с. 332].

Митрополит Московский Платон (Левшин) (1737–1812), которого современники называли «вторым Златоустом», оставил после себя 700 проповедей, преимущественно догматического и нравственного содержания. Он строил свое обличение пороков на христианском учении, подчеркивая при этом сочувствие и понимание человеческих слабостей и указывая на свою собственную подверженность им. Поэтому обличение мира у митрополита Платона никогда не принимало таких резких форм, как у других проповедников его времени [5, с. 20]. Даже в тех проповедях, где Платон сознательно обличал отдельные пороки современного ему общества, он не углублялся в изображение отрицательного влияния этих пороков, но обращал внимание своих слушателей на христианское нравственное учение, указывая на его преимущество в сравнении с общепринятыми мирскими правилами, которые его современники сделали основой своей жизни [Там же. С. 131]. Во многих проповедях митрополит выступал против духовных заблуждений своих современников, влияния французской философии и против русского вольнодумства. Он не только обличал проступки своих слушателей, но и точно указывал на определенные места из Священного Писания или элементы христианской догматики, согласно которым давал оценку тем или иным явлениям того времени [Там же. С. 71–72].

В языковом отношении проповеди митрополита Платона всё еще находились под сильным влиянием ломоносовской риторики. Об этом, в частности, свидетельствовали его длинные синтаксические конструкции [6, с. 378]. Нередко ясность и последовательность смыслового развития проповеди Платона страдали от избытка риторических украшений. Параллелизмы, антитезы, повторы, пространные описания, символы и аллегории способны были уводить внимание слушателей от самой темы. Его ранние катехизические проповеди настолько перегружены церковнославянскими элементами, что порой труднопонимаемы [5, с. 195]. В более позднее время проповеди митрополита иногда страдали от сильного влияния светского языка его времени, отличавшегося множеством иностранных, преимущественно французских,

слов [5, с. 196]. Эти иностранные слова, во всяком случае для современного русского читателя, не лишены некоторого комизма, в частности там, где они употреблялись в сюжетах с религиозным смыслом, например: «приидите в театр совершенств Творца» [Там же]. Следует отметить, что у митрополита Платона любовь к иностранным словам ограничивалась лишь переходным периодом. Став зрелым проповедником, он отказался от этого и обратился к более простому языку.

Две наиболее яркие фигуры в области русской проповеди первой половины XIX в. — это митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782—1867) и архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800—1857). Они считаются представителями двух разных направлений в русской проповеди. Основное различие относится к содержанию их проповедей. В то время как митрополит Филарет в своих проповедях прежде всего трактовал догматико-теоретические вопросы, архиепископ Иннокентий занимался почти исключительно нравственно-практическими проблемами [7, с. 432—433]. При этом важно подчеркнуть, что Филарет не избегал духовных и нравственных сюжетов, но освещал их более отвлеченно, чем Иннокентий. Такое впечатление создается потому, что Филарет следовал строгой дисциплине в словах и мыслях, сдержанности, а также правилу, согласно которому надо оставаться на почве фактов [Там же. С. 433]. Иннокентий же проявлял в своих проповедях большую эмоциональность. Он почти не придерживался строгого порядка в изложении своих мыслей и гораздо менее критично относился к своим формулировкам, чем Филарет, требовавший «остричь слова, в которых далеко простерлась свобода воображения» [Там же].

Для митрополита Филарета характерна сдержанность не только в построении проповеди, но даже в его поведении во время выступления. А вот архиепископ Иннокентий легко предавался чувствам, что создавало впечатление некоторой театральности и погони за эффектами. Примечательно, что он рекомендовал проповеднику следующее: «Принимайте слушателей, кто бы они ни были, не более как за ваших учеников, и вы будете говорить смело». Значительно более строгий подход проявляется во взгляде митрополита Филарета, требовав-

шего, чтобы проповедник «отдавал себя на суд слушающего» [Там же. С. 434].

Проповедники по-разному относились к вопросу о сочинении и распространении своих проповедей. Митрополит Филарет принципиально высказывался против всякой импровизации в области проповеднического слова. По его мнению, «церковные поучения должны быть заблаговременно сочиняемы» и «всего предпочтительнее осторожность и предусмотрительность в таком деле, в котором малейшее небрежение влечет за собой гибельные последствия». Архиепископ Иннокентий считал правильным говорить и публиковать то, «что Бог послал, не заботясь много об отличных достоинствах мысли и слога» [Там же. С. 435].

Характерно, что составитель «Обзора русской духовной литературы» архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) весьма критически высказывался о проповеди архиепископа Иннокентия и представлял митрополита Филарета единственным настоящим мерилем «доброго проповедничества» [Там же. С. 432]. Следует также отметить, что архиепископ Иннокентий в истории русской журналистики известен тем, что ему принадлежала инициатива основания «Епархиальных ведомостей», ставших ведущим типом церковной периодики в дореволюционной России. Он же в 1853 г. выработал их концепцию [8, с. 16].

Митрополит Филарет быстро стал блестящим проповедником, по общему признанию современников. Проповеди митрополита свидетельствовали об обширных богословских познаниях, глубоком богословском уме, серьезности и четкости его языка. По мнению архиепископа Берлинского Марка (Ардта), проповедь митрополита Филарета способствовала становлению современного русского языка, может быть, не в меньшей степени, чем сочинения А.С. Пушкина².

Обзор проповедей митрополита Филарета в связи с отдельными праздниками церковного года или в воскресные дни, в том числе тем, на которые он произносил поучения и проводил беседы, и поводов, по которым он выступал с речами перед императорами и различными собраниями, дает некоторое представление о раз-

² Philaret, Metropolitan of Moscov. P. 92.

нообразии деятельности московского архиерея. Наибольшее число его проповедей (66) связано с освящением храмов. За ними следовали «слова на царские дни» (57) и речи перед царем и членами царской семьи (39), поучения на разные места Священного Писания (21), проповеди в дни важных церковных праздников — Благовещения Пресвятой Богородицы (17), Успения Пресвятой Богородицы (14), преподобного Сергия Радонежского (23), на Пасху (7), Рождество Христово (5) и т. д.³

Большое количество проповедей митрополита Филарета при освящении храмов вызвано иерархическим положением владыки: он служил Русской церкви в течение 50 лет (с 1817 по 1867 г.) как епископ, архиепископ и митрополит, из них 41 год занимал пост митрополита Московского, т. е. по существу возглавлял высшую по значению русскую митрополию. Насколько Филарет был перегружен подобными обязанностями, видно из письма митрополита А.Н. Муравьеву от 6 октября 1847 г.: «С первого сентября по 5 октября мне пришлось присутствовать при освящении 6 церквей, из коих двух сельских...»⁴. Естественно, что высокопоставленному иерарху приходилось выступать с проповедями в «царские праздники» и с речами перед царем и царской семьей.

При составлении своих поучений митрополит Филарет выбирал те темы и вопросы из христианского вероучения и церковной догматики, которые, по его мнению, были особенно важны для паствы. Так, например, некоторые поучения он посвятил теме благодарности Богу, ряд других — страху Божию, духовной нищете, очищению сердца, искушениям или небесной награде. Митрополит, очевидно, считал особенно необходимым углублять в сознании своей паствы элементы христианского учения, связанные с Благовещением Пресвятой Богородицы: он произнес 17 проповедей, посвященных этому празднику. На основе этих текстов впоследствии была составлена целая богословская система о Благовещении⁵.

³ Philaret, Metropolitan of Moscov. P. 92.

⁴ Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. М... [Муравьеву А.Н.] 1832–1867. Киев, 1869. С. 250.

⁵ Благовещение Пресвятой Богородицы по материалам митрополита Филарета // Чтения в моск.

В собраниях проповедей, изданных самим митрополитом Филаретом в 1844–1845 гг., на первом месте стоят «Слова в Господские праздники»⁶. Первая проповедь на Рождество Христово, произнесенная в 1821 г. в Чудовом монастыре, разделена на 10 отделов разной длины (в целом же проповедь состояла из 4 частей). Проповедник почти не коснулся событий, связанных с этим праздником, но полностью сосредоточился на отношениях между Богом и человеком, забывшим возносить хвалу Богу. В первых двух отделах митрополит Филарет говорил об обязанностях человека по отношению к Богу, в третьем — пятом описывал сущность славы Божией, в шестом — девятом указывал на то, что человек разучился общаться со славой Божией, а в последнем, десятом, отделе он призвал христиан славить Бога. После отчетливой цезуры между пятым и шестым отделами вторая половина этой проповеди несла основную смысловую нагрузку.

В проповеди на праздник Входа Господня в Иерусалим митрополит Филарет уделил теме праздника гораздо больше места. Как и в предыдущем случае, эта проповедь состояла из 10 отделов. Первый отдел содержал обширную аллегорию: солнце — Иисус Христос; во втором отделе упоминалось предсказание пророка Захарии, на которое ссылался евангелист Матфей в цитате, предпосланной проповеди в качестве эпиграфа; в третьем говорилось о том, что иудеи не поняли этого пророчества о Входе Господнем в Иерусалим; в четвертом данная мысль развивалась далее; в пятом подробно описывались события этого дня; в шестом эта тема расширялась и совершался переход ко второй части проповеди; в седьмом отделе проповедник останавливался на значении Входа Господня в Иерусалим; в восьмом цитировал Иоанна Златоуста для толкования библейского события; в девятом давал подробное объяснение приводимых слов Златоуста, а в десятом отделе митрополит Филарет излагал свое поучение верующим как вывод из ранее сказанного. Таким образом, данная проповедь разделялась на введение (отдел 1), первую главную часть (отделы 2–6), вто-

Об-ве любителей духовного просвещения. М., 1867. С. 1–16.

⁶ См.: Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского. В 3 ч. М., 1844–1845.

рую главную часть (отделы 7–9) и заключение (отдел 10).

Весьма разнообразны проповеди митрополита Филарета на Пасху. В одной из них проповедник выражал скорбь о том, что православные христиане знают землю, но о небе почти не задумываются, а это имеет отрицательные последствия для них, поскольку земная жизнь человека есть только зародыш настоящей жизни. Воскресением Христовым земля объединена с небом, и власть ада сокрушена. Ветхозаветной символикой проповедник подчеркивал объединение неба и земли, выражающееся в том, что уверенность в воскресении питает христиан духовно, ибо пасхальный агнец — это воскресший Христос, это радость о Его воскресении, питающая души. В предпоследнем отделе Филарет разъяснял значение воскресения для всех областей человеческой жизни.

В другой проповеди на этот праздник митрополит Филарет представил воскресение как средство к уразумению Божественной мудрости. Для познания духовных предметов необходим Божественный свет, который может дать только Богочеловек. Проповедь заканчивалась прошением о даровании света Христова, который может просветить духовный ум. В первой из рассмотренных выше проповедей на Пасху проповедник излагал свою мысль последовательно, в органически вытекающих друг из друга отделах. Во второй же проповеди можно проследить симметричное деление: отделы 1–6, переходный отдел 7 и отделы 8–13, т. е. две главные части, состоящие из шести отделов каждая, и переход между ними.

Последняя проповедь, опубликованная в издании 1844–1845 гг., была произнесена в 1820 г. в Твери в Преображенском соборе на праздник Преображения Господня. Здесь митрополит Филарет только мимоходом упомянул сам праздник. В центре внимания проповедника был не праздник Преображения, а молитва, сила которой зависит от благодати Божией, дарованной молящимся. Изложение митрополита основывалось на подробном разборе евангельского текста, где молитва упоминалась.

Таким образом, даже немногие приведенные здесь примеры показывают, насколько разнообразны по содержанию и композиции были проповеди митрополита Филарета к отдельным праздникам. Если в одних он обращал больше

внимания на совокупность событий, которые вспоминает Церковь в тот или иной праздник, то другим предпосылал цитату из Священного Писания, которую разбирал или во всей ее полноте, или же только частично. Одни проповеди делились на четыре части, с возможными подразделениями, другие имели явную двух- или трехчастную структуру.

В проповедях при освещении храмов митрополит Филарет пользовался этим поводом для объяснения принципиального значения храмостроительства или излагал отдельные положения христианского учения, связанные либо со святым, которому посвящен храм, либо с окружением, в котором храм стоит (например, при больнице, богадельне, учебном заведении, на кладбище). 12 сентября 1837 г. Филарет произнес поучение при освящении храма святой мученицы Татианы при Московском университете. В этой проповеди подчеркивалась связь между «домом молитвы и домом любомудрия, объединенными под одной крышей». «Могильному познанию земли» Филарет противопоставлял «животворящие основы мудрости Божией». В центральной части проповеди, состоявшей всего из пяти отделов, проповедник называл Бога просветителем, источником всякого просвещения, а Христа — светом. Исходя из этого, он предостерегал против неправильно понятого образования, которое легко может привести к высокомерию. Митрополит напоминал ученым, что «Господь просвещает разум и сердце блуждающих во тьме земного страдания. Освобождение от мук совести можно получить не философствованием по нашему разуму, но только милостью и праведностью Божией — милостью Бога, просвещающего нас, ослепленных»⁷.

Язык проповедей митрополита Филарета — живой русский язык с многочисленными славянскими вставками, прежде всего в цитатах, но часто и в тексте самой проповеди. Проповедник пользовался множеством поэтических приемов, например семантическими повторами: «снисходительно со стороны Религии: возблагодарим ее снисхождение. Благо разумно со

⁷ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. IV. М., 1873. С. 68.

стороны Науки: похвалим ее благоразумие»⁸. Между этими повторами стояли выделенные заглавными буквами основные семантические элементы данной проповеди – религия и наука. Все значимые по содержанию места подчеркивались с помощью разных стилистических приемов и попеременным употреблением русских или церковнославянских слов и оборотов. Естественно, в зависимости от содержания и направления проповеди эти приемы менялись. Изменения, внесенные самим автором в последующие издания, свидетельствуют о том, какое большое значение он придавал каждому слову.

Источником для проповеднической деятельности митрополита Филарета служило Священное Писание. Библейские тексты проповедник толковал с величайшей осмотрительностью и строгой основательностью. Исследователь Ф. Левашов назвал митрополита Филарета «единственным проповедником, при чтении которого чувствуешь самую тесную, полную, органическую связь между собой Заветов – Ветхого и Нового, чувствуешь полноту и целостность христианской религии, ясно сознаешь, что в обоих Заветах заключено одно и то же дело – великое дело нашего спасения» [9, с. 216]. Опираясь на Ветхий Завет, и в частности на содержащиеся в нем пророчества, Филарет следовал традиции евангелистов, апостолов и Святых Отцов первых веков христианства. В этом отношении он сильно отличался от других русских проповедников, которые при выборе текстов, полагавшихся в основу проповедей, и для подкрепления своих мыслей, как правило, ограничивались Новым Заветом. Митрополит почти никогда не посвящал проповеди лишь разъяснению текстов Священного Писания. Эти тексты служили большей частью только исходной точкой для развития мыслей проповедника. В содержание проповеди он затем включал и историю Церкви, и догматику, и нравственное богословие. Цитаты из Священного Писания создавали основу, на которой митрополит Филарет строил содержание своей проповеди.

Митрополит Филарет, как и его предшественник митрополит Платон, не ограничивал свою задачу обличением отдельных пороков

или недугов современного ему общества. В его проповедях разворачивалось широкое изложение всего христианского учения и практики, которое потом применялось к отдельным моментам человеческой жизни. Проповеди Филарета были обращены преимущественно к столичному обществу, находившемуся в определенной степени под влиянием мистицизма и западных – римо-католических и протестантских – идей (оно было если не вовсе отчужденным от православия, то всё же недостаточно утвержденным в нем).

Много внимания Филарет уделял разъяснению христианского вероучения, что обусловлено не его личной склонностью к догматической проповеди, но его восприятием нужд своих слушателей. О том, что Филарет старался ознакомиться с нуждами своей паствы, свидетельствует его обширная переписка, а также интерес к современной ему литературе. Митрополит обращал особое внимание на насущные проблемы своего времени. Об этом живом восприятии им действительности свидетельствуют следующие замечания: «так учат наши запоздалые философы», «это часто слышим в нынешнем веке», «этого желают сыны века сего», «таков нынешний образ мыслей» [Там же. С. 117]. В проповедях, произнесенных в сельской местности, Филарет вполне учитывал их восприятие этой категорией верующих и использовал в своей речи народные пословицы и поговорки. Например, приведя одну из них: «До бога высоко, до царя далеко», святитель указывал, что «Бог всегда близок». В другой проповеди Филарет разъяснял, что поговорка «Мы люди темные, обойдены учением» происходит не от смирения, а от лености [Там же. С. 119]. В проповедях перед избранием судей он подробно обрисовывал психологические трудности как избирающих, так и избираемых, давал рекомендации для поведения тех и других по христианским образцам.

Во всех своих проповедях митрополит Филарет избегал резких обличений. Так, в «Речи к любителям духовного просвещения» он говорил: «Мудрость христианская должна быть кротка. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напоминать имеющим притязание на просвещение, или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности... Созидает ли дух пори-

⁸ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. С. 61.

цания или разрушает?» [9, с. 131]. Нередко митрополит смягчал свои обличения тем, что обращался непосредственно к слушателям: «Если вам угодно...», «Сделайте одолжение...», «Прошу не прогневаться...» и т. п. Этим он одновременно вовлекал слушателей в ход своих мыслей.

Митрополит Филарет обличал духовные недуги современного ему общества, не делая их единственным или главным содержанием своей проповеди, но, указывая на события из библейской истории, анализируя поведение изображенных там лиц, выявлял поведение и мышление своих современников. Такого рода проповеди он обычно заканчивал фразой из Евангелия от Матфея: «Имейте уши слышати да слышит». Митрополит предоставлял слушателям возможность задумываться о своей жизни и самим обличать себя и указывал направление, согласно которому они призваны продолжать думать и действовать. Таким образом, не бросая вызова, стараясь не ожесточить паству упреками за ее образ жизни, митрополит Филарет стремился развивать в ней на христианской основе нравственное чутье, которое может дать каждому возможность по собственной инициативе направить свой жизненный путь сообразно принципам христианства.

Ни по содержанию, ни по композиции проповеди митрополита Филарета не подчиняются строгим схемам и не поддаются классификации в соответствии с правилами традиционной гомилетики. «Проповеди его невозможно делить на те группы, на которые обыкновенно делят проповеди других проповедников, т. е. на проповеди догматические, нравоучительные, исторические и др., — писал исследователь проповеднической деятельности митрополита Ф. Левашов. — На эти группы мы можем делить только общую сумму содержания проповедей Филарета, а не в отдельности его проповеди. В последнем случае нам пришлось бы почти каждую проповедь отнести к каждой группе» [Там же. С. 138].

Нужно особо отметить, что при жизни Филарета полного собрания его слов и речей издано не было. Это произошло только к 1885 г. после длительного поиска по разным журналам. В собрание были включены проповеди, которые сам митрополит не принял в свои издания 1844–1845, 1848 и 1861 гг., а также проповеди, которые никогда не печатались, но сохранились в рукописной форме у частных лиц. Так было составлено единственное полное собрание слов и речей митрополита Московского Филарета в пяти томах, опубликованных с 1873 по 1885 г. в Москве. Это издание последовательно разделено на три части: 1) слова и речи, одобренные самим проповедником для изданий 1844–1845, 1848 и 1861 гг.; 2) слова и речи, напечатанные при жизни архиерея, но не принятые в указанные выше собрания; 3) слова и речи, не опубликованные при его жизни. Внутри этих отделов проповеди расположены в хронологическом порядке. В текстах, опубликованных в 5-томном собрании, также указаны изменения, которым подверглись проповеди в разных изданиях⁹. Обзор проповеднической деятельности митрополита Филарета показывает, что наиболее плодотворным временем для него были 1840–1850-е гг. До нас дошло 445 слов, речей и поучений владыки Филарета.

Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX в. постоянно развивалась и стала неотъемлемой частью богослужения. Она была посвящена в основном духовным темам, богословским и религиозным вопросам.

⁹ Небольшая часть проповеднического наследия митрополита была переиздана сравнительно недавно. См.: *Филарет, митр. Московский и Коломенский*. Творения. М., 1994.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Katayev N.** Geschichte der Predigt in der russischen Kirche. Stuttgart, 1998. 95 p.
2. **Самарин Ю.Ф.** Стефан Яворский как проповедник // Соч. В 10 т. Т. V. М., 1880. С. 360–452.

3. **Морозов П.** Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху Преобразования. СПб., 1880. 112 с.
4. **Филарет (Гумилевский), архиеп.** Обзор русской духовной литературы: 862–1863. СПб., 1884. 332 с.

5. **Надеждин А.** Митрополит Московский Платон (Левшин) как проповедник. Казань, 1883. 224 с.

6. **Корсунский И.** Проповедническая деятельность Василия Михайловича Дроздова (впоследствии Филарета, митрополита Московского) // Вера и разум. Кн. 2. Харьков, 1884. С. 372–378.

7. **Кипарисов В.Ф.** Митрополит Московский Макарий (Булгаков) как проповедник // Богословский вестн. Сергиев Посад, 1843. С. 432–435.

8. **Кашеваров А.Н.** Печать Русской православной церкви в XX веке: очерки истории. СПб.: Роза мира, 2004. 162 с.

9. **Левашов Ф.** Направление и характер проповеди Филарета, митрополита Московского // Странник. 1875. Октябрь. С. 117–216.

Кашеваров Анатолий Николаевич

E-mail: kashevar12@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.10.2018 г.

REFERENCES

[1] **Katayev N.**, Qeschichte der Predigt in der russischen Kirche. Stuttgart, 1998.

[2] **Samarin Yu.F.**, Stefan Yavorskiy kak propovednik [Stephan Jaworski as a preacher], in: Works, in 10 vol., of vol. 5, Moscow, 1880, pp. 360–452.

[3] **Morozov P.**, Feofan Prokopovich kak pisatel'. Ocherk iz istorii russkoy literatury v epokhu Preobrazovaniya [Theophan Prokopovich as a writer. Essay from the history of Russian literature in the era of Transformation], St. Petersburg, 1880.

[4] **Filaret (Gumilevskiy D.G.)**, arkhiepiskop, Obzor russkoy dukhovnoy literatury: 862–1863 [Philaret (Gumilevsky D.G.), Archbishop, Review of Russian spiritual literature: 862–1863], St. Petersburg, 1884.

[5] **Nadezhdin A.**, Mitropolit Moskovskiy Platon (Levshin) kak propovednik [Metropolitan of Moscow Platon (Levshin) as a preacher], Kazan, 1883.

[6] **Korsunskiy I.**, Propovednicheskaya deyatel'nost' Vasiliya Mikhaylovicha Drozdova (vposledstvii Filareta, mitropolita Moskovskogo) [The preaching work of Vasily Mikhailovich Drozdov (later Philaret, Metropolitan of Moscow)], in: Vera i razum [Faith and reason], В. 2, Kharkov, 1884, pp. 372–378.

[7] **Kiparisov V.F.**, Mitropolit Moskovskiy Makariy (Bulgakov) kak propovednik [Metropolitan of Moscow Macarius (Bulgakov) as a preacher], in: Bogoslovskiy vestnik, Sergiyev Posad, 1843, pp. 432–435.

[8] **Kashevarov A.N.**, Pechat' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v XX veke: ocherki istorii [The seal of the Russian Orthodox Church in the XX century: Essays on history], Roza mira, St. Petersburg, 2004.

[9] **Levashov F.**, [Direction and character of the sermon of Philaret, Metropolitan of Moscow], Strannik, (1875. Oct.) 117–216.

Kashevarov Anatoliy N.

E-mail: kashevar12@mail.ru

Received 26.10.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.10102
УДК 930.23:94(47)“1914/1917”

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (конец 1910-х – 1920-е гг.)

Т.В. Алексеев

Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

В статье проанализированы результаты исследований проблем военно-промышленного производства в России в годы Первой мировой войны, проведенных российскими учеными и военно-техническими специалистами в конце 1910-х – 1920-х гг. Отмечены особенности их исследовательских трудов – свобода от идеологических установок, использование уникальных документов и материалов, опора на личный опыт работы в исследуемой области. Определены многочисленные причины кризиса снабжения русской армии, обусловленные состоянием системы военно-промышленного производства России, показана их оценка исследователями. Через призму воззрений авторов трудов выявлено содержание процесса мобилизационного развертывания промышленности, дана характеристика этого процесса, отмечены его существенные недостатки. С использованием метода типологизации показаны отличия воззрений на данную проблему представителей различных школ. Исследована эволюция взглядов на особенности, роль и место военной промышленности в экономике страны. Комплексное использование методов моделирования и абстрагирования позволило обнаружить в теоретических построениях авторов трудов контуры будущего феномена советской эпохи – военно-промышленного комплекса. Автор статьи приходит к выводу о взаимосвязи рассмотренных проблем. Определено значение работ исследователей для их разрешения.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная промышленность, военно-промышленное производство, кризис снабжения, военно-экономическая мобилизация, военно-промышленный комплекс, историография, В.С. Михайлов

Ссылка при цитировании: Алексеев Т.В. Военно-промышленные аспекты Первой мировой войны в оценках отечественных исследователей (конец 1910-х – 1920-е гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 18–29. DOI: 10.18721/JHSS.10102

MILITARY AND INDUSTRIAL ASPECTS OF WORLD WAR I IN ASSESSMENTS OF RUSSIAN RESEARCHERS (late 1910s–1920-ies)

T.V. Alekseev

Military Space Academy named after A.F. Mozhaysky, St. Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the research results of military and industrial production problems in Russia during the World War I carried out by the Russian

scientists and military-technical experts in the late 1910s–1920-ies. The features of the authors' studies have been noted: ideological independence, unique documents and materials usage, reliance on personal experience in the field of study. Numerous causes of supply crisis in the Russian army associated to the state of the Russian military and industrial production system have been identified, and the assessments of these causes by the researchers have been demonstrated. From the perspective of the author's views, the content has been revealed and the characteristic of the process of industry mobilization deployment has been given, its essential shortcomings have been indicated. Using the typology method, the views differences of the different schools representatives on the given problem have been demonstrated. The evolution of views on the features, the role and place of the military industry in the economy of the country has been studied. The complex use of modelling and abstraction methods allowed finding the contours of the future phenomenon of the Soviet era in the theoretical constructs of the authors, namely the military and industrial complex. A conclusion about the interrelation of the problems under consideration and about the significance of the researcher's studies for the problems to be solved has been made.

Keywords: World War I, military industry, supply crisis, military and industrial production, military and economic mobilization, military and industrial complex, historiography, V.S. Mikhajlov

Citation: T.V. Alekseev, Military and industrial aspects of World War I in assessments of Russian researchers (late 1910s–1920-ies), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 18–29. DOI: 10.18721/JHSS.10102

Введение

Первая мировая война по масштабам военного противостояния между враждующими коалициями государств не имела аналогов во всей предшествующей истории человечества. Невиданными были и масштабы привлечения ресурсов народного хозяйства для обеспечения потребностей вооруженных сил. Впервые обозначилась особая роль экономического фактора в вооруженном противоборстве, и его важнейший – военно-промышленный – компонент сразу же стал объектом исследования ученых – историков и экономистов, а также специалистов военного дела и военной промышленности. Особую ценность многочисленным работам, вышедшим в свет в первое послевоенное десятилетие, придавал тот факт, что авторами их были как очевидцы, так и активные участники происходивших в годы Первой мировой войны процессов в сфере военно-промышленного производства. Однако созданный ими по «горячим следам» целый пласт творческого наследия до сих пор остается без должного внимания со стороны ученых.

Ведущий специалист в области военной промышленности имперской России В.В. По-

ликарпов в ряде работ лишь вскользь коснулся оценки вклада своих предшественников. В статье, опубликованной в 1983 г. на страницах «Исторических записок», он очень кратко, буквально одним предложением, сформулировал позиции А.А. Маниковского и Е.З. Барсукова по поводу разработанной в 1916 г. программы строительства казенных заводов [1, с. 281]. В другой статье, вышедшей в свет в историографическом ежегоднике за 1987 г., Поликарпов, обращаясь к оценке работ тех же авторов, тоже кратко охарактеризовал их оценочные суждения, причем опять же только относительно казенной военной промышленности [2, с. 20]. Во вводной статье к изданному в 2004 г. первому тому сборника документов по истории отечественного военно-промышленного комплекса он отметил работы А.А. Маниковского, Е.З. Барсукова, М.А. Петрова, А.Л. Сидорова, В.С. Михайлова, опубликованные в 1920-х гг., без детального рассмотрения их содержания [3, с. 185–186]. А в своей последней монографии В.В. Поликарпов и вовсе проигнорировал работы исследователей 1920-х гг., сразу обратившись к трудам советских историков 1950-х – начала 1990-х гг. [4, с. 17]

В монографии уральского историка А.В. Жука историографический обзор включает оценку работ только тех авторов, которые касались функционирования уральской промышленности в годы Первой мировой войны: В.Е. Грум-Гржимайло, А.П. Тянчева, Л.Б. Кафенгауза, а также А.А. Маниковского [5, с. 9–12].

В целом можно констатировать тот факт, что труды исследователей первого после окончания Первой мировой войны десятилетия по настоящее время не стали предметом специальных историографических исследований. А между тем в своей совокупности они, несомненно, представляют большой интерес, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что авторы большинства этих работ являлись непосредственными участниками описываемых процессов в военно-промышленной сфере. Во-вторых, исследователи имели возможность излагать свои взгляды и оценки свободно (позднее в исторической науке господствовали идеологические установки). В-третьих, хотя формирование четко структурированной архивной базы в рассматриваемый период только начиналось, авторы могли пользоваться документами личных и ведомственных архивов (благодаря их работам эти документы были введены в научный оборот, а некоторые из них только поэтому и сохранились для исторической науки).

Существующие лакуны в изучении трудов исследователей конца 1910-х – 1920-х гг. и их несомненная ценность для исторической науки актуализируют тему настоящей статьи.

Постановка проблемы и цели исследования

Первые публикации, в которых осмысливались результаты работы промышленности в условиях военного времени, стали появляться еще в годы Первой мировой войны. Однако наиболее продуктивная работа исследователей началась после окончания активной фазы Гражданской войны в России. Научные труды того времени охватывали широкий круг проблем, связанных с функционированием и развитием военно-промышленного производства. К ним относятся, например, следующие: выявление причин неудовлетворительного обеспечения армии предметами боевого и материально-технического снабжения; охарактеризование процесса мобилизационного развертывания промышленности; исследование механизмов

регулирования промышленного производства, форм и методов вмешательства государства в экономическую сферу; оценивание состояния и развития отдельных отраслей промышленности в условиях войны, степени их милитаризации, а также развития казенного сектора военной промышленности и его соотношения с частным сектором; выявление трудностей, возникавших при эвакуации промышленности, территориальном перераспределении производственных мощностей.

В рамках одной статьи рассмотреть все отмеченные вопросы не представляется возможным. Цель нашего исследования – охарактеризовать сложившуюся в рассматриваемый период палитру мнений по ключевым проблемам военно-промышленной сферы России, оказавшим решающее влияние на ее облик и функционирование в последующий, достаточно продолжительный период. По нашему мнению, к числу таких проблем следует отнести: поразивший Россию кризис снабжения армии в годы войны (причины); перевод промышленности на военный лад; выяснение сущности и особенностей военной промышленности, ее места в народно-хозяйственном комплексе страны и перспектив развития в послевоенное время.

Методология

Нашим исследованием охвачены работы отечественных авторов, написанные как в период Первой мировой войны, так и в послевоенное время (с 1918-го по конец 1920-х гг.), в том числе в эмиграции. Используемое нами словосочетание «военно-промышленное» следует считать производным от понятия «военная промышленность», под которой понимается часть промышленного комплекса страны, предназначенная для производства военной продукции¹. Понятия «мобилизация промышленности», «мобилизационное развертывание промышленности», «перевод промышленности на военный лад» следует считать тождественными.

В ходе исследования использовались методы различного уровня. Прежде всего это общепрофильные методы анализа и синтеза, а также

¹ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 7. Продовольственная служба – Таджикистан. М.: Воениздат, 2003. 735 с.

метод восхождения от конкретного к абстрактному. Применение общенаучного метода типологизации позволило выявить среди авторов рассматриваемого периода представителей различных школ исторической и научно-технической мысли, что, в свою очередь, дало возможность понять логику их суждений, сопоставить оценки изучаемых аспектов в военно-промышленной сфере. Комплексное использование методов моделирования и абстрагирования помогло обнаружить в теоретических построениях военно-технических специалистов 1920-х гг. контуры будущего феномена советской эпохи – военно-промышленного комплекса.

Важное значение для исследования имело применение историко-генетического метода, поскольку речь идет об анализе работ, написанных почти столетие назад. В связи с этим требуется очень внимательно относиться к употребляемой в них терминологии, сущность которой порой значительно отличается от современной. Наконец, ключевую роль сыграл проблемно-хронологический метод, использование которого в исследовании во многом определило его структуру и содержание.

Результаты исследования

Кризис снабжения русской армии, четко проявившийся весной-летом 1915 г. и ставший для России решающим фактором неудачного хода войны, не мог не вызвать у исследователей желания выяснить его причины. Многие из них сходились в том, что практически все воюющие страны оказались неготовыми к обнаружившимся в ходе военного противостояния масштабам потребностей фронта и в той или иной мере сталкивались с проблемами снабжения своих армий [6, с. 16]. Главной причиной этого стали господствовавшие в довоенный период взгляды о скоротечном характере будущей войны. Г.И. Шигалин достаточно убедительно объяснял доминирование подобных воззрений: «Этот взгляд... сводился к невозможности ведения продолжительной войны в условиях высокоразвитых производительных сил народного и мирового хозяйства, наличия мирового разделения труда и сложных экономических взаимоотношений между отдельными странами» [7, с. 32].

Однако подобное объяснение не снимало главного вопроса: почему именно в России

кризис снабжения приобрел наиболее острый характер и она по многим показателям военно-промышленного производства в годы войны отставала даже от таких стран, как Италия и Австро-Венгрия. Поиск ответа на этот вопрос привел исследователей первого послевоенного десятилетия к выявлению большого количества причин, лежавших как в сфере непосредственно промышленного производства, его организации и всестороннего обеспечения, так и в общеэкономической, политической и даже военно-стратегической плоскостях.

Особенности всего предшествующего экономического развития России привели к тому, что, по мнению Б. Авилова, экономика страны оказалась слишком узкой, неспособной удовлетворить потребности внутреннего рынка, в том числе и потребности армии [8, с. 21]. М.П. Павлович отмечал в этой же связи неготовность русской промышленности ответить адекватно на вызовы времени, на требования современной войны [9, с. 74]. Сходной позиции придерживался М.В. Ченцов [10, с. 108]. Очевидной для исследователей была и техническая отсталость отечественной промышленности, ее недостаточная обеспеченность инженерно-техническими кадрами [11, с. 104], резкое снижение производительности труда в промышленности в результате призыва по мобилизации квалифицированных рабочих [12, с. 151].

Целый пласт проблем вырисовывался на стыке военно-политической, экономической и социальной политики государства. А.А. Манниковский указывал на отсутствие плана мобилизации русской промышленности, опиравшейся бы на «костяк» казенной военной промышленности [13, с. 82]. Одновременно у частной промышленности отсутствовала мотивация к поддержанию готовности к развертыванию военного производства в связи с нестабильным характером получения заказов от Военного ведомства [Там же. С. 89].

А.М. Зайончковский сетовал на то обстоятельство, что государственная власть так и не учла опыта предыдущих войн России с точки зрения обеспечения армии предметами промышленного производства [14, с. 288–289]. В.Н. Ипатьев и Л.Ф. Фокин делали упор на отсутствии в России единого государственного органа по управлению военно-промышленной мобилизацией [15, с. 1]. Ю.Н. Данилов отмечал

непоследовательную государственную политику в отношении перспектив развития военной промышленности, четкого видения ее места и роли в системе обеспечения национальной безопасности [16, с. 48]. Серьезным упущением в социальной политике государства стало отсутствие эффективных механизмов регулирования конфликтов между трудом и капиталом, что самым отрицательным образом сказалось на возможности использования и без того небогатого промышленного потенциала страны [11, с. 104]. Большинство исследователей указывали на опасную степень зависимости национальной экономики России от внешних рынков, в частности от поставок промышленного оборудования [17, с. 207] и от обеспечения отечественной промышленности сырьем [15, с. 3]. Бывший начальник хозяйственного отдела Главного артиллерийского управления (ГАУ) Е. Смысловский подметил явное несоответствие характера военных операций русской армии, особенно в 1914-м – начале 1915 г., возможностям промышленности по обеспечению ее всем необходимым [18, с. 10].

Подробному анализу исследователи подвергли непосредственно сферу военно-промышленного производства. Г.И. Шигалин указывал на недостаточную специализацию большинства предприятий в ключевых с точки зрения военного производства отраслях промышленности (металлообрабатывающей, химической, машиностроительной), слабое развитие их внутривзаводской инфраструктуры [19, с. 16–17]. При этом большая часть частной промышленности в технико-технологическом отношении оказалась неготовой к производству высокотехнологичной военной продукции [20, с. 17]. П. Шаров подчеркивал, что даже такие крупные заводы, как Путиловский, Обуховский и Сормовский, не смогли справиться, например, с изготовлением специальных сортов стали для артиллерии [21, с. 42]. Данное обстоятельство только усугублялось отсутствием в стране точного станкостроения, что ставило отечественную индустрию в зависимость от иностранных рынков оборудования [22, с. 209].

Н.А. Данилов особый упор делал на отсутствии хорошей «административно-технической организации» отечественной промышленности, под которой он понимал совокупность научно обоснованных организационно-техни-

ческих элементов производства, делавших его устойчивым к неблагоприятным внешним факторам [11, с. 99]. Вместо этого «...в нашей промышленности дело держалось гораздо больше на определенных лицах и их сочетании...» [Там же. С. 100]. В условиях возрастающего значения науки в России практически отсутствовала связь между промышленными предприятиями и сообществами научно-технических сил [Там же. С. 101]. В.Н. Ипатьев в этой связи подчеркивал, что успех в развертывании химической промышленности стал возможным только благодаря наличию в России школы ученых-химиков, созданной в свое время Д.И. Менделеевым и А.М. Бутлеровым [23, с. 6].

А.А. Маниковский полагал, что крайне негативное влияние на состояние военной промышленности оказала непоследовательная политика самого Военного ведомства. Непосредственно перед Первой мировой войной на многих военных заводах из-за отсутствия достаточных объемов заказов производство основных видов продукции прекратилось и предприятия использовали свои производственные мощности для изготовления второстепенных изделий [13, с. 86]. Когда же потребовалось срочно нарастить выпуск крайне необходимых для фронта предметов вооружения, промышленность смогла сделать это с большими издержками и со значительным опозданием. Серьезной помехой на этом пути, по мнению В.С. Михайлова, стал «сугубо бюрократический строй хозяйства казенных заводов» [24, с. 105]. Кроме этого, по словам Е. Смысловского, в Военном ведомстве не было единого органа по управлению военной промышленностью [18, с. 4]. Отсюда неизбежны были многочисленные просчеты в ее обеспечении всем необходимым для эффективного функционирования: слабое развитие отечественной сырьевой базы [16, с. 29]; серьезные просчеты в системе финансового обеспечения [18, с. 5]; отсутствие системы бронирования рабочих военных заводов и их принудительного прикрепления к предприятиям [13, с. 83, 85]; крайне нерациональное использование трудовых ресурсов промышленности в ходе мобилизации армии [11, с. 104]; отсутствие унификации используемых в военном производстве предметов оборудования, деталей и полуфабрикатов [20, с. 17]; нерациональное географическое расположение большинства

предприятий военной промышленности относительно отечественных источников сырья и топлива [25, с. 159]; недостаточное развитие железнодорожной сети России [22, с. 209] и расстройство транспортной системы страны в ходе войны [25, с. 159].

Важнейшей проблемой стала мобилизация промышленности, т. е. перевод ее на военный лад, использование всего промышленного потенциала страны для обеспечения потребностей вооруженных сил. Эта проблема требовала глубокого осмысления не только с точки зрения удовлетворения научно-теоретического и познавательного интереса, но и из соображений использования накопленного в ходе войны опыта в практике построения соответствующей модели промышленности в условиях кардинально изменившейся в поствоенную эпоху военно-политической обстановки.

Я.М. Букшпан рассматривал мобилизацию промышленности как «приведение ее в состояние хозяйственной боевой готовности... чтобы мобилизованные предприятия поставляли товары в таком количестве, такого ассортимента, типа, качества и в такие сроки, которые нужны государству для ведения войны или для поддержания народного хозяйства в состоянии устойчивого равновесия» [26, с. 34]. Наиболее полно содержание мобилизации промышленности в годы войны раскрыл в своих трудах Г.И. Шигалин: «а) принудительное привлечение частных промышленных предприятий к работам на нужды войны; б) использование рабочих рук, оборудования и запасов промышленных материалов, принадлежащих частным предпринимателям, для пополнения и снабжения мобилизованных предприятий; в) использование частных торговых фирм в качестве поставщиков военно-промышленных материалов» [7, с. 93]. Сюда же исследователь относит: расширение масштабов производства на казенных военных заводах, строительство новых предприятий оборонного назначения, «перераспределение производительных сил между отраслями производства в соответствии с новыми условиями производства», перестройку административно-производственного аппарата предприятий в соответствии с новыми условиями производства, а также комплекс организационных мероприятий властей по переводу промышленности на работу в условиях

войны [19, с. 119]. Н.П. Цытович добавил к этим элементам получение «из-за границы сырых материалов и заказ за границей предметов вооружения в том неприятном случае, когда средств производительности страны при полном напряжении всех сил не хватает для пополнения убыли и накопления запасов оружия и боеприпасов» [27, с. 122].

В ходе мобилизации возникли сложности в процессе приспособления предприятий гражданского сектора к производству военной продукции. А.А. Маниковский объяснял эти сложности особенностью военно-промышленного производства, заключавшейся в высокой точности работ, «к какой не привыкла наша общая промышленность, даже та ее часть, которая изготавливает паровозы, двигатели разных систем, металлообрабатывающие станки и т. п. <...> И когда большая часть этой промышленности была привлечена военным ведомством к работе на снабжение армии, то потребовались громадные усилия и очень много времени как для соответствующего инструктирования технического персонала заводов, так и для привития рабочим таких навыков точности, которые требовались для военных изделий» [13, с. 76].

По мнению многих исследователей, на ход мобилизации самым негативным образом повлияло отсутствие в этом процессе каких-либо плановых начал и, говоря словами Е.З. Барсукова, «объединяющего высшего руководства» [22, с. 209]. Это не могло не привести к серьезным ошибкам в процессе мобилизационного развертывания промышленности и существенно снизило его эффективность. А.А. Маниковский в качестве одного из важнейших просчетов называл нерациональное распределение производственных мощностей по выпуску военной продукции, особенно предметов вооружения. Вместо того чтобы сосредоточить производство такого важного для снабжения армии вида продукции, как снаряды, на мощных и оборудованных заводах, поставив их под контроль Военного ведомства, «под давлением крайне возбужденного общественного мнения... ГАУ пришлось отступить от намеченной программы и заказывать снаряды не только совершенно ничтожным заводам, но иногда даже не заслуживающим доверия аферистам, обещавшим быстро оборудовать новые предприятия... в результате расплодилось масса мелких,

неможных в техническом отношении и просто дутых предприятий, поглощающих с поразительной прозорливостью и с ничтожной производительностью всякого рода оборудование, инструментальную сталь, металлы, топливо, транспорт, рабочие руки и технические силы, а также валюту» [28, с. 32]. Солидарен с такими выводами и Я. Фишман [29, с. 324].

Не менее серьезные последствия имело и опоздание с началом мобилизации промышленности, которая, по мнению того же А.А. Маниковского, должна начинаться одновременно с мобилизацией армии [13, с. 90]. Я.М. Букшпан полагал, что Россия в мобилизационном развертывании своей промышленности последовательно проходила те же стадии, что и Германия. Однако вследствие более позднего начала движения по данному пути результаты мобилизации дали положительный эффект только к исходу 1916 г., «когда было уже поздно» из-за радикального вторжения политических факторов в военно-хозяйственную сферу [26, с. 183].

Говоря о причинах недостатков, характерных для мобилизации промышленности в России, исследователи, как правило, называют всё те же обстоятельства, о которых речь шла выше и которые в целом послужили причинами провалов в снабжении армии. Однако негативное влияние на развертывание промышленности оказал и ряд специфических факторов. Так, С.Н. Ванков относит к их числу политику самого Военного министерства, в особенности ГАУ, выразившуюся в недоверии к частной промышленности, крайне неравномерном предоставлении ей заказов и слишком коротких сроках, на которые данные заказы выдавались [20, с. 10]. На этих же обстоятельствах акцентировали внимание В.И. Гринецкий [30, с. 16], А.В. Венедиктов [31, с. 38], Н.А. Данилов [11, с. 98].

Нельзя не отметить и более узкое представление о мобилизации промышленности, характерное для бывших служащих общественных организаций [32, с. 4], иностранных исследователей [33, с. 58–68], а также представителей русской эмиграции. Так, Н.Н. Головин понимал ее как «общественное движение», зародившееся на IX съезде представителей промышленности и торговли 26–29 мая 1915 г. в виде создания военно-промышленных комитетов [34, с. 57]. По мнению исследователя, именно эти комитеты организовали мобилизацию не только средней

и мелкой, но и крупной промышленности [Там же. С. 58].

Свое мнение по поводу промышленной мобилизации высказывали и представители формировавшейся в исследуемый период новой советской исторической школы, воззрения которой ограничивались рамками жестко определенных идеологем. Например, Я. Рудой оценивал мобилизацию промышленности как вынужденное явление и для самодержавия, и для оппозиционной буржуазии, которое, тем не менее, способствовало закабалению последней «рабочих под флагом „защиты отечества” и „всё для войны”» [35, с. 36]. Он же дал уничижительную оценку результатам мобилизации, заявив, что противоречия между различными слоями российской элиты «привели к полной неудаче и всю эту идею превратили в сплошную шумиху, чтобы замаскировать полное банкротство капиталистической системы в России» [Там же. С. 38].

Бурное развитие военного производства в военные годы, задействование значительной части отечественного промышленного потенциала в интересах обороны заострили интерес исследователей к самому феномену военной промышленности, ее месту в экономике страны и перспективам послевоенного развития.

Несомненным пионером в обсуждении этих проблем стал А.А. Маниковский. Уже в первом издании своего труда, посвященного боевому снабжению русской армии в годы Первой мировой войны, он раскрыл особенности военно-промышленного производства [36, с. 13–17], дал обоснование важности расширения и укрепления государственного сектора оборонной отрасли промышленности [Там же. С. 59–69]. Говоря о демобилизации промышленности после окончания войны, Маниковский писал: «...чтобы не пропали столь трудно давшиеся наука и опыт войны, в соответствующих заводах должны быть сохранены „ячейки” военных производств под непосредственным наблюдением и контролем того управления, на обязанности которого лежит боевое снабжение армии» [13, с. 82].

Обсуждению дальнейших путей развития оборонного сектора промышленности были посвящены доклады, подготовленные к 1-му Всероссийскому съезду инженеров, работающих в военной промышленности, который про-

шел в октябре 1921 г. Я.И. Каневский призывал крайне осторожно и взвешенно относиться к переводу военной промышленности на работу в условиях мирного времени, разработав при этом планы возможной в будущем ее мобилизации. Он считал, что для поддержания оборонных предприятий в готовности к быстрому развертыванию необходимо отказаться от широкого использования оборудования заводов для производства мирной продукции, сохранить минимальный объем специального производства, а главное – сохранить подготовленные кадры рабочих и инженерно-технического персонала [37, с. 47]. Важным фактором поддержания высокой мобилизационной готовности военных предприятий Каневский считал также широкое внедрение в производственную практику стандартизации и унификации деталей, узлов, агрегатов и т. д. [38, с. 63].

Ключевым, в рамках рассматриваемого сюжета, стал доклад В.С. Михайлова, где были сформулированы основные положения, на которых должна строиться вся будущая система военного производства страны. Проанализировав недостатки промышленности имперской России, Михайлов, развивая мысль А.А. Маниковского, так обозначил основной принцип функционирования военной индустрии: «...она должна строиться на тех же началах, как строится армия – постоянный кадр и мобилизуемые запасы» [39, с. 31]. Реализация данного принципа включала в себя:

- обеспечение самостоятельности в снабжении армии, независимости от внешних рынков, не исключая, однако, взаимовыгодных военно-технических связей;
- создание групп «кадровых» заводов, так сказать, заводов постоянной готовности для каждой отрасли военного производства [Там же];
- придание каждой группе «кадровых» заводов группы «запасных» заводов из числа предприятий гражданских отраслей промышленности, подготовленных в организационно-техническом плане к развертыванию военного производства в соответствии с заранее составленными мобилизационными планами;
- создание единого органа управления всей военной промышленностью (как «кадровыми», так и «запасными» заводами);
- создание единой системы мобилизационного планирования военной промышлен-

ности во главе с единым центральным органом, координирующим свою деятельность с органом управления военной индустрией;

- формирование системы подготовки кадров для оборонных отраслей промышленности, включающей бронирование задействованных на производстве рабочих и инженерно-технических специалистов, а также «военно-техническую повинность» для выпускников инженерных вузов [Там же. С. 32];

- проведение частных мобилизаций промышленности для пополнения запасов или для перевооружения армии [Там же. С. 33].

Оппонентом В.С. Михайлова выступил Е. Смысловский, назвавший его концепцию «академической программой» [40, с. 16]. По мнению Смысловского, Первая мировая война была исключительным явлением в истории человечества и поэтому нельзя строить будущую военную промышленность, опираясь только на ее опыт [Там же. С. 17]. Создание «кадровой» военной промышленности он считал целесообразным лишь в том случае, если бы имелась возможность экспорта продукции военного назначения на внешний рынок, что в условиях постреволюционной России было маловероятным из-за конкуренции со стороны западных военно-промышленных концернов [Там же. С. 18]. Однако своего варианта развития оборонной отрасли Е. Смысловский не предложил, ограничившись общими соображениями, из которых самым продуктивным было следующее: «Армию надлежит развивать в строгом соответствии с развитием отечественной военной промышленности и средствами государства» [Там же. С. 19].

На позициях В.С. Михайлова в развернувшейся полемике стоял И. Шведов. Он также считал крайне важной заблаговременную подготовку промышленности: «Мобилизация всей страны в случае войны должна дать для промышленности такую же армию, как и для боевых действий» [41, с. 19]. На основе анализа военно-экономической мобилизации ведущих стран в годы Первой мировой войны Шведов предложил свой вариант плана мобилизационного развертывания промышленности России в случае будущего вооруженного конфликта, предусматривавший задействование всего экономического потенциала страны [Там же. С. 19–20].

Ряд авторов, не участвуя напрямую в дискуссии о перспективах развития военно-промышленной сферы страны, отметили в своих работах очень важные штрихи, касающиеся данной сферы. Так, анонимный инженер-артиллерист, бывший в годы войны приемщиком на военных заводах в США, призывал использовать возможности, которые открывались перед отечественной военной промышленностью благодаря военно-техническим связям с иностранными профильными фирмами. Для повышения эффективности этих связей он предлагал совершенствовать систему легальной военно-технической и промышленной разведки [42, с. 4]. Академик В.Н. Ипатьев (на основе опыта создания практически с нуля химической отрасли в период войны) утверждал цивилизационную роль военно-промышленного производства: «История показывает, что подготовка к войне является одним из могучих рычагов для поднятия техники и усовершенствования методов получения самых разнообразных предметов, находящих себе применение не только для военных целей, но и для мирной культурной работы» [43, с. 4].

Следует отметить, что модель построения военной промышленности, предложенная В.С. Михайловым, легла в основу доклада (и получила в нем дальнейшее развитие), представленного в марте 1924 г. в Реввоенсовет, Совнарком и Совет труда и обороны СССР. По мнению Н.С. Симонова, именно в этом докладе были изложены те основополагающие принципы, на которых и происходило в дальнейшем формирование в нашей стране постоянно действующего военно-промышленного комплекса [44, с. 32].

Заключение

Итак, нами были проанализированы результаты исследований российских ученых и военно-технических специалистов конца 1910-х —

1920-х гг., посвященных трем блокам проблем военно-промышленной сферы России периода Первой мировой войны: это 1) причины неудовлетворительного снабжения армии; 2) мобилизационное развертывание промышленности; 3) место и роль военной промышленности в экономике страны. Результаты нашего исследования дают возможность утверждать, что между данными проблемами существовали устойчивая связь и взаимозависимость.

В отношении первого блока проблем — причин неудовлетворительного снабжения армии — можно констатировать: действовавшая в России до Первой мировой войны система военно-промышленного производства потерпела в ходе ее полный крах, что привело к острейшему кризису снабжения армии и поставило страну на край военной катастрофы.

Реакцией государства и общества на этот кризис, способом его преодоления стала военно-экономическая мобилизация, важнейшей составной частью которой являлась мобилизация промышленного комплекса страны.

Одним из следствий промышленной мобилизации стала проблема: как распорядиться ее результатами после окончания войны? Решалась эта проблема в условиях кардинального изменения политического и социально-экономического облика страны, ее военно-политического и военно-стратегического места в системе международных отношений. На основе анализа опыта войны потребовалось адаптировать к этим условиям сложившуюся систему военно-промышленного производства. Важную роль в этом как раз и сыграли исследовательские усилия большой группы отечественных ученых и военно-технических специалистов, работавших в рассматриваемый период. В этом заключается особое значение их трудов, ставших к тому же важным вкладом в отечественную историографию Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полицарпов В.В. О так называемой «Программе Маниковского» 1916 года // Истор. записки. 1983. Т. 109. С. 281–306.
2. Полицарпов В.В. Государственное производство вооружения в России начала XX в. (историография вопроса) // История и историки. 1982–1983. М.: Наука, 1987. С. 16–37.
3. Полицарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. 552 с.
4. Полицарпов В.В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы: моногр. М.: Центрполиграф, 2015. 383 с.

5. **Жук А.В.** Арсенал Первой мировой войны. Оборонная промышленность Урала в 1914–1918 гг.: моногр. М.: Изд-во НИЯУ МИФИ, 2014. 220 с.
6. **Каратыгин П.** Мобилизация промышленности для нужд войны (общие основы). М.: Военный вестн., 1925. 92 с.
7. **Шигалин Г.И.** Подготовка промышленности к войне. М.; Л.: Госиздат, 1928. 228 с.
8. **Авилов Б.** Настоящее и будущее народного хозяйства России. Пг., 1916. 86 с.
9. **Павлович М.П.** Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1918. 130 с.
10. **Ченцов М.В.** История русской промышленности. М.: Новая Москва, 1925. 180 с.
11. **Данилов Н.А.** Экономика и подготовка к войне. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 195 с.
12. **Прокопович С.Н.** Война и народное хозяйство. 2-е изд., доп. М.: Тип. Н.А. Сазоновой, 1918. 265 с.
13. **Маниковский А.А.** Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 2-е, доп. и перераб. Е.З. Барсуковым. Т. 1. М.: Госиздат, 1930. 408 с.
14. **Зайончковский А.М.** Подготовка России к империалистической войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов. М.: Гос. воен. изд-во, 1926. 428 с.
15. **Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.** Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. Пг, 1921. 79 с.
16. **Данилов Ю.Н.** Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 396 с.
17. **Сарабьянов В.Л.** История русской промышленности. Харьков: Пролетарий, 1926. 292 с.
18. **Смысловский Е.** Парадоксы русского военного хозяйства // Снабжение Красной Армии. 1922. № 1. С. 3–15.
19. **Шигалин Г.И.** Промышленность в условиях войны. М.: Изд-во Воен. акад. им. М.В. Фрунзе, 1930. 176 с.
20. **Ванков С.Н.** О состоянии нашей металлообрабатывающей промышленности к началу войны 1914 года и во время войны // Науч.-техн. вестн. 1921. № 6. С. 1–18.
21. **Шаров П.** Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Госиздат, 1928. 176 с.
22. **Барсуков Е.З.** Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. 230 с.
23. **Ипатьев В.Н.** Наука и промышленность на Западе и в России. Пг.: Науч. химико-техн. изд-во, 1923. 44 с.
24. **Михайлов В.С.** Очерки по истории военной промышленности // Генерал В.С. Михайлов. 1875–1929: документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 83–411.
25. **Козлов Н.** Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М.: Госвоениздат, 1926. 176 с.
26. **Букшпан Я.М.** Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Госиздат, 1929. 541 с.
27. **Цыгович Н.П.** Краткий очерк эволюции артиллерии. М.; Л.: Госиздат, 1930. 156 с.
28. **Маниковский А.А.** Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 2-е, доп. и перераб. Е.З. Барсуковым. Т. 2. М.: Госиздат, 1930. 364 с.
29. **Фишман Я.** Газовая война. М.: Госвоениздат, 1924. 344 с.
30. **Гриневецкий В.И.** Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-е изд. М.: Изд-во Центросоюза, 1922. 103 с.
31. **Венедиктов А.В.** Организация железной и угольной промышленности // Тяжелая индустрия в СССР: сб. ст. М.: Госиздат, 1926. С. 7–129.
32. **Горбачёв И.А.** Финансы и хозяйство военно-промышленных комитетов. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1919. 40 с.
33. **Клаус Р.** Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.) М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 116 с.
34. **Головин Н.Н.** Военные усилия России в мировой войне. Т. II. Париж: Изд-во Т-ва объединенных издателей, 1939. 242 с.
35. **Рудой Я.** Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л.: Прибой, 1925. 96 с.
36. **Маниковский А.А.** Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920. 123 с.
37. **Каневский Я.И.** Мобилизация и демобилизация военной промышленности // Тр. 1-го Всерос. съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. Вып. 1. М.: Изд-во ГУВП, 1923. С. 47–51.
38. **Каневский Б.И.** О нормализации деталей и изделий // Тр. 1-го Всерос. съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. Вып. 1. М.: Изд-во ГУВП, 1923. С. 61–63.
39. **Михайлов В.С.** Об организации военной промышленности // Тр. 1-го Всерос. съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. Вып. 1. М.: Изд-во ГУВП, 1923. С. 24–33.
40. **Смысловский Е.** К вопросу об организации военной промышленности // Снабжение Красной Армии. 1922. № 6-7. С. 16–19.
41. **Шведов И.** Мобилизация военной промышленности как часть общего мобилизационного плана подготовки к войне // Техника и снабжение Красной Армии. 1922. № 17. С. 6–20.
42. **Н. Ж.** О заказах Главного артиллерийского управления в Северо-Американских Соединенных Штатах во время мировой войны // Снабжение Красной Армии. 1922. № 9. С. 1–4.

43. **Ипатьев В.Н.** Химическая промышленность – база химической обороны. Л.: Научхимтехиздат, 1924. 30 с.

44. **Симонов Н.С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОССПЭН, 1996. 335 с.

Алексеев Тимофей Владимирович

E-mail: timofey1967@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.01.2019 г.

REFERENCES

- [1] **Polikarpov V.V.**, [About so-called “Manikovsky’s Program” of 1916], Historical notes, 109 (1983) 281–306.
- [2] **Polikarpov V.V.**, Gosudarstvennoye proizvodstvo vooruzheniya v Rossii nachala XX veka (istoriografiya voprosa) [The State production of arms in Russia the beginnings of the 20th century (Question historiography)], in: Istoriya i istoriki. 1982–1983 [History and historians. 1982–1983], Nauka, Moscow, 1987, pp. 16–37.
- [3] **Polikarpov V.V.**, Ot Tsusimy k Fevralyu. Tsarizm i voyennaya promyshlennost’ Rossii v nachale XX veka [From Tsushima by February. A tsarism and armament industry at the beginning of the XX century], Indrik, Moscow, 2008.
- [4] **Polikarpov V.V.**, Russkaya voyenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennyye zadachi i chastnyye interesy [Russian military-industrial policy. 1914–1917. National objectives and private interests], monogr., Centrpoligraf, Moscow, 2015.
- [5] **Zhuk A.V.**, Arsenal Pervoy mirovoy voyny. Oboronaya promyshlennost’ Urala v 1914–1918 godakh [Arsenal of World War I. Defense industry of the Urals in 1914–1918], monogr., NIYaU MIPhI Publ., Moscow, 2014.
- [6] **Karatygin P.**, Mobilizatsiya promyshlennosti dlya nuzhd voyny (obshchie osnovy) [Mobilization of the industry for needs of war (the general bases)], Voenny vestnik, Moscow, 1925.
- [7] **Shigalin G.I.**, Podgotovka promyshlennosti k voyne [Preparation of the industry for war], Gosizdat, Moscow, Leningrad, 1928.
- [8] **Avilov B.**, Nastoyashcheye i budushcheye narodnogo khozyaystva Rossii [Present and future of the national economy of Russia], Petrograd, 1916.
- [9] **Pavlovich M.P.**, Militarizm, marinizm i voyna 1914–1918 godov [Militarism, marinism and war of 1914–1918], Moscow, 1918.
- [10] **Chentsov M.V.**, Istoriya russkoy promyshlennosti [History of the Russian industry], Novaya Moskva, Moscow, 1925.
- [11] **Danilov N.A.**, Ekonomika i podgotovka k voyne [Economy and preparation for war], Gosvoenizdat, Moscow, Leningrad, 1926.
- [12] **Prokopovich S.N.**, Voyna i narodnoye khozyaystvo [War and national economy], Moscow, 1918.
- [13] **Manikovskiy A.A.**, Boyevoye snabzheniye russkoy armii v mirovuyu voynu [Fighting supply of the Russian army in world war], of vol. 1, Gosizdat, Moscow, 1930.
- [14] **Zayonchkovskiy A.M.**, Podgotovka Rossii k imperialisticheskoy voyne [Preparation of Russia for imperialistic war], Gosvoenizdat, Moscow, 1926.
- [15] **Ipatyev V.N., Fokin L.F.**, Khimicheskii komitet pri Glavnom artilleriyskom upravlenii i yego deyatelnost’ dlya razvitiya otechestvennoy khimicheskoy promyshlennosti [Chemical committee at the Head artillery department and its activity for development of domestic chemical industry], of vol. 1, Petrograd, 1921.
- [16] **Danilov Yu.N.**, Rossiya v mirovoy voyme. 1914–1915 gody [Russia in world war. 1914–1915], Slowo, Berlin, 1924.
- [17] **Sarabyanov V.L.**, Istoriya russkoy promyshlennosti [History of the Russian industry], Proletary, Khar'kov, 1926.
- [18] **Smyslovskiy Ye.**, [Paradoxes of the Russian military of economy], Snabzhenie Krasnoy Armii [Supply of the Red Army], 1 (1922) 3–15.
- [19] **Shigalin G.I.**, Promyshlennost’ v usloviyakh voyny [The industry in the conditions of war], Moscow, 1930.
- [20] **Vankov S.N.**, [About a condition of our metal-working industry by the beginning of war of 1914 and during war], Nauchno-tekhnicheskii vestnik [The Scientific and technical messenger], 6 (1921) 1–18.
- [21] **Sharov P.**, Vliyaniye ekonomiki na iskhod mirovoy voyny 1914–1918 godov [Influence of economy on the result of world war of 1914–1918], Gosizdat, Moscow, Leningrad, 1928.
- [22] **Barsukov Ye.Z.**, Rabota promyshlennosti na boyevoye snabzheniye russkoy armii v mirovuyu voynu [Work of the industry on fighting supply of the Russian army in world war], Moscow, 1928.
- [23] **Ipatyev V.N.**, Nauka i promyshlennost’ na Zapade i v Rossii [Science and the industry in the West and in Russia], Scientific chemical and technical publ. house, Petrograd, 1923.

[24] **Mikhaylov V.S.**, Oчерки po istorii voyennoy promyshlennosti [Sketches on stories of armament industry], in: General V.S. Mikhaylov. 1875–1929: dokumenty k biografii. Oчерки po istorii voyennoy promyshlennosti [The General V.S. Mikhaylov. 1875–1929: documents to the biography. Sketches on stories of armament industry], ROSSPEN, Moscow, 2007, pp. 83–411.

[25] **Kozlov N.**, Oчерk snabzheniya russkoy armii voyenno-tekhnicheskim imushchestvom v mirovuyu voynu. Chast' 1. Ot nachala voyny do poloviny 1916 goda [Essay of supply of the Russian army with military and technical property in world war], of vol. 1: [From the beginning of war to a half of 1916], Gosvoenizdat, Moscow, 1926.

[26] **Bukshpan Ya.M.**, Voyenno-khozyaystvennaya politika. Formy i organy regulirovaniya narodnogo khozyaystva za vremya mirovoy voyny 1914–1918 godov [Military and economic policy. Forms and bodies of regulation of the national economy during world war of 1914–1918], Gosizdat, Moscow, Leningrad, 1929.

[27] **Tsytovich N.P.**, Kratkiy oчерk evolyutsii artillerii [Short sketch of evolution of artillery], Gosizdat, Moscow, 1930.

[28] **Manikovskiy A.A.**, Boyevoye snabzheniye russkoy armii v mirovuyu voynu [Fighting supply of the Russian army in world war], of vol. 2, Gosizdat, Moscow, 1930.

[29] **Fishman Ya.**, Gazovaya voyna [Gas war], Gosvoenizdat, Moscow, 1924.

[30] **Grinevetskiy V.I.**, Poslevoyennyye perspektivy russkoy promyshlennosti [Post-war prospects of the Russian industry], Centrsoyuz Publ., Moscow, 1922.

[31] **Venediktov A.V.**, Organizatsiya zheleznoy i ugol'noy promyshlennosti [The organization of the iron and coal industry], in: Tyazhelaya industriya v SSSR [The Heavy industry in the USSR. Collection of articles], Gosizdat, Moscow, 1926, pp. 7–129.

[32] **Gorbachev I.A.**, Finansy i khozyaystvo voyenno-promyshlennykh komitetov [Finance and economy of military-industrial committees], Moscow, 1919.

[33] **Klaus R.**, Voyna i narodnoye khozyaystvo Rossii (1914–1917 gody) [War and national economy of Russia (1914–1917)], Gosvoenizdat, Moscow, Leningrad, 1926.

[34] **Golovin N.N.**, Voyennyye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Military efforts of Russia in world war], of vol. 2, Paris, 1939.

[35] **Rudoy Ya.**, Gosudarstvennyy kapitalizm v Rossii vo vremya imperialisticheskoy voyny [The state

capitalism in Russia during imperialistic war], Priboy, Leningrad, 1925.

[36] **Manikovskiy A.A.**, Boyevoye snabzheniye russkoy armii v voynu 1914–1918 godov [Fighting supply of the Russian army in war of 1914–1918], of vol. 1, Moscow, 1920.

[37] **Kanevskiy Ya.I.**, Mobilizatsiya i demobilizatsiya voyennoy promyshlennosti [Mobilization and demobilization of armament industry], in: [Works of the 1st All-Russian congress of the engineers working in the field of armament industry], of vol. 1, GUVP Publ., Moscow, 1923, pp. 47–51.

[38] **Kanevskiy B.I.**, O normalizatsii detaley i izdeliy [About normalization of details and products], in: Trudy I Vserossiyskogo s"ezda inzhenerov, rabotayushchikh v oblasti voennoy promyshlennosti [Works of the 1st All-Russian congress of the engineers working in the field of armament industry], of vol. 1, GUVP Publ., Moscow, 1923, pp. 61–63.

[39] **Mikhaylov V.S.**, Ob organizatsii voyennoy promyshlennosti [About the organization of armament industry], in: Trudy I Vserossiyskogo s"ezda inzhenerov, rabotayushchikh v oblasti voennoy promyshlennosti [Works of the 1st All-Russian congress of the engineers working in the field of armament industry], of vol. 1, GUVP Publ., Moscow, 1923, pp. 24–33.

[40] **Smyslovskiy Ye.**, [To a question of the organization of armament industry], Snabzhenie Krasnoy Armii [Supply of the Red Army], 6–7 (1922) 16–19.

[41] **Shvedov I.**, [Mobilization of armament industry as part of the general mobilization plan of preparation for war], Tekhnika i snabzhenie Krasnoy Armii [Equipment and supply of the Red Army], 17 (1922) 6–20.

[42] **N. Zh.**, [Orders of the Head artillery department in the North American United States during World war], Snabzhenie Krasnoy Armii [Supply of the Red Army], 9 (1922) 1–4.

[43] **Ipatyev V.N.**, Khimicheskaya promyshlennost' – baza khimicheskoy oborony [Chemical industry – base of chemical defense], Nauchkhimtekhnizdat, Leningrad, 1924.

[44] **Simonov N.S.**, Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-ye gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniya [Military industrial complex of the USSR in the 1920–1950th years: rates of economic growth, structure, organization of production and management], ROSSPEN, Moscow, 1996.

Alekseev Timofey V.

E-mail: timofey1967@mail.ru

Received 03.01.2019.

DOI: 10.18721/JHSS.10103

УДК 930.2 07.00.09

РОЛЬ Г.Ф. МИЛЛЕРА В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

Д.В. Цветков

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена определению вклада выдающегося российского историка немецкого происхождения Герхарда Фридриха Миллера (Фёдора Ивановича Миллера) (1705–1783) в формирование академического китаеведения в России, и в частности выявлению его роли в деятельности одного из основоположников русской синологии и маньчжуристики И.К. Россохина по переводу китайских произведений на русский язык. Хотя в трудах по истории русского китаеведения неоднократно отмечалось, что Миллер руководил работой Россохина, нигде не было уточнено, с какой именно целью последний делал свои переводы. Установлено, что переведенные им тексты использовались Миллером в качестве материалов для работы над фундаментальным трудом «История Сибири». Также вполне очевидно, что Миллер использовал сведения, почерпнутые из россохинских переводов, при написании и других работ. В его трудах, затрагивающих историю российско-китайских отношений, прослеживается влияние переводческой деятельности И.К. Россохина. Несмотря на то что Г.Ф. Миллер не владел китайским языком, его деятельность оказала существенное влияние на становление русской востоковедческой науки, послужила стимулом для перевода и последующего изучения письменного наследия Китая.

Ключевые слова: история российского востоковедения, история Академии наук, источниковедение, архивоведение, историография российской науки

Ссылка при цитировании: Цветков Д.В. Роль Г.Ф. Миллера в становлении русского китаеведения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 30–36. DOI: 10.18721/JHSS.10103

G.F. MILLER'S ROLE IN RUSSIAN SINOLOGY

D.V. Tsvetkov

St. Petersburg State University of Culture and Arts, St. Petersburg, Russian Federation

This paper is about academic Gerhard Fridrih Millers donation to formation of Russian sinology, particularly, about his role in Illarion K. Rossohins translation of Chinese books. Despite there are a lot of works about history of Russian sinology tell us, that Miller was supervised Rossohins work, there is no information about Rossohin translation works reason. As a result, it was established, that Miller used Chinese texts, translated by I.K. Rossohin as a material for his fundamental work “The History of Siberia”. It is absolutely obviously, that information, contained in Rossohins translations, helped Miller to write another his scientific works. Niller wrote a lot of works, dedicated to history of Russian-Chinese relations. Despite Miller could not Chinese language, his work made

a large influence to Russian sinology improvement, and stimulated translation into Russian language and research of Chinese text heritage.

Keywords: history of Russian oriental studies, history of Russian Academy of sciences, source study, archive study, historiography of Russian science

Citation: D.V. Tsvetkov, G.F. Miller's role in Russian sinology, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 30–36. DOI: 10.18721/JHSS.10103

Введение

В настоящей статье исследуется роль академика Герхарда Фридриха Миллера (Фёдора Ивановича Миллера) (1705–1783) в становлении китаеведческой науки в России. Таким образом, в ней затронуты две большие темы: история российской синологии и деятельность Петербургской академии наук в XVIII в.

История русского китаеведения подробно рассмотрена в фундаментальной монографии П.Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» [1], в работах В.Г. Дацышена «Четыреста лет истории русско-китайских отношений», «Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в.» [2], «Изучение истории Китая в Российской империи» [3], а также в написанной на китайском языке статье И.Ф. Поповой «Изучение китайского языка в России» («波波娃 俄國漢語研究概況») [4] и в монографии профессора Пекинского университета иностранных языков Лю Жомэй с соавторами «Связующий мост между китайской и русской культурами: первые академические китаеведы России» («柳若梅等著 沟通中俄文化的桥梁: 俄罗斯汉学史上的院士汉学家») [5].

Ряд исследовательских трудов посвящен деятельности членов Петербургской академии наук. К наиболее значительным из них относится монография И.В. Тункиной «Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX в.): очерки истории Санкт-Петербургского академического архива» [6], в которой описана одна из важнейших страниц истории Российской академии наук – образование фондов Архива РАН.

Важным источником сведений по истории Академии наук является ее документация. Среди собраний таких документов можно выделить Уставы Академии наук СССР¹, Материалы

для истории Императорской Академии наук² и Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук.

В процессе работы над данной статьей нами были проанализированы научные труды Г.Ф. Миллера, в том числе наиболее известный из них – «История Сибири» [7, 8], а также изучены его статьи в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», выходившем под редакцией академика Миллера, в частности статья «История о странах, при реке Амур лежащих, когда оныя состояли под Российским владением», напечатанная в нескольких выпусках журнала [9].

Постановка проблемы и цели исследования

Имя Г.Ф. Миллера, выдающегося русского историка немецкого происхождения, историографа, участника Великой Северной экспедиции, члена Петербургской академии наук, фигурирует во многих работах, посвященных истории изучения Китая в России, в том числе и в монографии П.Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» [1] и др. При этом упоминания об этом человеке, как правило, ограничены всего лишь несколькими фразами, например отмечается, что он был непосредственным руководителем И.К. Россохина – первого в России переводчика с китайского и маньчжурского языков. Известно, что начиная с 1747 г. Россохин переводил тексты, отобранные Миллером, однако нигде не говорится, по какому принципу Миллер отбирал тексты для перевода и с какой целью Россохин его выполнял. В процессе данного исследования мы попытаемся найти ответы на эти вопросы и систематизируем труды Миллера, в которых затрагивается тема

¹ Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. 208 с.

² Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. VIII (1746–1747). СПб., 1895. 672 с.

Китая. Цель статьи — проследить процесс зарождения у Миллера интереса к истории и культуре Китая, выявить фактический материал, на котором он основывался в процессе написания своих трудов.

Методология

Данная статья основана на детальном изучении письменного наследия Г.Ф. Миллера.

Результаты исследования

Самой известной работой Г.Ф. Миллера является фундаментальный труд «История Сибири» [7, 8]. В него вошли материалы, собранные во время Второй Камчатской экспедиции (1733–1743...). Основной целью этой экспедиции, как и других экспедиций, составлявших Великую Северную экспедицию, было исследование природных ресурсов Сибири и русского Дальнего Востока для развития промышленности в этих регионах и их колонизации. В процессе этих исследований изучались не только природные условия и полезные ископаемые, но и история, культура, этнография местных народов. Как отмечает советский историк С.В. Бахрушин в статье «Г.Ф. Миллер как историк Сибири» [10], к началу экспедиции научные интересы Миллера уже утвердились, в частности им было опубликовано несколько статей о калмыках.

Вернувшись после десятилетнего пребывания в Сибири, Миллер в 1743 г. занялся систематизацией полученных им за этот период знаний и собранных материалов, результатом чего и стало написание «Истории Сибири» (книга вышла в двух томах). В данном труде приведено подробное описание истории Сибири с древности по XVIII в., включая завоевание ее Ермаком, устройства сибирских городов, а также детально рассказывается о древних сибирских памятниках, в частности о содержании могильников и сибирской эпиграфике. Упоминаются в нем и международные отношения в этом регионе.

В 1747 г. был утвержден новый устав Академии наук, в соответствии с которым историографу академии полагался переводчик с китайского и маньчжурского языков. По ходатайству Миллера, в качестве такого переводчика ему был назначен Илларион Калинович Россохин (1717–1761), ученик второй Православной мис-

сии в Пекине³. И.К. Россохин известен прежде всего как один из основоположников русской синологии и маньчжуристики. Он перевел на русский язык множество текстов различной тематики с китайского и маньчжурского языков. До настоящего времени большая часть переводов Россохина не опубликована и хранится в рукописных вариантах в архивах Санкт-Петербурга.

Особого внимания заслуживают выполненные Россохиным переводы произведений на историческую тематику. Пожалуй, наиболее известным из них является перевод текста под названием «八旗通志» («Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего») — фундаментальное многотомное произведение, посвященное истории и культуре маньчжуров. Следует также выделить «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у Калмыцкого хана Аюки на Волге». Переводы обоих произведений напечатаны в середине XVIII в.

Из неопубликованных переводов И.К. Россохина наиболее выдающимся можно назвать текст «Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями»⁵. Данный текст представляет собой русский перевод текста «潘氏總論» («Общие рассуждения господина Паня») — исторического труда, написанного в XIV в. ученым Пань Жуном. За основу было взято произведение Сыма Гуана «Всеобщее зеркало, управлению способствующее». В оригинальной книге приведено описание истории Китая с древнейших времен по период правления династии Сун. В своем переводе Россохин добавил написанный им же раздел, посвященный истории Китая в пе-

³ Уставы Академии наук СССР. С. 62.

⁴ Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящаго / пер. с кит. И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева. СПб., 1784.

⁵ Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями. С манджурского на российский язык перевел прапорщик Ларион Разсохин. 1746 // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбф АРАН). Р. I. Оп. 1. Ед. хр. 113.

риод, охватывающий правление династий Сун и Цин. Рукопись сопровождается обширными подстрочными комментариями и справочным материалом.

Следует отметить также выполненный Россохиным перевод текста «親征平定朔漠方略» («История завоевания китайским ханом Канхиейм калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии»)⁶, где описана первая маньчжурско-ойратская война (1690–1697 гг.). В 1750 г. Россохин написал труд «*Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славнороссийского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи, называемой о завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии*»⁷. Эта рукопись представляет собой выписки из «Истории завоевания...», где есть упоминания о России.

Детальный анализ «Истории Сибири» показывает, что в процессе работы над этим произведением Миллер активно пользовался текстами, переведенными И.К. Россохиным. Несмотря на отсутствие прямых ссылок на них, Миллер регулярно упоминает его имя: «Ульдзютю-хан царствовал 12 лет. Он был внуком Коблая и его наследником, до начала правления он назывался Тимур и, по известиям Россохина (курсив наш. – Д. Ц.), после смерти получил монгольское имя Вань-джеду-Хуанди. Его правление называлось Чингзонг, а по Россохину – Чиндзун, и продолжалось 13 лет» [7, с. 181]; «Кулдук-хан царствовал 4 года. До того он назывался Гайхан, год его правления Вутзонг, по Россохину – Удзун. После смерти его звали Кюлю; он правил 4 года» [Там же] и др.

⁶ История завоевания китайским ханом Канхиейм калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии // СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 1–3.

⁷ Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славнороссийского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи, называемой о завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии // Там же. Р. 2. Оп. 1. Ед. хр. 118.

Совершенно очевидно, что Г.Ф. Миллер, будучи исследователем широких взглядов, осознавал необходимость использовать не только русскоязычные источники, но и материалы на других языках, в том числе восточных. Об этом свидетельствует, в частности, проект Исторического департамента, где Миллер, в числе прочего, называет «иностранные печатные исторические книги о России, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Польше, Швецкой, Дацкой, Немецкой, Турецкой, Персицкой, Китайской землях и о прочих государствах, где отчасти российская история, сколько о том сочинителям известно было, описана, а паче для тех случаев, по которым соседственные государства чрез войны, трактаты, союзы и чрез прочая с российской историей сообщение имеют»⁸ одними из источников по написанию истории России.

Важно также отметить, что Миллер обращался к теме Китая не только в «Истории Сибири». В 1747 г. он представил Историческому собранию свою монографию «*История и описание Китайского государства*». В 1757 г. в нескольких номерах журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» печатался очерк Миллера «*История о странах, при реке Амур лежащих, когда оныя состояли под Российским владением*» [9]. В этом очерке описаны история заключения Нерчинского договора России с Цинским Китаем и предпосылки к этому событию.

Кроме того, следует отметить, что в февральском выпуске журнала за тот же год Миллер опубликовал статью «*Рассуждение о китайском языке. Из писем Барона Голберга*», где перечислены основные особенности китайской фонетики и письменности. В конце статьи имеется пометка о том, что перевод был выполнен при Шляхетном кадетском корпусе. Фамилия переводчика не указана.

По распоряжению Екатерины II Миллером была написана статья «*Рассуждения о законных причинах к объявлению войны китайцам и способах вести ее, сочиненная в 1763 г.*». В начале этого текста приводится краткое описание военных конфликтов между монгольскими ханами и Цинским Китаем. Вполне очевидно, что при написании данной статьи Миллер опирался на

⁸ Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. VIII. С. 187.

труды И.К. Россохина, в частности на выполненный им перевод «Истории завоевания китайским ханом Кан-хиейм калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии». Активное использование Миллером переводов Россохина прослеживается и при чтении его статьи «*Рассуждение о посольстве в Китай*», написанной в 1764 г. Миллер пользовался трудами Россохина при описании истории отношений Китая с приграничными народами. Данный текст также был написан по распоряжению Екатерины II, и предполагалось, что он будет служить руководством по выстраиванию дипломатических контактов с Китаем.

В апрельском выпуске журнала «Ежемесячные сочинения...» за 1757 г. была помещена статья «*Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года*». Как следует из названия, данная статья посвящена заключению Нерчинского договора о проведении границы между Россией и Китаем.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится рукопись, озаглавленная «*Сборник статей, относящихся к Китаю*»⁹. Это три переведенных И.К. Россохиным текста, сброшюрованные в одну тетрадь.

Первый текст — «*Описание о горах Алтайских переведено из китайской книги Дай-Цин-итун-джи*» — является переводом выдержек из Да Цин и тунджи 大清一統誌 («Всеобщее уложение Великой Цин») и включает в себя список названий Алтайских гор и их перевод на русский язык, а также краткое описание гор Тянь-Шань, Цунлин, Куньлунь и Гандин-Алинь.

Второй текст — «*Челобитная, которую подали математического собрания члены именов Южишинь аньдо (езуиты) государствования Кан-хи 30 году 12 месяца 16 числа (то есть 11 января 1692 году) на все милостивейшее рассмотрение*» — представляет собой прошение, поданное иезуитами императору Канси в 1692 г. Как говорится в начале текста, он был выгравирован на стеле, поставленной иезуитами возле ворот Сюаньбу мэн, 宣武門 (другое название — Шуньчэн мэн, 順承門), расположенных в южной части Пекина. Текст на китайском языке был переписан Россохиным и в настоящее время находится в

Библиотеке Академии наук. Иезуиты обращаются к императору с просьбой прекратить гонения на христиан. Поводом для подачи данной челобитной послужило разрушение в 1692 г. китайскими войсками католического храма в городе Ханьчжоу и последовавшие за ним призывы выгнать из Китая всех европейцев.

Третий текст — «*Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках, коим образом оныя...*» — это подробное описание способов изготовления различных пиротехнических изделий, состава пороха, сопровождающееся рисунками и пояснениями.

Наиболее вероятной представляется версия, что данные статьи предназначались для публикации в периодическом издании при Академии наук и что они могли быть опубликованы в «Ежемесячных сочинениях...», а переводы этих текстов также были сделаны И.К. Россохиным по распоряжению Г.Ф. Миллера. Детальный анализ рукописи позволяет предположить, что этот ее вариант является черновым, так как в тексте много пометок на полях и исправлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первые русские переводы китайских литературных произведений появились в соответствии с практическими нуждами членов Петербургской академии наук. Историограф академии Герхард Фридрих Миллер, занимаясь изучением истории России, в частности истории Сибири, рассматривал изучаемый им регион в контексте мировой истории. Он стремился использовать как можно больше фактического материала на разных языках, чтобы показать роль России в мировом историческом процессе, создать детальную картину ее истории, в том числе в контексте взаимодействий с другими странами.

Значительное количество публикаций по китайской тематике в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», главным редактором которого являлся Г.Ф. Миллер, свидетельствует о существовавшем у него глубоком интересе к Китаю. Характер публикаций говорит о том, что больше всего Миллер интересовался историей российско-китайских отношений.

Заключение

Академик Г.Ф. Миллер сыграл одну из решающих ролей в становлении академическо-

⁹ Сборник статей, относящихся к Китаю // СПбф АРАН. Р. 2. Оп. 1. Ед. хр. 114.

го китаеведения в России. Несмотря на то что Миллер не был востоковедом и не владел китайским языком, его деятельность, связанная с изучением России и ее приграничных народов,

послужила своеобразным катализатором для работы над переводами китайских и маньчжурских письменных памятников и их последующего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1997. 503 с.
2. Дацьшен В.Г. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2011. 197 с
3. Дацьшен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи: моногр. М.: Проспект, 2016. 191 с.
4. 波波娃 俄國漢語研究情況 // 東アジア文化交渉研究 [Попова И.Ф. Изучение китайского языка в России // Исследования культурных связей в Восточной Азии]. Вып. 8. С. 157–168.
5. 柳若梅等著 沟通中俄文化的桥梁：俄罗斯汉学史上的院士汉学家。北京。：外语教学与研究出版社 [Лю Жомэй и др. Связующий мост между китайской и русской культурами: первые академические китаеведы в России]. Пекин, 2010. 396 с.

6. Тункина И.В. Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX в.): очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб.: Нестор-История. 2016. 512 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 608 с.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 644 с.
9. Миллер Г.Ф. История о странах, при реке Амур лежащих, когда оныя состояли под Российским владением // Ежемес. соч., к пользе и увеселению служащая. 1757. Февраль. С. 61–64; Апрель. С. 15–32; Июль. С. 1–39; Август. С. 1–29; Сентябрь. С. 1–32; Октябрь. С. 1–38.
10. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937.

Цветков Дмитрий Владимирович
E-mail: dmitry.tswetckov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2018 г.

REFERENCES

- [1] Skachkov P.Ye., Ocherki istorii russkogo kitayavedeniya [Essays on the history of Russian Chinese studies], Nauka, Moscow, 1997.
- [2] Datsyshen V.G., Izucheniye kitayskogo yazyka v Rossii (XVIII – nachalo XX veka) [The study of the Chinese language in Russia (XVIII – beginning XX century)], Novosibirsk State Univ. Publ., Novosibirsk, 2011.
- [3] Datsyshen V.G., Izucheniye istorii Kitaya v Rossiyskoy imperii [Study of the history of China in the Russian Empire], monogr., Prospekt, Moscow, 2016.
- [4] 波波娃 俄國漢語研究情況 // 東アジア文化交渉研究 [Popova I.F., [The study of the Chinese language in Russia], Iss. 8, pp. 157–168.
- [5] 柳若梅等著 沟通中俄文化的桥梁：俄罗斯汉学史上的院士汉学家。北京。：外语教学与研究出版社 [Lyu Zhomey et al., [Bridge between Chinese and Russian cultures: the first academic sinologists in Russian], Beijing, 2010.

- [6] Tunkina I.V., Khraniteli akademicheskoy pamyati (XVIII – pervaya tret' XX veka) [Keepers of academic memory: XVIII – the first third of the XX century], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 2016.
- [7] Miller G.F., Istoriya Sibiri [History of Siberia], of vol. 1, Moscow, St. Petersburg, 1937.
- [8] Miller G.F., Istoriya Sibiri [History of Siberia], of vol. 2, Moscow, St. Petersburg, 1937.
- [9] Miller G.F., [The story of the countries near the Amur river, when they were in Russian possession], Yezhemesyachnyye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiya [Monthly compositions for use and amusement], Febr., Apr., Jul. – Oct. (1757).
- [10] Bakhrushin S.V., G.F. Miller kak istorik Sibiri [G.F. Miller as a historian of Siberia], in: G.F. Miller, Istoriya Sibiri [History of Siberia], of vol. 1, Moscow, St. Petersburg, 1937.

Tsvetkov Dmitry V.

E-mail: dmitry.tswetckov@yandex.ru

Received 16.12.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019

DOI: 10.18721/JHSS.10104

УДК: 94(47):796/799

КОНЦЕПТ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ 1920-х ГОДОВ*

А.А. Фишева

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Революционные изменения в жизни общества, как правило, сопровождаются пропагандой идеалов новой жизни, построенной на принципиально иных, чем прежде, социальных началах. После Октябрьской революции 1917 г. реализация этой задачи представлялась советской власти невозможной без формирования носителей новой культуры – «новых людей». В общественно-политической мысли России большое внимание уделялось рассуждениям о внутреннем мире человека, его духовно-нравственных характеристиках, однако большевики в своих намерениях продвинулись дальше и предприняли попытку выработать физические стандарты человека нового типа и культивировать их формирование среди широких масс людей путем популяризации физической культуры и спорта. В статье рассмотрены механизмы определения физических характеристик «нового человека» и их использование в стандартизации размеров одежды, обуви и пр. Описаны инструментарий, который предлагалось применять для достижения идеальных параметров тела, пропагандистские приемы властей и отношение к навязываемым новым идеалам в культурной среде.

Ключевые слова: «новый человек», физическая культура, спорт, стандартизация, антропометрия

Ссылка при цитировании: Фишева А.А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 37–46. DOI: 10.18721/JHSS.10104

CONCEPT OF "NEW MAN" IN SOVIET SOCIAL POLICY OF THE 1920s

A.A. Fisheva

The North-West Institute of Management, branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russian Federation

Revolutionary changes in the life of society, as a rule, are accompanied by the propaganda of the new life ideals, built on fundamentally different social principles than before.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундам. исслед. (проект № 18-09-00728 «Массовый спорт в СССР в 1920–1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля»).

After the revolution of 1917 the implementation of this task seemed to the Soviet government impossible without the formation of new culture bearers – “new people”. The Bolsheviks attempted to determine not only the spiritual and moral, but also the physical standards of a new type of person and to cultivate their formation among the broad masses of people by popularizing physical culture and sports. The article discusses mechanisms for determining the physical characteristics of a “new man” and their use in standardizing sizes of clothes, shoes, etc., as well as tools proposed for achieving ideal body parameters, propaganda techniques of the authorities and attitude to the imposed new ideals in cultural circles.

Keywords: “new man”, physical culture, sport, standardization, anthropometry

Citation: A.A. Fisheva, Concept of “new man” in Soviet social policy of the 1920s, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 37–46. DOI: 10.18721/JHSS.10104

Введение

Современная тенденция перехода от «социоцентрического» к «антропоцентрическому» обществу формирует потребность в создании условий, структур, институтов, способных обеспечить достойное существование и свободное развитие личности, от которой, в свою очередь, зависит успешность реализации социально-экономических и политических реформ. Концепция человека с радикально измененными антропологическими параметрами приобрела стратегическое значение в рамках популярного в XXI в. движения трансгуманизма. Таким образом, новая парадигма изучения человека предполагает необходимость обсуждения телесности наряду с включением в рамки исследования психики, сознания, воображения и памяти.

Постановка проблемы и цели исследования

В XX в. в нашей стране дважды менялся тип общественного развития. После Октябрьской революции 1917 г. новой властью была осознана потребность в формировании образцовой личности, строителя «нового мира», носителя перемен – «нового человека». Перелом, произошедший в конце XX в., таким осознанием не сопровождался, но при этом за прошедшие после распада СССР годы во многих смыслах «новый человек» появился. Правда, его идеальные телесные формы задает не государственная политика, а по большей части реклама. Однако с проблемами здоровья нации и морального упадка в обществе приходится бороться все-таки государству.

Целью этой статьи является изучение инструментов и механизмов, с помощью которых советская власть пыталась сформировать гармонично развитых «новых людей» в рамках широкомасштабного проекта по созданию «нового мира».

В советской России историографическая традиция до конца 1960-х гг. складывалась таким образом, что исследователи не обращали внимания на главный объект изучения – человека, носителя исторического процесса и его результатов, поэтому методологические принципы исторической антропологии не находили применения в работах советских историков. Со второй половины 1960-х гг. А.Я. Гуревич приступил к выработке историко-антропологического подхода, а впоследствии им была опубликована серия статей по истории ментальностей и исторической антропологии [1, 2].

В современной российской историографии проблема создания «нового человека» в постреволюционный период неоднократно становилась предметом исследования, в том числе в рамках изучения евгенических проектов 1920-х гг. [3–6].

Однако многие современные ученые ориентированы на реконструкцию духовно-нравственных характеристик «новых людей» [7–10], в то время как одним из ключевых аспектов изучаемой концепции было всестороннее и гармоничное развитие «нового человека», подразумевающее и его физическую подготовленность, что утверждают, например, С.Б. Ульянова, Н.В. Офицерова, И.В. Сидорчук [11].

Среди зарубежных трудов, посвященных этой тематике, следует отметить исследования С. Грант [12–14], которая в одной из своих работ изучила механизм внедрения в массы физической культуры, так как именно с ее помощью и создавался образ «нового советского человека» [14]. С. Родевальд [15] и Д. Хоффман [16] в своих трудах также фокусируются на идеологическом фоне физического воспитания и проекте «нового советского человека». Статья М. Соболевой [17] посвящена реконструкции этической концепции «нового советского человека», в развитии которой исследователь выделяет три периода, в том числе период 1900–1930-х гг., обозначая его как период теоретического размышления о природе «нового человека». К. Гества, проследив эволюцию образа «*homo soveticus*» вплоть до 1980-х гг., пришла к выводу, что в советском партийном государстве 1920–1930-х гг. проект создания «нового человека» был возведен в ранг центральной идеологемы [18]. Предметом исследования зарубежных ученых становились также и евгенические советские проекты [19–21].

Методология

В методологическом плане изучение проекта создания «нового человека» является предметом интереса историков, социологов, философов, культурологов, антропологов и связано с обращением к разным областям и формам политической, экономической, социальной, культурной жизни советского общества 1920–1930-х гг.

Настоящее исследование опирается на методологические ориентиры исторической антропологии, инструментарий которой позволяет изучить человека, изменяющегося во времени, и многогранные проявления его деятельности, в том числе взаимодействие с обществом. Одной из комплексных проблем в рамках исторической антропологии является конструирование мировосприятия, чувств человека конкретной эпохи, включая его отношение к жизни, смерти, питанию и своему собственному телу.

Концепт «тела» как историческая категория, учитывающая постоянные изменения состояния тела, телесных практик и восприятия тела, является предметом исследования таких авторов, как Ж. Ле Гофф, С. Винсент, И.А. Гринько [22–24] и др.

Результаты исследования

Придя к власти, большевики хорошо осознавали, что для выживания руководимой ими страны в условиях экономической и военной конкуренции с капиталистическими странами необходимо иметь три взаимодействующих элемента: аппарат управления, производственные механизмы и население, принципиально отличающиеся от того, что досталось им в наследство от царской России. Нужно было что-то совершенно новое. В первое послереволюционное десятилетие советская власть старательно «выковывала новое общество»¹, радикально изменяла государственное устройство, социальные институты, экономические механизмы и самого человека.

К началу XX в. в условиях развития массового производства во многих государствах были созданы национальные антропометрические программы с целью выработки антропометрических стандартов. В СССР в рамках государственного идеологического заказа на создание собственного проекта «нового человека» проводились антропометрические исследования для определения его идеальных телесных параметров.

С этой целью в феврале 1926 г. при Государственном институте социальной гигиены Народного комиссариата здравоохранения РСФСР было организовано Центральное антропометрическое бюро². Под антропометрией понималось «учение о размерах человеческого тела и их соотношениях»³. Считалось, что знания в этой сфере могут быть «богатым источником для суждения о рабочей силе организма»⁴.

Выделялись различные отрасли антропометрии (производственная, профессиональная, физкультурная, педологическая, клиническая,

¹ *Сольц А.А.* О партийной этике: доклад на собрании ячейки ЦКК и НК РКК (1924) // *Партийная этика: док. и матер. дискуссии 1920-х гг.* М.: Политиздат, 1989. С. 272.

² *Методика антропометрических исследований / под ред. В.В. Бунака.* Изд. 3-е, перераб. и доп. М.; Л.: Госмедиздат, 1931. С. 202.

³ *Азбука здоровья / под общ. ред. Б.В. Эргардт, Н.М. Тестелец.* Тифлис, 1928. С. 17.

⁴ *Гориневский В.В.* Комплексный метод по приложению исследования к проблемам физкультуры // *Физкультура в науч.-практ. освещении: сб. тр. ГЦИФК.* Л.: Практ. медицина, 1925. С. 19.

расовая), задачи которых были довольно близки между собой, однако каждой из них были свойственны «некоторые своеобразные черты, своеобразное соотношение отдельных частей: в одних случаях наибольшую важность представляет изучение пропорций тела или одного органа, в других – конституции, в-третьих – соотношение развития мускулатуры»⁵. Так, производственная антропометрия была направлена на изучение вариаций строения человека и выявление характерных стандартов для правильной организации производства предметов массового потребления (головных уборов, обуви и т. д.). Считалось, что для правильной постановки дела производственные организации должны знать приблизительное соотношение различных антропометрических типов в составе населения данной местности, «говоря технически, распределение „ростовок” – костюмных, обувных, мебельных»⁶. Необходимо отметить, что одновременно с подобными разработками Пролеткульт, главной задачей которого было формирование нового типа художественного сознания в постреволюционной России, активно пропагандировал функциональный и практичный, унифицированный стиль в одежде с целью уничтожения всех индивидуальных различий [См. подробнее: 25].

Задачи профессиональной антропометрии заключались в изучении особенностей телосложения человека, возникающих под влиянием того и или иного профессионального труда, и выявлении природных особенностей, имеющих значение для конкретной трудовой деятельности. К числу таких особенностей относились, например, рост, пропорции тела: «узкогрудый субъект едва ли будет способен к продолжительному, равномерно напряженному, тяжелому физическому труду; для поднятия тяжестей высокорослые будут менее приспособлены, чем низкорослые; для быстрых и ловких передвижений длинноногие субъекты пригоднее, чем коротконогие»⁷.

Отмечалось, что физическое развитие человека зависит от ряда условий (расовых, типовых, половых, возрастных, социальных, профессиональных, климатических, географических, на-

циональных), поэтому стандарты должны быть выработаны отдельно для каждой страны и разных категорий людей: по телосложению, социальному происхождению (тип горожанина, тип крестьянина) и профессии.

Однако разработка подобных стандартов подразумевала проведение длительных и серьезных антропометрических измерений. С целью их осуществления по всей стране стали открываться антропометрические кабинеты, впоследствии переименованные в кабинеты врачебного контроля, в задачи которых, в частности, входило проведение антропометрического обследования.

В 1920-х гг. антропометрические измерения пользовались большой популярностью, так как считалось, что для развития физически здорового и работоспособного населения необходимо правильно использовать средства физической культуры. Это влекло за собой потребность в учете и оценке степени физического развития отдельных групп и индивидуумов. Ответственность за проведение измерений возлагалась не только на врача антропометрического кабинета, но и на самих физкультурников, у которых необходимо было сформировать правильные навыки по самоконтролю физического развития и влияния физических упражнений на организм. Для проведения самоконтроля в 1920-е гг. публиковались методические пособия с разъяснениями, как осуществлять измерения⁸. Таким образом, по мере развития физкультурного движения усиливалась и работа по врачебному контролю.

Разработка стандартов различных антропометрических величин проводилась в рамках антропометрической лаборатории Государственного центрального института физической культуры (ГЦИФК), которую возглавляла В.В. Гориневская. В 1922 г. по ее инициативе было проведено обследование 525 мужчин и 166 женщин – слушателей Института физической культуры и Главной военной школы физического образования трудящихся, а также представителей спортивных групп, участвовав-

⁵ Методика. С. 22.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Бирзин Г.К. Самоконтроль спортсмена. М.: Воен. вестн., 1927. 126 с.; Глезер И.Л. Самоконтроль физкультурника. Харьков: Вестн. физ. культуры, 1927. 96 с.; Тиванов А.А. Самоконтроль и самонаблюдение в физкультуре. Л., 1926. 40 с.

ших в различных соревнованиях. Гориневская отмечала: «Имеющийся материал отличается однородностью национальной и возрастной, а именно он состоит исключительно из русских людей в возрасте от 19 до 25 лет. Кроме того, этот материал собран по одному общему для всех признаку, а именно — все исследованные мною длительно занимались физическими упражнениями и представляют из себя хорошо физически развитых людей. Всякая резкая выраженная патология здесь исключается»⁹. На основании полученного материала были вычислены средние данные для физически хорошо развитых мужчин и женщин в возрасте от 19 до 25 лет: вес — соответственно 65,5 и 58 кг, рост — 170 и 158,6 см, ширина плеч — 36,66 и 33 см, ширина таза — 24,3 и 24,62 см, талия — 73,26 и 67,6 см, бедра — 51,71 и 53,63 см, икры — 35,35 и 33,88 см, окружность груди — 90 и 82,9 см¹⁰.

В дальнейшем выработанные параметры включались в состав разнообразных работ, посвященных здоровью советских граждан и врачебному контролю. В одной из них говорилось, что «хотя количество исследований для статистических выводов и недостаточно велико, но однородность и тщательная обработка материала дают возможность вполне успешно пользоваться этими крайне необходимыми и важными стандартами»¹¹. Таким образом, эти стандарты были отправной точкой в оценке физического развития «нового человека». При этом сама В.В. Гориневская отмечала, что «при индивидуальной оценке нам приходится считаться с резко отклоняющимися вариациями в зависимости от конституционального типа исследуемого»¹². Выделялось три конституциональных типа: 1) длинно-узкий (тонкий), чаще всего характерный для городского населения; 2) коротко-широкий (коренастый), наиболее часто встречающийся среди крестьян; 3) средний. Выработанные средние характеристики

были вычислены и по отношению к этим отдельным конституционным типам. Таким образом, каждый человек, определив свой тип и зная свой рост, мог более или менее точно судить о степени своего развития путем сравнения со стандартными цифрами.

Полученные антропометрические данные использовались и для выработки стандартов на одежду и обувь. Так, в 1931 г. вышло исследование В.В. Бунака¹³, в котором были приведены «таблицы антропометрических размеров взрослого мужского населения для центра страны и таблицы закройных размеров рабочих тяжелых профессий (горячих цехов)». При этом отмечалось, что по антропометрическим данным можно получить лишь приближенные величины для построения типичных манекенов. Для получения точных выкроек невозможно было обойтись без специальных закройных обмеров больших масс населения, «однако в качестве приближенной опорной характеристики антропометрические материалы могут принести большую пользу»¹⁴. В УССР была создана Комиссия по стандартизации обуви при Наркомторге, которая изучала вопросы выпуска рациональной стандартной обуви. В соответствии с ее директивами была организована работа по массовым измерениям стоп сначала рабочих, крестьян, а затем и интеллигентов¹⁵.

С вопросами отечественной стандартизации была тесно связана проблема научной организации труда (НОТ), в рамках решения которой закладывался научный подход к работам по стандартизации. Один из теоретиков этого движения, а впоследствии председатель Всесоюзного комитета по стандартизации при Совете труда и обороны А.К. Гастев сравнивал создание «нового человека» с переделкой людей в машины — максимально трудоспособные и организованные. В одной из своих работ он заявлял: «Первая наша задача состоит в том, чтобы заняться той великолепной машиной, которая нам так близка — человеческим организмом.

⁹ Гориневская В.В. Пользование типовыми и ростовыми стандартами при оценке физического развития отдельных индивидуумов // Физкультура в науч.-практ. освещении: сб. тр. ГЦИФК. Л.: Практ. медицина, 1925. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Ивановский Б.А. Научно-врачебный контроль над физическим развитием. М., 1927. С. 139.

¹² Гориневская В.В. Указ. соч. С. 89.

¹³ Бунак В.В. Антропометрические материалы для установления размеров одежды. Вып. 1. М.; Л.: Гизлегпром, 1932. 92 с.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Николаев Л.П. Антропометрические материалы для изготовления стандартной обуви. Харьков: Госмедиздат, 1925. С. 10–11.

Эта машина обладает роскошью механики — автоматизмом и быстротой включения. В человеческом организме есть мотор, есть „передача”, есть амортизаторы, есть усовершенствованные тормоза, есть тончайшие регуляторы, даже есть манометры»¹⁶.

В начале у большевиков не было четкой и детальной программы по формированию «нового человека». Она рождалась и корректировалась в ходе политических и социально-экономических преобразований. Идеологами создания «нового человека», помимо А.К. Гастева, были видные политические деятели: Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий, А.А. Богданов. В их концепциях вся сущность «нового человека» была направлена не на развитие индивидуальных качеств, а на удовлетворение интересов общества и находилась в полной зависимости от общественных сил, однако механизмы выращивания «новых людей» они видели по-своему: от воспитания и товарищества к принуждению. Так, Н.И. Бухарин говорил, что «мерой выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи является пролетарское принуждение» [26, с. 15]. А.А. Богданов в статье «Собирание человека» отмечал, что «собирание человека» осуществляется там, где отношения авторитаризма и специализации сменяются товарищескими: «Всеобщие товарищеские отношения и полное взаимопонимание людей означают уничтожение общественных противоречий, и, таким образом, собирание человека ведет к смене одного типа развития другим: дисгармоничного развития раздробленного человечества — гармоничным развитием объединенного человечества»¹⁷.

Л.Д. Троцкий в своих рассуждениях о «новом человеке» был близок к популярным в то время евристическим идеям и рисовал облик нового советского человека как сверхчеловека: «...выпустить новое, „улучшенное издание” человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма. А для этого нужно первым делом человека знать со всех сторон, знать его анатомию,

его физиологию и ту часть физиологии, которая называется психологией»¹⁸.

А.В. Луначарский придерживался воспитательных мер в вопросах создания «новых людей», утверждая, что «одной из первых проблем воспитания нового человека является физкультура»¹⁹.

Физкультура как новая система оздоровления рабоче-крестьянских масс стала предметом интереса научных учреждений, лабораторий, вузов. Она признавалась государственно важным делом и являлась «составной частью системы общего социального воспитания и средством революционно-классовой подготовки и укрепления физических качеств трудящихся»²⁰.

В широком смысле слова физическая культура включала в себя различные элементы: понимание благотворного воздействия солнца, воздуха, воды, правила личной гигиены, внимательное отношение к своему здоровью, умелую организацию труда, отдыха, сна и, наконец, рационализированные физические упражнения, основанные на анатомо-физиологических и социально-экономических принципах²¹. По мнению народного комиссара здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, «физкультурно образованный» человек имеет особый духовный и физический облик, «движения его точны, он — воплощенная дисциплина, работа его отчетлива; наконец, в результате нашей постановки физического воспитания — в нем развито чувство солидарности, готовности броситься всеми своими здоровыми мышцами и твердой волей, куда он сочтет нужным»²².

Таким образом, гармоничное физическое развитие человека достигалось с помощью комплекса физических упражнений, примеры которых приводились в разнообразных брошюрах

¹⁶ Гастев А.К. Восстание культуры. 1923. URL: <http://www.gastev.ru/2015/02/vosstanie-kultury.html#more> (дата обращения: 28.12.2018).

¹⁷ Богданов А.А. Новый мир: статьи 1904–1905 гг. 3-е изд. М.: Госиздат, 1920. С. 45.

¹⁸ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XXI: Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 110.

¹⁹ Луначарский А.В. Культурная революция и молодежь // Красная газета. 1928. 24 мая.

²⁰ Стариков В.А. Физическая культура трудящихся. М.: Труд и книга, 1925. С. 10–11.

²¹ Зикмунд А.А. Пути совфизкультуры // Физкультура в науч.-практ. освещении: сб. тр. ГЦИФК. Л.: Практ. медицина, 1925. С. 12.

²² Семашко Н.А. Производительность труда и охрана народного здоровья. М.: [б.и.], 1925. С. 17.

того периода²³. Посредством физической культуры человек совершенствовал не только свое тело, но и «дух». Категорически запрещалось отделять одно понятие от другого. Н.А. Семашко писал: «У нас еще до сих пор, по старине, принято говорить о „духе” и „теле”, отделять и противопоставлять духовную и физическую жизнь... такое представление совершенно неправильно... материализм не признает какого-то особого „духа”, а считает всю нашу духовную жизнь особым проявлением тех же физических („телесных”) процессов. Личность человека едина»²⁴.

При этом подразумевалось именно всестороннее гармоничное физическое развитие человека, исключая узкую специализацию в рамках только одной спортивной дисциплины: «Советский физкультурник должен быть передовым не только в каком-нибудь отдельном виде спорта, а должен иметь значительное количество прикладных навыков, которые ему необходимы и для обороны страны, и для трудовой жизни»²⁵.

Считалось, что односторонние занятия физическими упражнениями ведут к неправильному, непропорциональному развитию и форм тела, и отдельных его органов. Так, отмечалось, что для профессиональных борцов характерны гипертрофированные мышцы, у велосипедистов – дугообразная спина²⁶. Н.А. Семашко утверждал: «Наша задача – не одностороннее развитие до уродливости при помощи физических упражнений, а гармоничное развитие всего организма»²⁷. Отсюда, в том числе, следовал отказ от рекордсменства, которое пагубно влияло

на здоровье спортсмена. Термин «рекордомания» напрямую связывался с буржуазным спортом: «ради зрелища, им доставляемого тысячам зрителей, калечатся и всячески развращаются люди. Тщеславие, рекордомания и другие вредные явления выращиваются на этой почве»²⁸. В этом отношении принципиально отличалась советская физическая культура, которая внесла в спорт и соревнования здоровые начала, требуя врачебного контроля над всеми участниками соревнования до и после их окончания.

Идея создания «нового человека» нашла отражение не только в трудах общественно-политических деятелей, но и в литературе того периода. В 1925 г. Михаил Булгаков написал роман «Собачье сердце». В нем речь шла о реализации проекта по созданию «нового человека», в том числе насильственными методами, последствия которого могли быть печальными. Невежественный человек из низов, гордившийся своим происхождением и наделенный правами, – именно такой человек, по мнению Булгакова, был удобен новой власти и необходим для борьбы со всем независимым, высоко одухотворенным, интеллектуальным. Отрицательными характеристиками наделялась и внешность «нового человека», созданного профессором Преображенским: «...вес около трех пудов; в) рост маленький; г) голова маленькая... человек маленького роста и несимпатичной наружности...» [27, с. 57, 71]. Таким образом, в человеке нового типа, созданном насильственными методами, по мнению писателя, отталкивающим было всё: внешность, характер, привычки, мировоззрение.

В 1927 г. был опубликован роман Ю.К. Олещи «Зависть», главной темой которого стало противостояние «лишнего человека» советской действительности – интеллигента, мечтателя, поэта – с «совершенно новым человеком» – делового склада, «технарем», олицетворяющим советскую власть, стремящимся превратиться в машину: «Я – человек-машина... Я превратился в машину. Если не превратился, то хочу превратиться... Я хочу быть машиной...» [28, с. 99].

Идею механизации человека разделял также известный деятель культуры, кинорежиссер, сценарист, теоретик документально-

²³ Гориневский В.В. Гигиена физических упражнений и спорта. М., 1925. 130 с.; Ивановский Б.А., Геркан Л.В. Физкультура на каждый день: индивидуальные гигиенические упражнения для работников умственного труда. М.: Госмедиздат, 1929. 63 с.; Кальпус Б.А. Физическая культура для всех: популярное руководство по включению физкультуры в повседневный быт трудящихся города: для молодежи и взрослых обоего пола. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Молодая гвардия, 1926. 155 с.

²⁴ Семашко Н.А. Пути советской физкультуры. М., 1926. С. 2.

²⁵ Каким должен быть советский физкультурник // Физкультура и спорт. 1931. 20 янв.

²⁶ Методика. С. 130.

²⁷ Семашко Н.А. Производительность труда. С. 21.

²⁸ Андреев А. Очерки буржуазного спорта. М.; Л., 1931. С. 5.

го кино Дзига Вертов, который в статье «Мы. Вариант манифеста» писал: «Вскрывая души машин, влюбляя рабочего в станок, влюбляя крестьянина в трактор, машиниста — в паровоз, мы вносим творческую радость в каждый механический труд, мы родним людей с машинами, мы воспитываем новых людей. Новый человек, освобожденный от грузности и неуклюжести, с точными и легкими движениями машины, будет благодарным объектом кино-съемки» [29, с. 46–47].

Использование промышленной терминологии по отношению к людям в рамках индустриального дискурса было повсеместным явлением, сама эпоха развернутого социалистического строительства предъявляла «повышенные требования к состоянию здоровья рабочего, требуя превосходной слаженности его человеческой машины»²⁹.

В дальнейшем, в 1930-е гг., идеальный образ человека нового типа транслировался также и с помощью одного из важнейших средств массовой коммуникации — кинематографа («На отдыхе», 1936; «Вратарь», 1935; «Частная жизнь Петра Виноградова», 1934; «Случайная встреча», 1936; «Строгий юноша», 1935; «Сокровище погибшего корабля», 1935). Спортивный фильм, появившийся в 1930-е гг. как самостоятельный жанр кинематографа, становится инструментом рекрутирования спортсменов и физкультурников.

Заключение

Таким образом, в первое послереволюционное десятилетие была предпринята попытка претворить в жизнь уникальный социальный эксперимент по созданию «нового мира»,

²⁹ Ни одного физкультурника, не славшего норм! // Физкультура и спорт. 1931. 20 марта.

состоящего из «новых людей». Большевики строили новую социально-экономическую формацию, новую промышленность, новые индустриальные города, и своеобразным инструментом реализации этих планов стал человек, который в это время был интересен только как необходимый материал для создания идеальной личности — «нового человека». В этой связи в рамках общественно-политических институтов тоталитарной страны культивировался государственный идеологический заказ на создание исключительно своего проекта «нового человека».

В 1920-е гг. большевики пытались задать не только духовно-нравственные характеристики «новых людей», но и их физические стандарты. Здоровый, хорошо физически развитый человек был способен по максимуму использовать свое гармоничное тело для достижения целей, поставленных перед ним государством, будь то защита Родины в условиях «осажденной крепости» или труд во благо восстановления народного хозяйства. Одним из главных инструментов преобразования человека были физическая культура и спорт. С помощью физических упражнений советская власть рассчитывала создать идеально развитых людей и подобрать для них параметры гармонично развитого тела. Это было время, когда всё неудобное, нездоровое, неэкономное (жилище, мебель, одежда или человек) требовалось заменить стандартным, вполне удобным и отвечающим запросам и установкам партии. С этой целью широкое распространение получили антропометрические исследования, на базе которых вырабатывались стандарты не только на одежду, обувь, но и на самого человека. Ориентируясь на эти стандарты, «новый человек» мог судить о степени развития своего тела, а с помощью физкультуры и самоконтроля «подгонять себя» под эти стандарты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич А.Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // Вестн. АН СССР. 1989. № 7. С. 73–74.
2. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56–70.
3. Сидорчук И.В. Дискуссии о «физическом рождении пролетариата» и советский евгенический проект 1920-х гг. // Изв. Уральского федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 3 (178). С. 71–84.
4. Дрозд А.Л. Проблема реконструкции человека в позитивной евгенике // Геополитика и безопасность. 2012. № 4 (20). С. 76–80.
5. Кременцов Н.Л. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе // Истор.-биол. исслед. 2014. Т. 6, № 2. С. 24–56.

6. **Соболев В.С.** Поиски гармонии человека (из истории отечественной евгеники) // Истор.-биол. исслед. 2013. Т. 5, № 1. С. 33–38.
7. **Салова Ю.Г.** «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е гг. Ярославль: Изд-во ЯГУ, 1998. 68 с.
8. **Новиков С.Г.** Разработка модели «нового человека» советской властной элитой 1920-х гг. // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. 2012. № 5. С. 154–158.
9. **Молостова Е.С.** Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Науч. вед. Белгородского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 168–175.
10. **Бабич Е.С.** Трансформация представленный российских политиков об идеальном человеке в 1917–1938 гг. // Вопросы истор. науки: матер. II Междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 34–37.
11. **Ulyanova S., Ofitserova N., Sidorchuk I.** Mass sports in the USSR in 1920s–1930s: historiography and research methods // 5th Intern. multidisciplinary scientific conf. on social sciences and arts – SGEM 2018. Conf. proc. Iss. 2.1. History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Vienna, 2018. Pp. 49–56.
12. **Grant S.** The Collective Agitation of Arms and Legs. Organizing Mass Physical Culture in 1920s Soviet Russia. // Revolutionary Russia. 2010. Vol. 23. Abington, OX: Routledge. Pp. 93–113. DOI: 10.1080/09546545.2010.483802.
13. **Grant S.** Bolsheviks, revolution and physical culture // Intern. J. of the History of Sport. 2014. No. 31 (7). Pp. 724–734. DOI: 10.1080/09523367.2014.901756.
14. **Grant S.** The politics and organization of physical culture in the USSR during the 1920s // Slavonic and East European Rev. 2011. No. 89 (3). Pp. 494–515.
15. **Rohdewald St.** Von der Schaffung des Menschen zum Sieg des ‘Neuen Menschen’ im Weltsport? Zur Weltgeschichtlichen Funktion der Körperkultur in Sportlehre-mitteln der späten Sowjetunion (1956–1975) // Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19 und 20 Jahrhundert / eds. A. Malz, St. Rohdewald, St. Wiederkehr. 2007. Pp. 327–347.
16. **Хоффман Д.** Возращивание масс. Современное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Новое лит. обозр., 2017. 424 с.
17. **Soboleva M.** The Concept of the “new Soviet Man” and Its Short History // Canadian-American Slavic Studies. 2017. No. 51 (1). Pp. 64–85. DOI: 10.1163/22102396-05101012.
18. **Gestwa K.** Der Sowjetmensch: Geschichte eines Kollektivsingulars // Osteuropa. 2018. No. 68 (1). Pp. 55–82.
19. **Zamoiski A.** Eugenics on the periphery: Or why a “belarusian eugenic project” did not come true (1918–1944) // Acta Poloniae Historica. 2016. No. 114. Pp. 59–84. DOI: 10.12775/APH.2016.114.03.
20. **Finger A.** The left hand of Stalin: Eugenics in the Soviet Union // Disability Politics in a Global Economy: Essays in Honour of Marta Russell / ed. by Ravi Malhotra. Routledge. 2016. Pp. 199–219. DOI: 10.4324/9781315714011.
21. **Luty J.** Psychiatry and the dark side: Eugenics, Nazi and Soviet psychiatry // Advances in Psychiatric Treatment. 2014. No. 20 (1). Pp. 52–60. DOI: 10.1192/apt.bp.112.010330.
22. **Ле Гофф Ж., Трюон Н.** История тела в средние века [пер. с фр.]. М.: Текст, 2008. 192 с.
23. **Винсент С.** Анатомия моды: манера одеваться от эпохи Возрождения до наших дней [пер. с англ.]. М.: Новое лит. обозр., 2016. 274 с.
24. **Гринько И.А.** Модификации тела. Эстетика и символика. Соматические модификации в традиционных обществах. М.: LAP, 2010. 161 с.
25. **Журавлев С.В., Гронов Ю.** Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 гг. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2013. 496 с.
26. **Бухарин Н.И.** Экономика переходного периода. М.: Прогресс, 1990. 212 с.
27. **Булгаков М.А.** Собачье сердце. СПб.: Азбука, 2015. 232 с.
28. **Олеша Ю.К.** Зависть. Три Толстяка. М.: Время, 2018. 312 с.
29. **Вертов Д.** Статьи. Дневники. Замыслы / ред.-сост. С. Дробашенко. М.: Искусство, 1966. 320 с.

Фишева Анастасия Александровна

E-mail: ana-f@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2019 г.

REFERENCES

- [1] **Gurevich A.Ya.**, [Historical anthropology: problems of social and cultural history], Vestnik AN SSSR, 7 (1989) 73–74.
- [2] **Gurevich A.Ya.**, [Historical science and historical anthropology], Voprosy filosofii, 1 (1988) 56–70.
- [3] **Sidorchuk I.V.**, [Discussions on the “Physical Degeneration of the Proletariat” and the Soviet eugenic project of the 1920s], Izvestiya Ural’skogo federal’nogo univ. Ser. 2. Gumanitarnyye nauki, 3 (178) (2018) 71–84.

- [4] **Drozd A.L.**, [The problem of human reconstruction in positive eugenics], *Geopolitika i bezopasnost'*, 4 (20) (2012) 76–80.
- [5] **Krementsov N.L.**, [From “animal philosophy” to medical genetics: eugenics in Russia and the Soviet Union], *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 6 (2) (2014) 24–56.
- [6] **Sobolev V.S.**, [The search for human harmony (from the history of national eugenics)], *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 5 (1) (2013) 33–38.
- [7] **Salova Yu.G.**, «Novyy chelovek»: vzglyad na problemu v 1920-ye gody [“New Man”: a look at the problem in the 1920s], YAGU Publ., Yaroslavl', 1998.
- [8] **Novikov S.G.**, [Development of the “new man” model by the Soviet power elite of the 1920s], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ.* 5 (2012) 154–158.
- [9] **Molostova Ye.S.**, [Models of the “New Man” in the Soviet period: approaches to transhumanism], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo univ. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 9 (180) (2014) 168–175.
- [10] **Babich Ye.S.**, Transformatsiya predstavleniy rossiyskikh politikov ob ideal'nom cheloveke v 1917–1938 godakh [Transformation of ideas of Russian politicians about the ideal person in 1917–1938], in: *Voprosy istoricheskoy nauki, mater. II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Questions of historical science], Materials of the II Intern. scientific conf. (Chelyabinsk, May, 2013), Dva komsomol'tsa, Chelyabinsk, 2013.
- [11] **Ul'yanova S., Ofitserova N., Sidorchuk I.**, Mass sports in the USSR in 1920s–1930s: historiography and research methods, in: 5th Intern. multidisciplinary scientific conf. on social sciences and arts – SGEM 2018, Conf. proc. Iss. 2.1. History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies, Vienna, 2018.
- [12] **Grant S.**, The Collective Agitation of Arms and Legs. Organizing Mass Physical Culture in 1920s Soviet Russia, *Revolutionary Russia*, 23 (2010) 93–113. DOI: 10.1080 / 09546545.2010.483802.
- [13] **Grant S.**, Bolsheviks, revolution and physical culture, *Intern. J. of the History of Sport*, 31 (7) (2014) 724–734. DOI: 10.1080 / 09523367.2014.901756.
- [14] **Grant S.**, The politics and organization of physical culture in the USSR during the 1920s, *Slavonic and East European Rev.* 89 (3) (2011) 494–515.
- [15] **Rohdewald St.**, Von der Schaffung des Menschen zum Sieg des ‘Neuen Menschen’ im Weltsport? Zur Weltgeschichtlichen Funktion der Körperkultur in Sportlehre-mitteln der späten Sowjetunion (1956–1975), in: *Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19 und 20 Jahrhundert*, eds. A. Malz, St. Rohdewald, St. Wiederkehr, 2007, pp. 327–347.
- [16] **Khoffman D.**, *Vzrashchivaniye mass. Modernoye gosudarstvo i sovetskiy sotsializm. 1914–1939* [Growing the masses. Modern state and Soviet socialism. 1914–1939], Moscow, 2017.
- [17] **Soboleva M.**, The Concept of the “new Soviet Man” and Its Short History, *Canadian-American Slavic Studies*, 51 (1) (2017) 64–85. DOI: 10.1163/22102396-05101012.
- [18] **Gestwa K.**, Der Sowjetmensch: Geschichte eines Kollektivsingulars, *Osteuropa*, 68 (1) (2018) 55–82.
- [19] **Zamojski A.**, Eugenics on the periphery: Or why a “belarusian eugenic project” did not come true (1918–1944), *Acta Poloniae Historica*, 114 (2016) 59–84. DOI: 10.12775/APH.2016.114.03.
- [20] **Finger A.**, The left hand of Stalin: Eugenics in the Soviet Union, in: *Disability Politics in a Global Economy: Essays in Honour of Marta Russell*, ed. by Ravi Malhotra, Routledge, 2016, pp. 199–219. DOI: 10.4324/9781315714011.
- [21] **Luty J.**, Psychiatry and the dark side: Eugenics, Nazi and Soviet psychiatry, *Advances in Psychiatric Treatment*, 20 (1) (2014) 52–60. DOI: 10.1192/apt.bp.112.010330.
- [22] **Le Goff Zh., Tryuon N.**, *Istoriya tela v sredniye veka* [Body history in the middle ages], Tekst, Moscow, 2008.
- [23] **Vinsent S.**, *Anatomiya mody: manera odevat'sya ot epokhi Vozrozhdeniya do nashikh dney* [Anatomy of fashion: the way to dress from the Renaissance to the present day], Moscow, 2016.
- [24] **Grinko I.A.**, *Modifikatsii tela. Estetika i simbolika. Somaticheskkiye modifikatsii v traditsionnykh obshchestvakh* [Body modification. Aesthetics and symbolism. Somatic modifications of traditional societies], LAP, Moscow, 2010.
- [25] **Zhuravlev S.V., Gronov Yu.**, *Moda po planu: istoriya mody i modelirovaniya odezhdy v SSSR, 1917–1991 gody* [Fashion plan: the history of fashion and fashion modeling in the USSR, 1917–1991], IRI RAN Publ., Moscow, 2013.
- [26] **Bukharin N.I.**, *Ekonomika perekhodnogo perioda* [Transition economy], Progress, Moscow, 1990.
- [27] **Bulgakov M.A.**, *Sobachye serdtse* [The heart of a dog], Azbuka, St. Petersburg, 2015.
- [28] **Olesha Yu.K.**, *Zavist'; Tri Tolstyaka* [Envy. Three fat men], Vremya, Moscow, 2018.
- [29] **Vertov D.**, *Statyi. Dnevniki. Zamysly* [Articles. Diaries. Plans], Iskusstvo, Moscow, 1966.

Fisheva Anastasiya A.

E-mail: ana-f@yandex.ru

Received 04.02.2019.

DOI: 10.18721/JHSS.10105
УДК 137.153:7

«ЭКОЛОГИЯ РАЗУМА» Г. БЕЙТСОНА И КРИТИКА ТЕХНИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Д.Н. Козырев

Всероссийский государственный университет юстиции (Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации), Москва, Российская Федерация

В статье проанализированы особенности системно-кибернетического подхода Грегори Бейтсона (1904–1980) в аспекте общей проблемы глубинных оснований сознания. Отмечается присутствие в его концепции четкого осознания ментальных предпосылок негативных последствий технического прогресса. Актуальность взглядов Бейтсона связывается с его критикой характерного для технократической рациональности стремления установить тотальную власть над сложной целостностью, включающей в себя человека. Особое внимание уделено теме восстановления утерянного чувства космической гармонии. Философ обращает внимание на иллюзию тотальной власти над системой, частью которой является само мыслящее существо: здесь возникает риск тотального подчинения мощным инструментальным алгоритмам. Он вскрывает механизм замещения активного сознания, в ходе которого контакт с миром передается некоей имитирующей форме. Результаты этого исследовательского проекта представляются чрезвычайно ценными в аспекте критики технократизма как крупномасштабной антропологической угрозы. Экология разума противопоставляет безжалостному инструментализму дух сотрудничества с природой, привлекает сочетание любви и мудрости и тем самым открывает горизонты нового рационализма.

Ключевые слова: экологический конфликт, когнитивный анализ, паттерны взаимодействия, системно-кибернетический подход, самопреобразование разума, мир петлевых структур

Ссылка при цитировании: Козырев Д.Н. «Экология разума» Г. Бейтсона и критика технической рациональности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.10105

BATESON'S ECOLOGY OF MIND AND CRITIQUE OF TECHNICAL RATIONALITY

D.N. Kozyrev

All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy), Moscow, Russian Federation

The paper analyzes the features of G. Bateson's system-cybernetic approach in the aspect of the General problem of deep bases of consciousness. There is a presence

in his concept of a clear understanding of the mental prerequisites of the negative consequences of technological progress. The relevance of Bateson's views is associated with his criticism of the characteristic technocratic rationality of the desire to establish total power over the complex integrity, which includes man. Special attention is paid to the theme of restoring the lost sense of cosmic harmony. The philosopher draws attention to the illusion of total power over the system, of which the thinking being is a part. Here there is a risk of total subordination to powerful instrumental algorithms. It reveals the mechanism of substitution of active consciousness, during which the contact with the world is transmitted to some imitating form. The results of this research project are extremely valuable in terms of criticism of technocracy as a large-scale anthropological threat. The ecology of mind contrasts ruthless instrumentalism with the spirit of cooperation with nature, attracts with the combination of love and wisdom, and thus opens the horizons of new rationalism.

Keywords: environmental conflict, cognitive analysis, patterns of interaction, system-cybernetic approach, self-transformation of the mind, the world of loop structures

Citation: D.N. Kozyrev, Bateson's Ecology of Mind and critique of technical rationality, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.10105

Введение

Двадцатый век ознаменовался глубокими изменениями в самосознании науки. Одним из самых серьезных сдвигов стало признание правомерности сочетания декартовского аналитического подхода с концептом целостности, истоки которого следует искать в античной метафизике. Можно говорить о вхождении в эпистемологию принципа методологической дополнительности (легитимизация его очевидным образом связана с возрастанием влияния кибернетики). Эта междисциплинарная область знания достаточно быстро стала претендовать на статус общенаучной теоретической платформы.

В ряду крупных мыслителей, оценивших открывающиеся перспективы, особая роль принадлежит выдающемуся британо-американскому ученому Грегори Бейтсону (1904–1980), которого справедливо называют «отцом киберсетевой парадигмы» [1, с. 53]. Действительно, Бейтсон стремился к утверждению двойственного подхода. При таком подходе любое «сообщение» будет одновременно и выявлять структурированную целостность объекта, и представлять его частью целостности иного порядка – структурированного мира, понятого как всепроникающее нелокальное многообразие обратных связей.

Целью данного исследования является попытка адаптации этой методологии к одной из острейших проблем современной цивилизации. Речь идет об экспансии технократического мышления, генетически связанного с декартовской парадигмой, с жестким требованием искусственной изоляции предмета, оказавшегося в фокусе внимания исследователя. «Киберэкологичная» концепция Бейтсона предстает, при внимательном изучении, источником логически сильных аргументов в поддержку гуманистической альтернативы технократизму.

Результаты исследования

Путь самопознания: двойственность восприятия и связь контекстов. Первые десятилетия компьютерной эпохи сопровождалась восхищенными оценками новой междисциплинарной области знания, обусловившей стремительное ускорение технического прогресса. Речь идет о кибернетике, которая стала восприниматься и как наука будущего, и как методологическая основа универсального рационального синтеза разрозненного корпуса наук. Кибернетический подход и соответствующая ему терминология оказались востребованными в гуманитарной сфере – в политологии, психологии, даже в педагогике. Кибернетика несет в себе мощный заряд универсализма, весьма притягательный

для мыслителей, остро чувствующих глубинное единство мира. К числу таких людей принадлежал Грегори Бейтсон, видевший в кибернетике не просто изменение познавательной позиции, но нечто большее — «изменение понимания того, что же такое позиция» [2, с. 441].

Бейтсон приобрел известность при жизни в первую очередь благодаря своим трудам по сравнительной этнографии. Однако его научные интересы отличались исключительной широтой. Овладевая теориями, его мысль стремилась распознать их метатеоретическую основу, выйти на уровень аксиоматики мировых структур. Целью ученого было обнаружение «связующего паттерна», и такая глобальная постановка вопроса включает его в круг европейских философов, пытавшихся понять природу внутренней связи Вселенной. Необычное сочетание нетрадиционных формулировок вопросов, относящихся к традиционному кругу философских идей, делает наследие Бейтсона актуальным для нашего времени. Дело в том, что эти формулировки воплощены в языке, соотношенном с конкретикой приспособления к ритмам технической цивилизации. Этот удачный когнитивный прием, без сомнения, способен дать импульс к размышлениям о положении человека в мире, меняющем свои формы под натиском технической мысли.

Ученый предлагает взглянуть на ментальный процесс как на своеобразный контур взаимодействия между двумя агентами — сознанием и «остальным разумом». Речь идет именно о взаимодействии; восходящая к Локку и ставшая «общим местом» трактовка сознания как наблюдения за происходящим в уме признается малопродуктивной. Сознание — это не «наблюдатель позади одностороннего зеркала» и не «телевизионный приемник, никак не влияющий на программу». В схеме Бейтсона присутствуют два взаимозависимых узла, соединенные линиями прямых и обратных связей. Сознание функционально совпадает с управляющим устройством в сложном аппарате, однако ученый рассматривает его деятельность под несколько неожиданным углом. Сознание выступает источником специфического искажения, из-за которого «ускользает» связь между «я» и миром.

Согласно Бейтсону, эта связь имеет кибернетическую природу. За этим несколько декла-

ративным тезисом стоит требование универсального системного умозрения, своего рода взгляда на познавательный процесс из глубины композиции зеркал. «Иерархия контекстов внутри контекстов» сообщает научному поиску восходящую динамику, побуждая ученого искать объяснение феноменам в действии принципов максимальной степени общности («во всё более широких сферах»). Сравнивая кибернетический подход с подходом традиционной физики, ученый их радикально противопоставляет. Физическое объяснение требует искать решения макроскопических задач «в микроскопическом»; кибернетика же опирается на альтернативный принцип, согласно которому «без контекста коммуникации не существует» [Там же. С. 366].

Итак, Бейтсон предлагает в качестве инструмента самопознания кибернетическую схему. Эта идея вполне соответствует его оценке кибернетики как «самого большого куска, который человечество откусило от плода Древа Познания за последние 2000 лет» [Там же. С. 442]. Но что за инстанция может быть признана контрагентом сознания, своего рода спарринг-партнером? Это должен быть ментальный компонент, развернутый в сторону объектного мира, природного окружения человека. Можно говорить о своего рода «ассистенте» сознания, созидающем связь со всей совокупностью контекстов. Очевидно, что игнорирование этого компонента ментальной схемы делает акт самопознания ущербным и описание взаимодействия с внешним миром обрекается на маловразумительную методологию «черного ящика». При этом Бейтсон не склонен видеть в «остальном разуме» исключительно реактивную инстанцию, запечатлевающую внешнее воздействие. Это деятельное формообразующее начало, подвергающее свое содержание трансформации (он отнюдь не случайно употребляет слово «событие», отмечая, что «содержание сознания — это не случайная выборка сообщений о событиях, происходящих в остальном разуме»).

Операциональный когнитивный узел, точку разрешения жизнеориентационных проблем, Бейтсон называет «вторым существом» в человеке. Этот термин появился в блистательных «Металогах», которые выстроены в полном согласии с древней философской традицией: ученый начинает с «простомыслия», и непредубежденное размышление неожиданно обнару-

живает присутствие неожиданного Логоса. Так, диалог о людях, животных, инстинкте, объективности рождает утверждение, несущее в себе сильный философский заряд: множество связанных в одно целое идей создает «что-то вроде второго существа внутри цельного человека, и это второе существо должно иметь весьма отличающийся способ думать обо всем» [2, с. 81].

Так возникает понимание сложной когнитивной структуры, расщепленной в своих глубинах и при этом остающейся самосогласованной. Противопоставляя стилю работы сознания «объективный способ» мышления «второго существа», философ не вводит нового термина для обозначения когнитивного центра и избегает обращения к термину «субъект». Очевидно, что дуалистический взгляд на ментальный процесс не является чем-то чуждым для новоевропейской гносеологии; классическое, восходящее к Канту, разграничение разума и рассудка можно интерпретировать как направленность интеллектуальной работы соответственно «внутри» и «вовне». Бейтсон использует слово «разум» (mind) в сниженном, «рассудочном» значении. Это уже не верховная управляющая инстанция; говоря о разуме как об объективном начале, ученый имеет в виду осуществление рационального контроля над поведением существа, погруженного в мир объектов.

Сознание наблюдает за движением к цели и осуществляет определенную коррекцию средств. Однако потеря онтологической перспективы смещает отношение «человек – мир» в сторону адаптивных моделей, и в результате целеполагание теряет качество свободного сознательного акта. Уже не надситуативный «практический разум» сообщает направляющие линии, расчерчивающие теоретическую карту жизненных «территорий». Речь следует вести, скорее, о принудительной власти навязанных извне целей, бездумно принимаемых за свободные интенции. Сумма внешних вызовов сообщает воле целеустремленность, но эта линия мотивации подобна силовым линиям магнитных полей и в основе сводится к принудительной внешней детерминации.

Мысль Бейтсона движется в фарватере кибернетической парадигмы, предполагающей, что «большой контекст может влиять на меньший» (с этим кругом идей связан и его знаменитый афоризм «карта не есть террито-

рия»). Узость пространства конкретных задач, вовлекающих объективный разум в хищное и разрушительное самоутверждение, перекрывается глобальным «экологическим» горизонтом, в котором сознанию предназначена какая-то другая и чрезвычайно важная роль.

Антропология Бейтсона вместе с тем лишь намекает на наличие в глубине личности независимого субъективного измерения, не предлагая при этом ни развернутой концепции субъектности, ни путей к ее раскрытию. В его описании процесса познания можно заметить рефрен, повторяющийся тезис о необходимости взаимодействия различных компонентов. Так, в одной из статей он декларирует двуединство предмета человеческого самопознания: «я» представляет собой агрегат, сложенный, с одной стороны, из привычек восприятия, адаптивных действий и, с другой стороны, из неких автономных «имманентных состояний». Речь идет о моментах обращения (или возвращения) к себе. Они столь же необходимы для построения схематического контура, как и признание вовлеченности этой схемы в метаконтекст, и обозначают в ней вторую опорную точку, соединенную с пространственным объектным полем переплетением прямых и обратных связей. Отсутствие их позволяло бы признать корректной тотальную пассивизацию субъекта, соответствующую одиозному образу «человека-машины», в котором человек предстает усложненным подобием собственных инструментов.

Стиль Бейтсона своеобразен; местами его тексты оставляют впечатление намеренной недосказанности, и эти инкрустированные «умолчания» нуждаются в интерпретации. Последовательное развитие избранной логической линии выводит к важному заключению: раздвоение в сердцевине образа «я» рождает две возможности, два паттерна, два варианта построения контура сопряжения с видимой реальностью (которую мы, по оригинальному замечанию философа, «подвергаем селекции и редактируем»). Первый вариант образуется звеньями: «сознание (внутренний наблюдатель) – интеллект, излучающий эвристическую энергию – внешний мир»; это паттерн творческого контакта с объемлющей субъект действительностью. Второй задается иначе: «сознание как сгущение апперцепции – рассудок как комплекс оптимальных рецептов – объектное окружение». Этот паттерн допускает

описание, применимое для автоматизированных линий связи. Бейтсон упоминает об апперцепции у животных, и это упоминание не случайно. Содержание этого понятия образуют исходные познавательные установки, существенно влияющие на выбор алгоритма действия. В пассивной схеме сознание не выбирает; навстречу вызову выдвигается защитный реактивный шаблон. Статус действия снижается, и оно низводится до некоей последовательности практических шагов без осмысления. Сознание в этом случае погружается в модус отрешенности от процесса при сохранении потенциальной способности к «инсайту».

По-видимому, существование системы столь высокого уровня сложности, как познающий субъект, требует слаженной работы обоих контуров. Однако сдвиг в сторону пассивной схемы вызывает нешуточную тревогу. Дело в том, что сознанию, уступившему активную роль в контакте с миром своей виртуальной имитирующей форме («апперцепции»), грозит опасность тотального замещения мощными инструментальными алгоритмами. Хрупкая основа человечности уязвима для «жесткого излучения» технических структур. Пораженное ими сознание оказывается опустошенным. Мыслитель предупреждает: при наличии технологии, эффективной для «опустошения мира», любой стратегический просчет «приобретает летальный характер».

Название одной из самых известных книг Г. Бейтсона — «Экология разума» — перекликается с тревожными раздумьями Н. Винера: основоположник кибернетики заметил, что «мы столь радикально изменили нашу среду, что теперь, для того чтобы существовать в этой среде, мы должны изменить себя» [3, с. 49]. Книга издана в 1972 г.; она составлена из ряда статей, сходящихся к центральной теме, к антропологическому фокусу. Выдвинутое в заглавие словосочетание оказалось эвристически насыщенным. Оно позволяет провести параллели между технологической агрессией на природу (по сути, основным источником экологических проблем) и давлением, которое испытывают «имманентные» грани личности со стороны омертвелога «объективного разума». Реальные индивидуумы выстраивают «сложные эмоциональные паттерны взаимоотношений с другими индивидуумами».

Констатируя этот факт, философ постоянно намекает на тенденцию к деградации поведения современного человека. Ее итогом, результатом последовательного упрощения, становится связка мысли и действия, адекватная примитивному бихевиористскому описанию. Значит, в этом модусе поведения импульсы инструментального разума инициируются исключительно извне и могут быть интерпретированы в качестве усложненных психических реакций на стимулы (возбудители). Бейтсон размышляет о способах приобретения привычек в контекстах многократного и механического обучения (в том числе в контексте инструментального избегания неприятных последствий). Эти черты поведения наблюдаются как у людей, так и у животных. Но действия человека не исчерпываются влиянием пассивного контура («павловских паттернов» [2, с. 200]); в них присутствует некоторое самоценное содержание, создающее особую целостность, инвариантную к предначертанным целям.

Трансформация разума: симптомы скрытых угроз. Избранная Г. Бейтсоном линия когнитивного анализа прямо соотносится с одной из ведущих тенденций философии XX в. — критикой технократического разума. Ход истории предназначил традиционную для философии роль «дозорного культуры» сравнительно молодой философской дисциплине — философии техники, и в эпоху стремительных перемен она предупреждает об опасностях, связанных с изменением баланса сил в древней борьбе человека с природными стихиями. Человек обрел власть над скрытыми энергиями природы, но при этом его воля оказалась в зависимости от пробудившейся в ее глубинах темной энергии самоутверждения и власти.

Одна из самых серьезных и при этом неясных, сокровенных опасностей — это самопреобразование разума, создающего в итоге ложный образ самого себя. В «Металоггах» можно найти набросок сценария зарождения и формирования «технократического» синдрома. Отделенный от мира вещей, но при этом нацеленный на вещи инструментальный разум («существо, которое сделано по модели интеллекта, языка и инструментов») стремится к вторжению в объективный порядок. Такого рода вторжение Бейтсон называет естественным развити-

ем цели внутри «объективного существа» (естественным потому, что «инструменты имеют цели»). Всё, что блокирует цель, становится препятствием — так рождается хищный взгляд на вещи, разделяющий их на «мешающие» и полезные.

Это рассуждение переключается со знаменитой аксиологической дихотомией выдающегося ученого XX в. А. Маслоу. Основатель «гуманистической психологии» обнаружил наличие двух взаимоисключающих классов мышления, при этом в качестве основания деления им были положены ценностные приоритеты. Бытийное мышление инспирируется установками на диктат истины, на благодарное и благоговейное отношение к жизни, а также на жажду самоактуализации, раскрытия в себе неясных возможностей. Дефицитарное мышление характеризуется, напротив, почти патологическим стремлением к использованию попавших в поле зрения объектов в утилитарных целях. Психолог отметил его самоистощающийся характер: сущность объекта находится вне узкой сферы интересов субъекта. Столкновение с объектом порождает сугубо поверхностное представление о нем, и в итоге «познание влечет за собой скуку» [4, с. 272].

Дефицитарное мышление можно считать закономерным следствием тенденции к захвату ментального поля инструментально ориентированным разумом. Напрашивается аналогия между редуцированным, безрефлективным интеллектом и сложным инструментом, настроенным на узкую полосу спектра и не предназначенным для восприятия излучения на других частотах. Такой прибор может безукоризненно работать в ограниченном диапазоне, но обеспечить полноту представления о природном окружении как о связанной целостности он, очевидно, не способен. Подобным же образом сознание, экранированное системой оптимальных методик и эффективных решений, обречено на «разрыв контакта» с реальностью.

Процесс адаптации включает в себя не только защиту от внешних угроз, но и самоутверждение в некоем устойчивом состоянии. Острота сопутствующих переживаний создает иллюзию адекватности «рабочего» образа противостоящего человеку окружения (или, как сказал бы Бейтсон, «карты» территории адаптации) самой объемлющей действительности.

Так притупляется или даже аннигилируется интуиция многомерности жизненного пространства; над интеллектом исподволь обретает власть рациональная методика устранения препятствий. Однако некритическое восприятие возникающей «дефицитарности» как безальтернативного принципа мышления является системной ошибкой, таящей в себе опасность последовательной деградации сознания.

Бейтсон предупреждает: «характеристика системности такова, что базовая ошибка воспроизводит себя». Более того, ее действие напоминает разрушение биоценоза: она «прорастает сквозь ткани жизни своими корнями и всё приводит в хаос». Сущность этой всепроницающей ошибки философ видит в отделении «имманентного разума» от структуры, в которую он погружен. Гармония, связывающая части этой структуры, распространяется в глубину раскрытого, разомкнутого «внутреннего космоса»; она же служит источником уверенности в неиллюзорном, бытийном, ответственном характере добытых рациональным путем знаний. Мыслитель видит следы глубокого переживания связанности мира в архаическом способе мышления, в тотемизме и анимизме. Ошибки этих мировоззренческих систем очевидны, но при этом они несли в себе смысл, почти начисто утерянный в современную эпоху. Гармония природы рождает интуицию системности и вполне может служить «подходящим источником метафор, позволяющих человеку понимать себя и свою социальную организацию».

Очевидно, что Бейтсон входит в плеяду философов, склонных признавать источником переживаемой человечеством острейшей экологической ситуации не столько технический прогресс как таковой, сколько его ментальные предпосылки. Оторванный от иерархии онтологических контекстов разум оказывается «слишком способен на сумасшествие». Возникает опасное чувство тотальной власти над системой, частью которой является само человеческое существо. Философ использует греческое слово «*hubris*» (высокомерие, гордыня); это надменное самоощущение провоцирует многомерный экологический конфликт, и «в качестве модификатора окружающей среды сознательный человек сегодня вполне способен разрушить самого себя и эту среду (причем с самыми лучшими сознательными намерениями)» [2, с. 411].

Но эта драматическая вражда является в высшей степени «немудрой»: Бейтсон предупреждает, что системы неизбежно наказывают такие «виды». В этом пророческом предупреждении явственно звучит глубинная интуиция мыслителя. Он не признает тотальную власть случайных сцеплений, и мир для него не хаотичен, а управляется силой разумного согласования. Отнюдь не случайной представляется многозначительная ремарка: «Если хотите, можете назвать системные силы „Богом”» [2, с. 399].

В этом утверждении заключено смысловое богатство, из которого хочется извлечь явное указание на то, что в иерархической мировой композиции заложены еще не открытые истины и в ней дремлют могучие энергии. Поэтому «лекарство от болезни под названием „сознательная цель” лежит в сфере индивидуального»; освобождение начинается с прикосновения к онтическому. Здесь снова заметна параллель с важнейшим тезисом гуманистической психологии: согласно Маслоу, «целеполагание в традиционной, расхожей жизненной философии трактуется ошибочно или, по меньшей мере, взгляд на него отличается крайней незрелостью» [5, с. 18]. Созидательная цель заключается в самоактуализации, которой сопутствуют «постижение внутренних связей и отношений между отдельными фактами бытия; священный трепет; преданность идеалам и ценностям» [Там же. С. 125].

Итак, «определенные ошибки в мышлении и тенденция западной культуры» следует отнести к числу разрушительных факторов. Речь идет в первую очередь об агрессивном отношении к природе, тесно связанном с настроениями, сопровождающими социальное сопротивление. Бейтсон упоминает также претензию на жесткий (односторонний) контроль над природными процессами и на унаследованное из эпохи индустриальной революции заблуждение о принципиальной безграничности нашей среды обитания. Замечательным представляется дополнение этого «черного списка» двумя изрядно скомпрометировавшими себя утверждениями: «здоровый смысл заключается в экономическом детерминизме» и «технология даст нам всё» [2, с. 458]. Дело в том, что эти две формулы указывают уже не столько на невольную и тем самым невинную «ошибку в мышлении», сколько на сознательный вызов многовековой

культурной традиции. В этих тезисах обозначает себя сокрушительная формообразующая сила цивилизации, и эта сила претендует на последнее слово. Подразумевается выход на некий предельный контекст, тотально исчерпывающий онтологическую проблематику.

Призыв Бейтсона к переживанию самого себя (своего совокупного «я») как кибернетической модели может вызвать недоумение, однако он лежит в русле напряженных усилий по созиданию экологии человеческого бытия. Глубинным пороком инструментального интеллекта оказывается его герметичность, самозамкнутость, превращающая его в опасное подобие самонаводящегося снаряда. Технократическая рациональность безжалостно отменяет гуманистические «иллюзии», сохраняя слепую веру во всевластие «научных» (объективистских) методик. Напротив, направленность сознания (имманентного ядра личности) на союз с космической архитектурой способна дать избавление от навязчивой жажды целеполагания, исходящей из отчужденной и властной инструментальной «полусферы». Эта направленность рождает творческое переживание. Бейтсон связывает его с соединенным в единое целое веером духовных движений, упоминая «сновидения, создание или восприятие искусства, поэзию и прочие подобные вещи»; он также считает возможным включить в это единство «лучшее, что есть в религии» [Там же. С. 403].

Таким образом, проблема амбивалентности интеллектуальной активности современного человека находит в творчестве Бейтсона яркое и оригинальное решение. Его системно-кибернетический подход отнюдь не предполагает редукции мышления к двум способностям — управлению и вычислению, ставшей соблазном для последующего развития «компьютерных» ветвей когнитивной психологии. Напротив, он позволяет вписать сознание в сложное переплетение смысловых связей.

Аллюзией известного афоризма Фрейда о «королевской дороге к бессознательному» предстает утверждение Бейтсона о способах опознания (или обнаружения) сознания: путь к нему пролегает «через язык и инструменты». Сознание оперирует знаками и овладевает миром с помощью техники, но остается при этом независимым таинственным агентом, одновременно и мощным, и хрупким, способным к

самоуничтожению. Так постепенно за «инновационной» терминологией открывается традиционная тема классической онтологии, тема взаимопроникновения трех мировых начал: сущности человека, мира как арены для ее реализации и всепронизывающего бытия как фундаментального условия их взаимодействия.

Привлекательность кибернетики для ученых, мыслящих в масштабе крупных и сверхкрупных систем, связана, очевидно, с ее концептуальной альтернативностью аналитической науке, построенной на принципе искусственной изоляции. Важное достижение Бейтсона – учение о двух разнонаправленных когнитивных контурах, активном и пассивном, – находит параллели в работах двух крупнейших мыслителей XX в. – М. Хайдеггера и М. Бубера. Согласно Хайдеггеру, «есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: вычисляющее мышление и осмысляющее раздумье». Современному человеку грозит потеря глубинного ядра человечности, поскольку он «спасается бегством от мышления» [6, с. 103]. Так появляется «бездумность – зловещий гость» в сегодняшнем мире мерцающих и исчезающих, манящих своей россыпью, исчислимых и планируемых целей... Опасность технической эпохи Хайдеггер видит не в технике как таковой, но в возможности того, что «однажды вычисляющее мышление останется единственным и действительным практикуемым способом мышления». На повестке дня стоит практический аспект фундаментальной онтологии – «вопрос о том, что человек Нового Времени впредь находится в принципиально новом отношении к бытию и что он ничего об этом не знает» [7, с. 145].

Германский философ видит выход в развитии нетехнических горизонтов мышления. Схожим образом размышляет и Бейтсон: он полагает, что области человеческой деятельности, в которых «мудрость имеет признание», могут «действовать как корректоры». Здесь ученый прямо указывает на сходство с идеями Бубера, который противопоставил два «луча», два принципа сознательного выхода навстречу действительности. Таковыми предстают отношения «я – ты» и «я – это»; последнее характеризует контакт человека с миром неодушевленных вещей. Но данный паттерн может распростра-

ниться и на межличностное общение, и в этом случае возникающие отношения определяются формулой «цель важнее любви».

Эту афористическую формулу Бейтсона можно рассматривать как краткое определение технократической «платформы». Действительно, «технократизм представляет собой особый, вырожденный тип рациональности – рациональность, „свободную” от ценностей (лишенную ценностей)» [8, с. 76]. Более того, можно говорить о регрессе мышления как о спутнике синдрома тотальной и дегуманизирующей операциональности. Она порождает характерную для технократизма мертвящую, «лунатичную» целеориентированность: «заданный курс корректировке не подлежит; он воспринимается как нечто естественно-телесное, наподобие дыхания и сердцебиения» [Там же. С. 81]. Результатом снижения когнитивного потенциала вполне может стать социальная катастрофа. По словам Х. Ленка, особенностью технократического подхода «является взгляд на человека как на обучаемый, программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций» [9, с. 37].

Пожалуй, самая сильная диагностика современной цивилизационной угрозы принадлежит Х. Сколимовскому: техника становится состоянием западного сознания [10, с. 246]. Бейтсон отчетливо видел эту тенденцию и призывал к обузданию мертвящей тотальности. Он полагает, что «сложная кибернетическая структура сообществ и экосистем до некоторой степени аналогична одушевленности». Следовательно, безжалостному инструментализму можно противопоставить распространение на окружающий мир высокого духа человеческой любви и благоволения к жизни. Проецируя отношение «я – ты» на природу, не следует забывать об экологической аксиоме «всё связано со всем». Бейтсон придает ей несколько иную формулировку: «мир, в котором мы живем, – это мир петлевых структур». Для понимания мировой мозаики недостаточно отрывочных знаний; здесь требуется мудрость. Бейтсон видит спасение в согласном единстве двух основных духовных добродетелей, взрастивших благородное дерево философии: «любовь может выжить, если только ее эффективно поддержит мудрость». Мудрость науки философ видит в самоограничении: существуют области, прин-

ципиально ускользающие от предсказания и контроля [11, с. 33]. Он проводит интересную параллель между звездообразным отверстием в стекле и столь же непредсказуемой конфигурацией исторических реализаций. Эта поправка существенна, и существо, «самонадеянно приписавшее весь разум самому себе», должно скорректировать избирательное внимание, выйти за пределы «узкого целенаправленного взгляда».

Таким образом, многоплановая, но при этом скрепленная последовательной холистической логикой концепция Г. Бейтсона содержит богатый материал для размышлений об актуальных проблемах человечества. К сожалению, его размышления остаются во многом «неизведанной землей». А.И. Пигалев [12] утверждает, что «на русском языке анализ фундаментальных идей Бейтсона фактически еще и не начинался». Тезис можно оспорить: значительный вклад в этот анализ внесла работа Д.Г. Смирнова, в которой, в частности, отмечаются параллели между учением Бейтсона и русской ноосферологией. Рассуждая в линиях «экологии разума», Смирнов говорит о «слепой семиотике», понимая под ней потерю чувствительности, невосприимчивость к знакам, посылаемым природой [13, с. 318]. Можно говорить и о внедрении в биосферу чуждых ей материализованных знаков, но в этом случае надлежит учитывать заявление, сделанное Бейтсоном: «более совершенное» никогда не может породиться «менее совершенным».

Заключение

Новоевропейская парадигма мышления рассматривала и продолжает рассматривать

рациональность исключительно как технику овладения природой [14, с. 14]. Подобный подход в наше время становится опасной силой, подрывающей онтологические основы. По словам Бейтсона, примитивная рациональность «неизбежно патогенна и разрушает жизнь». Ослепленный чувством всевластия инструментальный разум постоянно осуществляет болезненную имплантацию в ткань мирового целого неких чуждых этой целостности компонентов. Однако человечество всё же, видимо, способно к самоконтролю, и для выполнения трудной задачи «смены вех» особую значимость имеют работы мыслителей, осознавших многоплановость и глубину глобальных проблем современности. К числу таких работ относится внутренне цельная книга Г. Бейтсона, изобилующая материалом для размышлений об актуальных проблемах нашей эпохи и контурах альтернативного рационализма.

Человечество входит в полосу риска; ответственными становятся угрозы, обозначение которых составляет несомненную заслугу этого первопроходца «киберэкологии». Сегодня мы сталкиваемся с изнанкой господства высоких технологий — с деградацией культурных стандартов, засильем знакового мышления и ослаблением скрепляющих общество «тонких» межличностных связей. Философское наследие Бейтсона привлекает вдохновляющим стремлением к «одушевленному знанию», выраженному в безупречной дискурсивной форме. Мыслитель набрасывает сеть смысловых узлов на область непознанного, и читателю приоткрываются грани «трехмерного», неповерхностного образа мира, который на протяжении веков создает упрямая философская мысль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 50–61.
2. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
3. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2000.
4. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
6. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. шк., 1991.
7. Хайдеггер М. Семинар в Ле Торе, 1969 // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 123–151.
8. Козырев Д.Н. Век техники — век инструментального разума. СПб., 2013.
9. Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект-Пресс, 1996.

10. Сколимовский Х. Философия техники как философия человека // Новая технократ. волна на Западе. М., 1986.

11. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. Новосибирск, 2005.

12. Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148–160.

13. Смирнов Д.Г. «Экология разума» Г. Бейтсона: поиски семиотических оснований ноосферной истории // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки, 2011. № 2 (4). С. 314–319.

14. Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3–14.

Козырев Дмитрий Николаевич

E-mail: dnk72@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2019 г.

REFERENCES

[1] Arshinov V.I., Budanov V.G., [Systems and networks in the context of the complexity paradigm], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 1 (2017) 50–61.

[2] Bateson G., Ekologiya razuma. Izbrannyye stat'i po antropologii, psixiatrii i epistemologii [Ecology of Mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology], Smysl, Moscow, 2000.

[3] Wiener N., Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and society], Taydeks Ko, Moscow, 2000.

[4] Maslow A., Dal'niye predely chelovecheskoy psikhiki [Far limits of the human psyche], Yevraziya, St. Petersburg, 1999.

[5] Maslow A., Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality], Yevraziya, St. Petersburg, 1999.

[6] Heidegger M., Razgovor na proselochnoy dorozhe [Conversation on country road], Vysshaya shkola, Moscow, 1991.

[7] Heidegger M., Seminar v Le Tore, 1969 [Seminar at Le Tore, 1969], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 10 (1993) 123–151.

[8] Kozyrev D.N., Vek tekhniki – vek instrumental'nogo razuma [The age of technology – the age of instrumental intelligence], St. Petersburg, 2013.

[9] Lenk H., Razmyshleniya o sovremennoy tekhnike [Reflections on modern technology], Aspekt-Press, Moscow, 1996.

[10] Skolimovskiy Kh., Filosofiya tekhniki kak filosofiya cheloveka [Philosophy of technology as a philosophy of man], in: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West], Moscow, 1986.

[11] Bateson G., Razum i priroda: neizbezhnoye yedinstvo [Mind and nature: the inevitable unity], Novosibirsk, 2005.

[12] Pigalev A.I., [God and Feedback in the Gregory Bateson Network Paradigm], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 6 (2004) 148–160.

[13] Smirnov D.G., [“Ecology of Reason” by G. Bateson: the search for semiotic bases of noospheric history], Izvestiya vuzov. Gumanitarnyye nauki [News of universities. Humanities], 2 (4) (2011) 314–319.

[14] Gaydenko P.P., [The problem of rationality at the end of the 20th century], Voprosy filosofii [Philosophy issues], 6 (1991) 3–14.

Kozyrev Dmitriy N.

E-mail: dnk72@yandex.ru

Received 04.02.2019.

DOI: 10.18721/JHSS.10106

УДК 1:165;1:167;30:303.01

ФЕНОМЕН ВЕЩЕЙ В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Л.В. Мурейко

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Технологии медиа сегодня способны изменить на бессознательном уровне чувственно воспринимаемые свойства вещей и, изменив образцы восприятия, образовать «новую предметность» мира. Проблема состоит в том, что особенность медиареальности часто неправомерно сводится лишь к технологиям манипуляции сознанием, к «симуляции вещей». Однако за счет совершенствования технологий также конструируется новая интенциональность, по-новому воспринимаемый предметный мир, расширяющий когнитивные и практические возможности человека, что особенно акцентирует современное искусство. Автор статьи пытается уточнить специфику медиареальности, используя материал разных подходов к пониманию феномена вещей в реальности современных медиа (в философии медиа, исследованиях конвергентных технологий, эстетике, философии науки). При этом применяются междисциплинарный, структурно-функциональный анализ и аналогия. Дано определение медиареальности. Утверждается, что исследование «вовлеченности» человека в медиареальность должно сопровождаться философско-эстетической разработкой онтологических основ корректирующих ее технологий. Это объясняется тем, что понимание измерения реальности, трансформируемой масс-медиа, требует учета изменения, прежде всего чувственно воспринимаемого, визуального, символического, в зависимости от применяемых технологий. Необходимо также учитывать, что при этом меняется характер знания и транслирующего его языка, что особенно ярко проявляется в «новом искусстве». Развитие такой постановки вопроса при различии символа и знака как такового будет способствовать продуктивному уточнению феномена «наглядности невидимого» и в науке, рассматриваемой в социокультурном контексте, особенно при популяризации научного знания в масс-медиа. Данное исследование может быть использовано при контроле реализации разных вариантов медиа ориентированных онтологий.

Ключевые слова: медиареальность, вещи, масс-медиа, «новая предметность» мира, Интернет Вещей, симуляция вещей

Ссылка при цитировании: Мурейко Л.В. Феномен вещей в медиареальности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 57–68. DOI: 10.18721/JHSS.10106

PHENOMENON OF THINGS IN MEDIA REALITY

L.V. Mureyko

Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of this work is related to the fact that modern mass media technologies are able to change, on an unconscious level, the sensually perceived properties of things,

together with the changing patterns of perception, forming the “new objectivity” of the world. The problem is that the peculiarity of media reality is wrongfully often reduced only to the technologies of manipulation of consciousness, to the “simulation of things”. However, due to the improvement of media technologies, a new perceived objective world, expanding the cognitive and practical capabilities of a person, is also being constructed. The purpose of this study is to clarify the specifics of media reality. Objective: to implement this goal on the material of different approaches to understanding the phenomenon of things in modern media reality: in the social theory and philosophy of media, in research on convergent technologies, in aesthetics, in the philosophy of science. It uses interdisciplinary and structural-functional analysis, analogy. In conclusion, the author defines media reality, based on the fact that things in it implicitly express the organization of the anthropometric material world. It is argued that the study of the “involvement” of a person in media culture should be accompanied by a philosophical and aesthetic development of the ontological foundations of the technologies that correct it. This is explained by the fact that the understanding of the measurement of reality, transformed by the mass media, requires taking into account changes, first of all, sensually perceived, visual, symbolic, depending on the applied technologies.

Keywords: media reality, things, mass media, “new objectivity” of the world, Internet of Things, simulation of things

Citation: L.V. Mureyko, Phenomenon of things in media reality, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 57–68. DOI: 10.18721/JHSS.10106

Введение

Сегодня в философских работах о медиареальности широко распространено ее понимание, производное от толкования медиа М. Маклюэном. Выдвигая тезис «Средство сообщения есть сообщение», он имеет в виду прежде всего «то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им [сообщением. – Л. М.] в человеческие дела» [1, с. 10]. Речь идет о рождении значительных изменений в жизни человека, осуществляющихся самим средством коммуникации. С учетом исторически определенных материальных и технологических возможностей средство сообщения претендует на онтологическое «расширение человека». Так, печать, с ее появлением и распространением, способствует рождению индивидуализма и национализма. Электрические средства коммуникации создают возможность специфической взаимосвязи всех институтов общества.

При этом новое содержание жизни людей утверждается не на уровне представлений, понятий, а на уровне неосознаваемого способа реализации мыслительных и практических действий человека, как их упорядочивание,

организация, кажущиеся естественными. Маклюэн отмечает: «Воздействие технологии... меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления» [Там же. С. 22]. Медиа в этой концепции оказываются и производителем реальности человека, и самой этой реальностью, будучи важнейшим средством сообщений о действительности, ее смыслах, усваиваемых в коммуникации между людьми, институциями, сообществами. Назначение медиа – сообщить некое представление о действительности так, чтобы побудить к определенному способу ее освоения, действия, переустройства.

Постановка проблемы и цели исследования

Как и М. Маклюэн, А.Н. Фортунатов в своей монографии [2] рассматривает медиареальность в русле отношения «человек – техника». При этом, согласно Фортунатову, значительное смещение онтологического акцента в медиареальности от антропологического в сторону технологического плана характерно для *современной* формы коммуникации в связи с глобализацией медиа и особой ролью масс-медиа,

претендующих на тотальную манипуляцию сознанием за счет ставки на быстро развивающиеся технологии.

Можно согласиться с тем, что у «новых», цифровых средств массовой коммуникации есть своя специфика. Отчасти можно также согласиться с тем, что важной особенностью масс-медиа в формировании медиареальности является прежде всего «забота» о прочности взаимосвязи чувств, сознания с медиамиром, а не о содержательной цели этой взаимосвязи. Действительно, важнейшее свойство медиареальности, продуцируемой современными масс-медиа, — стремление к включенности человека во всей полноте его жизни в сам процесс коммуникации. Однако особенность медиареальности не должна сводиться к технологиям манипуляции сознанием. Ей не чужд элемент стихии, как и расширение, усложнение содержательной составляющей сообщения, связанной с тем или иным пониманием предметного мира или мира вещей, что особенно акцентируется «новым искусством». Цель данного исследования — уточнение специфики медиареальности с привлечением разных подходов к пониманию феномена вещей в современной среде медиа (в философии медиа, исследованиях конвергентных технологий, эстетике, философии науки).

Методология

В процессе исследования применялись междисциплинарный, структурно-функциональный анализ и аналогия.

Результаты исследования

Факторы усиления позиции медиареальности за счет изменения бытия современного человека. Со стремлением медиа втянуть в свой мир человека во всей его полноте жизни сочетается такая важная черта медиареальности, как существенная *трансформация характера и способов самого опосредования* между людьми, между человеком и окружающей средой.

В.В. Савчук в этой связи отмечает: медиареальность — это «реальность всех, а не для всех» [3]. В силу стихийных совместных взаимодействий людей посредством медиа это функция сообщества, проявляющая себя как «архитектура без архитектора». Каждый, не осознавая, способствовал расширению и укреплению медиареальности, используя современные средства информации.

Медиареальность усиливает свои позиции также за счет невиданных ранее качественных изменений характера сообществ в связи с проецированием на социальные организации соединяемых в одно целое особенностей информационных сетей с биологическими, нано- и когнитивными технологиями. Тем самым складывается тенденция создания организаций по типу адаптивной биоструктуры, а также сети, что в научных исследованиях обозначается такими терминами, как «живая организация» [4], «фрактальная организация», «квантовая организация» [5].

С.В. Клягин справедливо отмечает тот факт, что медиа благодаря своему трансформационному свойству обнаруживают себя как «особое „место“», как «локус проявления реальности в целом». Такая позиция действительно несет в себе продуктивное направление исследования, позволяющее «разнообразить демаркации и определения объектного состава медиасферы, а также увидеть перспективу построения медиа ориентированных онтологий информационно-коммуникативного социума» [6].

Можно указать как минимум на четыре важных фактора, усиливающих трансформационный характер медиареальности:

1. *Выход на первый план новых (в том числе симулированных) социальных общностей.* Сетевые технологии обеспечивают как возможность огромному количеству людей одновременно присутствовать в виртуальном пространстве, так и разрушение их персонификации в классическом понимании, усложнение индивидуальной, личностной индентификации, гражданской позиции.

2. *Создание специфических виртуальных самостоятельных миров.* За счет новых медиа-технологий приобретает небывалую привлекательность средство-посредник (Интернет, различные сайты on-lain общения, сайты игр с множеством участников и др.), указывая на новый потенциал человеческого существования в виде виртуальной, дополнительной и других видов реальности. Всё это вызывает мощную тенденцию трансформационных процессов, происходящих с человеком, как бы «освобожденным от пут реальности» (П. Слотердаjk).

3. *Существенное и мобильное преобразование самой среды обитания.* Это происходит под воздействием глобальных масс-медиа вместе с

качественным изменением социальной структуры и субъекта *через изменение нормативной адаптации и способов регулирования когнитивных и ценностных установок людей, характера социальных связей.*

4. *Преобразование и предметного (вещного) мира существования человека: появляется «новая предметность» социальной реальности.* Вещи всё больше выступают для человека не через их свойства, а через их функциональность, как знаки социально-культурной реальности.

Остановимся на конкретизации последнего пункта.

Вещное и человеческое: драматизм нерасторжимой связи. Почему так остро звучит сегодня призыв «Назад к вещам!» и в чем новизна его современной версии по сравнению, например, с версией Э. Гуссерля?

Тому способствует несколько причин, среди которых выделим достигающую небывалых размеров «симуляцию вещей» посредством технологий масс-медиа, механизм образования которой с множеством примеров ярко представлен в работе Ж. Бодрийяра «Система вещей» [7]. Существующая в том или ином обществе «система вещей» — это способ неявной организации антропомерного материального мира.

И. Гоффман, проводя некоторую аналогию между самой жизнью и ее воспроизведением в театральной постановке (что, заметим, особенно актуально, когда объектом анализа становится реальность, формируемая масс-медиа, с ее обращением к театральным эффектам), правомерно отмечает ту функцию окружающих людей вещей, которая выполняет *определенную организацию мысли и чувства.* «Вещная обстановка, — пишет он, — ориентирует зрителя и помогает сценическим характерам говорить и действовать в определенном стиле» [8, с. 116]. Говоря шире, функция вещей в отношении удовлетворения потребностей людей, их желаний, улучшения комфортного существования, будучи тесно связанной с социальными смыслами, оказывается важным фактором детерминации направления их мыслей, форм поведения в том плане, в каком явное, но больше неявное их отношение к вещам уже включено в структурность, упорядоченность общества. Вещи, будучи включенными в широкий коммуникативный обмен, оказываются в роли знаков всей

социокультурной реальности. Масс-медиа пытаются предельно машинизировать этот обмен. Используя технологии симуляции реальности, они широко спекулируют на часто неосознаваемой привязанности людей к вещам наряду с их желанием порядка.

«Система вещей», симулируя реальность посредством современных масс-медиа, трансформирует самого человека: он становится функцией «системы вещей». Набирая скорость в обретении совершенной формы-трансформатора или пустой формы, «вещь-знак», «вещь-функция» вовлекает одновременно разных людей в вещный мир этой пустой формой, будучи открытой для разнообразных мифов о реальности. Захват людей миром вещей связан с их безграничной верой в мощь техники, тогда как «вещь-функция», технически значимый предмет, требует от человека «лишь чисто формального соучастия, изображает нам мир, где нет усилий, где энергия абстрактна, где жест-знак обладает абсолютной действительностью» [7, с. 21].

Тем самым уже вещи по отношению к человеку в среде масс-медиа начинают играть своеобразную роль субъекта. А человек становится «вещью-функцией» в своей среде обитания. Именно технический подход к межличностному общению, небывалый темп развития новых массовых коммуникативных технологий играет особую роль в тенденции максимальной включенности в медиареальность каждого индивида.

Бытие в прежнем понимании разрушается для последующей перестройки. При этом перестройка бытия, осуществляемая масс-медиа, оказывается двойственной: она проявляется и в плане опредмечивания субъекта, растворения его в окружающей предметной среде, и в плане распрямления того, что само по себе непредметно. В последнем случае проблемно обнажается *суть бытия людей как того, что само по себе непредметно, как того, что их связывает* (через социальную коммуникацию) и *что может быть воспринято в процессе поиска аутентичной индивидуальности, свободной от стереотипов.*

Б. Латур тонко заметил: именно закрепление позиции в точных науках рассматривать вещи в качестве «объективных» повлекло за собой открытие неосвязаемости вещей в гуманитарном знании. В результате явного размежевания мира объективного и мира политического

в Новое время в дальнейшем вещи перестали служить «товарищами», «партнерами», «соучастниками или союзниками в поддержании социальной жизни». Теперь они выступают лишь в трех качествах: 1) как невидимые и надежные инструменты, 2) детерминирующая инфраструктура и 3) проекционный экран [9].

При уточнении Латуром свойств вещей и в первом, и во втором случае (да и в самом названии работы «Об интеробъективности») в них явно прослеживается их коммуникативный характер. Во втором случае, выступая в качестве *инструментов*, вещи транслируют пронизывающую их социальную интенцию. Проявляя себя в качестве *элементов инфраструктуры*, вещи представляют собой тот материальный фундамент, который предполагает обязательную надстройку социального мира знаков и условия репрезентаций. Выступая в роли *проекционных экранов*, вещи призваны отражать социальный статус и быть основой «тонких игр различия».

Несмотря на то что вещи перестали быть «товарищами», «союзниками» в поддержании социальной жизни, в концепции Латюра вещи не лишились связи с человеческой жизнью. Изменился характер этой связи.

Говоря о неразрывной связи людей и вещей, А.А. Грякалов пишет: «Вещное и человеческое так проникают друг в друга, что стремление отыскивать „отдельно существующий“ неизменный вещный или человеческий „монодраматизм“ оказывается иллюзорным. В непрерывной смене привязанностей, изменах и забвениях [вещей. — Л. М.] постоянной оказывается только непрерывная трансформация незабвенного — константа взаимного тяготения и нерасторжимости вещного и человеческого» [10, с. 3]. Другое дело, что эта константа вариативна.

Неразрывная связь людей и вещей усиливается и вариативно усложняется сегодня зарождающейся формой WEB 4.0., продуцирующей Интернет Вещей (Internet of Things). По своему значению Интернет Вещей — это концепция программируемой сети множества разнообразных физических объектов (things), которые оснащены встроенными технологиями и, что особенно важно, посредством этих технологий способны взаимодействовать друг с другом, а также с внешней средой. В среде Интернета Вещей артефакты получают способность узнавать,

идентифицировать себя и друг друга, быть сопричастными любым программам виртуального мира. Сами вещи приобретают способность вступать в невербальную коммуникацию как друг с другом, так и с человеком посредством беспроводной передачи данных. Кроме того, вещи благодаря встроенным специальным сенсорам (например, RFID-чипам) приобретают способность удаленно не только чувствовать, но и воздействовать друг на друга.

Как отмечает К. Майнцер, сложность современных инфраструктурных задач в информационном обществе настолько высока, что уже не обойтись без широкого распространения *киберфизических* систем. Существует мощная тенденция сращения информационных сетей с физическими инфраструктурами общества. Киберфизические системы производят сегодня колоссальный объем данных в разных отраслях науки, экономики, общества в целом. Разрастающаяся масса данных включает в себя миллиарды сигналов (Big Data), уже не вполне поддающихся обработке обычными базами данных и известными алгоритмами. Необходимы новые технологии Big Data и вычислительных сетей, которые расширят возможности более быстрой обработки и анализа данных, *профилирования продуктов и людей в экономике и обществе*. Эти новые реалии требуют безотлагательных действий по обеспечению *самоорганизации и автоматизации киберфизических систем* [11].

Всё это говорит о тенденции глубинного онтологического преобразования известной нам реальности, выходящего за рамки ее контроля со стороны сознания обычного человека.

Заметим, проекты Интернета Вещей содержат в себе два возможных плана исследований. Они соответствуют и идеям, утверждающим всё более тесную связь людей и вещей в их равноценности за счет развития «разумных сред», и идеям, делающим акцент на рассмотрении материальных объектов и технологий в качестве акторов когнитивного и, в целом, социального взаимодействия [12].

Наблюдаемая сегодня тенденция поворота от субъект-объектного подхода в представлении реальности к предметному или средовому подходу находит свое выражение в обновленном призыве «Назад к вещам!».

Общий аргумент этого призыва остается тем же, что предлагала как позитивистская,

так и экзистенциально-феноменологическая традиция: указание на необходимость борьбы с метафизическими абстракциями, отдаляющими мышление от конкретной жизненной ситуации, а также на требование разрушения растущей толщи стереотипов в понимании самих вещей.

«Производство присутствия» в современной эстетике, или «новый конструктивизм» – *contra* и *pro*. Как отмечает современный философ, историк культуры, профессор Стэнфордского университета Х.У. Гумбрехт, к XX в. укрепился кризис субъектно-объектного подхода к исследованию смыслового конструирования мира человеком – кризис метафизического мировоззрения, влекущий за собой кризис репрезентации, «утраты мира», порождающий чувство, «что у нас больше нет соприкосновения с вещественным миром» [13, с. 59].

Стоит согласиться с Гумбрехтом, полагающим, что весомый вклад в усугубление этого кризиса внесла герменевтика, которая своей «толковательной практикой», сопровождающейся интеллектуальным релятивизмом, способствовала впечатлению дематериализации мира, лишения его осязаемости вместе с утратой чувства естественной телесности.

Попытки преодоления субъект-объектного кризиса в понимании реальности, предпринимаемые по-разному в искусстве XIX в. реализмом и символизмом, а в философии Ф. Ницше, З. Фрейдом и А. Бергсоном, характеризуются Гумбрехтом как безуспешные. Ошибки этих попыток проявились, во-первых, в феноменологии, утверждавшей зависимость воспринимаемого мира от конструкций (проекций) сознания человека, а во-вторых, в новой интерпретации В. Дильтеем герменевтического поля как «непосредственного переживания» при *разделении* им «наук о природе» и «наук о духе» [Там же. С. 52–53].

На наш взгляд, эти попытки всё же имели двойственный характер: они способствовали не только разъединению материального и духовно-психического миров, но и уточнению их *проблематичной* связи.

В целом, согласно Гумбрехту, следует выделить две основные тенденции в попытке преодоления кризиса субъект-объектной позиции в понимании реальности – это *герменевтика* и

критика пансубъективизма. Первую он характеризует отрицательно, вторую – положительно.

Продуктивность позиции *тотальной герменевтики* в ее применении Дж. Ваттимо, полагающего, что толкование является единственно возможным способом смыслового освоения человеком мира, притом что само толкование несет с собой непременно конфликт интерпретаций, вызывает со стороны Гумбрехта сомнение. Всё дело в том, что эта позиция с необходимостью приводит нас к выводу: мир в конечном счете превращается в пустоту.

Действительно продуктивной Гумбрехт считает позицию *критики пансубъективизма*, которую представляют такие исследователи, как А. Арто, М. Хайдеггер, Ж.-Л. Нанси, У. Эко, Д. Батлер. С этими учеными, и прежде всего с Хайдеггером, он солидарен в том, что неполнота человеческого бытия в культуре связана с недооценкой в ней «присутствия», определяемого *телесно-чувственным* началом как частью мира и «*энергией темпоральности*» (становлением). Все предметы, находящиеся в «присутствии», определяются в качестве «вещественного мира» [Там же. С. 10]. При этом Гумбрехт критически относится к субъективной произвольности «нового конструктивизма», поскольку ставка на неограниченность трансформаций мира посредством новых технологий с необходимостью ведет к дематериализации реальности.

Заметим, что «производство присутствия» Гумбрехт определяет как «всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие „присутствующих“ объектов на человеческие тела» [Там же]. Но ведь эффект «присутствия» может производиться посредством технологий современных медиа и в актах симуляции. Учитывая это, Гумбрехт находит средство сопротивления симуляции «присутствия» в виде эстетического переживания, для которого свойственно непредсказуемое чувство интенсивности, сопровождаемое чувством телесной причастности к мировой гармонии. Эстетическое переживание он связывает с «эпифаниями», которые не прагматичны и «которые хотя бы на некоторый момент заставляют нас мечтать, стремиться и даже, быть может, вспоминать телом и сознанием, как хорошо было бы жить заодно с вещественным миром» [Там же. С. 120].

Можно ли принять позицию, согласно которой искусство в его отстраненности от тех-

нологий конструктивизма, от прагматичного взгляда на мир — лучшая панацея от попадания в сети технологий манипуляции представлением о смысле вещей со стороны масс-медиа? Современный российский искусствовед, художник С. Огурцов вполне обоснованно дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Как и Гумбрехт, Огурцов в работе «Назад к вещам!» [14] связывает возможность приближения к самой реальности с «присутствием», определяемым через свойства телесности и темпоральности человеческой жизни. Однако в противовес Гумбрехту, делая акцент на социальный контекст эстетиза, следуя идее «эстетики взаимодействия», он подчеркивает обоюдную связь эстетического опыта и полезности, труда. Тем самым, в отличие от Гумбрехта, рассматривая понятие «присутствие» в коммуникативном аспекте, через призму идеи «эстетики взаимодействия», он предлагает иную трактовку роли эстетики, искусства в приближении к реальности в условиях всеохватной власти современных медиа.

Производство смыслов вещей, отмечает С. Огурцов, определяется не столько визуальными качествами, сколько эффектами присутствия. И эти эффекты могут появляться лишь во времени, вписываемом в телесность действующего, работающего человека, притом что длительность работы и ее технологий включена в саму работу. Роль объекта искусства как зримого образа — это лишь роль интерфейса ситуации, которая разворачивается во времени. Сама материальность объекта искусства, тесно связанная с физическим, ручным трудом художника по ее формированию, с необходимостью предполагает введение в производство времени в виде длительности труда, включая технологии.

Нынешние технологии коммуникации, отмечает Огурцов, имеют дело «прежде всего именно с темпоральностями: порвав с презумпцией линейности, разделяя и объединяя, сокращая и удлиняя время» [Там же]. *При этом современное искусство, влеченное в социально-коммуникативную реальность, отстаёт от властных возможностей масс-медиа.* Отрыв от масс-медиа, противопоставление им лишь усугубят проблему. Преодоление этой отсталости предполагает новое соединение ремесленничества (ручного труда), высоких техно-

логий и когнитивной составляющей искусства. В качестве продуктивного примера приводится практика отдельных художников, которые, в частности, демонстрируют «свободное от иронии использование „традиционных” медиа» с особой проработкой материальной стороны формы и с акцентом на тот труд, который был вложен автором в произведение. Так, детальная графика С. Лоцманова свидетельствует о длительности труда. Тщательно выписанные им ровные линии с обманым намеком на их машинный характер как бы стирают грань между ручным письмом и компьютерной печатью.

Кроме отставания от возможностей современных масс-медиа в плане учета темпоральности взаимодействия человека с вещами, непосредственной работе над физическим воплощением произведений, близким к самим вещам, мешает «неразвитость когнитивной арт-логистики (разрывы в цепи идея — материал — технология — финансирование — объект)» [Там же]. Речь идет о том, что материальность художественного произведения в новом подходе к ней является исходной базой для анализа идей. В традиционном варианте, напротив, идея была отправным моментом в анализе материальности.

Причиной такого поворота во взгляде «нового искусства» на материальность является изменение самого характера знания в связи с тем, что оно теперь понимается как ориентированное прежде всего на конкретные ситуации. Кроме того, имеется в виду, что новые знания, часто неотделимые от технологий, нельзя просто отделить от вещей как материала, посредством которого выполнены эти знания и на котором они записаны. Всё это с позиции «нового искусства» приводит к пониманию измерения реальности, отличающемуся от знания и языка в традиционной трактовке.

Свой вариант «возвращения к вещам» в изобразительном искусстве предлагают представители так называемого археоавангарда прерафаэлитов (Д.Г. Россетти, Дж.Э. Миллес, Э. Бёрн-Джонс и др.). Археоавангард прерафаэлитов получил свое название в связи с тем, что его представители акцентируют необходимость возврата от того, что было характерно для живописи после Рафаэля, к прошлому, к архе, поскольку в академической живописи они на-

ходят недостаток искренности, простоты из-за чрезмерной массы условностей. Как отмечает Ф.И. Гиренок, «соединение авангарда и архе прерафаэлитов осуществилось через растворение внутреннего тела во внешнем» [15, с. 125].

Анализируя написанную по мотивам знаменитой трагедии Шекспира «Гамлет» картину Дж. Миллеса «Офелия», на которой предполагается запечатление в живописном месте случайной смерти Офелии, глубоко переживавшей смерть отца, Гиренок отмечает, что на картине мы видим вещный мир: свежую зелень травы, листьев, прекрасные розы, лилии, фиалки, платье из парчи. Но при этом отсутствует визуализация безумно горящей Офелии, сама случайность смерти. Картина «Офелия» указывает на следующий факт: «то, что мы видим, не совпадает с тем, что сказано, что визуальное – не иллюстрация к тексту, а калитка, которая ведет к изображению несказуемого...» [Там же. С. 128].

Здесь прослеживается та же мысль, которую высказывал и С. Огурцов в вышеупомянутой работе «Назад к вещам»: с позиции «нового искусства» понимание измерения реальности требует изменения понимания *визуального*, самого *знания*, а также *транслирующего его языка* в традиционной трактовке. Заметим также, что феномен фетишизма, характерный для архаичных обществ и востребованный сегодня некоторыми видами «нового искусства», как и современной средой масс-медиа, – это не просто наивный пережиток прошлого и не просто фиксация недостатка искренности, простоты (из-за чрезмерной массы условностей). Феномен фетишизма – это один из антропомерных, наиболее выразительных способов представления наглядности невидимого [16], в котором предельно сходятся стороны субъектно-объектного отношения.

Подчеркнем: нам представляется интересной и продуктивной позиция тех представителей современной эстетики, которые считают, что современное искусство, безоговорочно вплетенное в социально-коммуникативную реальность, не должно отставать от властных возможностей масс-медиа, приобретаемых благодаря новейшим технологиям. И это необходимо как в целях сопротивления манипуляции сознанием, так и ради прорыва через условности к самой реальности.

Феномен вещей в трактовке современной философии науки (Дж. Ло, С. Фуллер, Б. Латур).

Анализ предметного мира реальности, осуществляемый в русле философии науки и философии сознания, познания, в когнитивистике с использованием призыва «Назад к вещам!», во многом проводится в направлении таких набирающих популярность направлений мысли, как экстернализм, энактивизм, ситуативный, «средовый» подход.

В постструктуралистской версии научной трактовки мира вещей, мира объектов предлагается исходить из положения о существовании не универсальной для них глубинной структуры, а множества различных структур, находящихся в процессе становления, складывающихся в разных социальных контекстах. Соответственно эти разные структуры производят и разные типы объектов, и разные знания о них. Дж. Ло выделяет две широкие стратегии в формировании знаний об объектах, отталкиваясь от анализа телесности, предпринятого М. Фуко.

1) С этой позиции, в классической эпистеме тело представляет собой как бы арену, на которой неявно разворачиваются действия символической власти. И эти действия направлены на жесткое (в том числе с применением пыток) однозначное форматирование тела.

2) В современной эпистеме тело становится самодисциплинированной машиной, способной функционально встроить себя в сеть продуктивных, упорядоченных отношений.

Акторно-сетевой подход к объектам делает акцент на значимости материальных отношений. Это значит, что тела, речь, жесты, материалы – всё уравнивается и понимается как проявление стратегической логики, при которой всё существует *только через отношения, участвуя в их создании* [17]. Глобальная сетевая коммуникация, в которой тела и вещи оказываются равноправными участниками, здесь является определяющим условием идентификации и тех и других.

Анализируя в работе «Философия науки и ее недоразумения (discontents)» подобный подход к миру вещей, миру объектов и, в целом, натуралистический поворот в науке, С. Фуллер замечает: «Натуралистический поворот позволяет вынести на свет разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть» [18, с. 207]. В другой своей работе [19] он развернуто связывает это «что

должно быть» в понимании «натуралистов» с их представлением о будущем человека и человечества в виде пост- и трансгуманизма, ставящего знак равенства между людьми, животными, природными и техническими объектами. На наш взгляд, позиция трансгуманизма, правомерно отмечающая тенденцию развития современной инфраструктуры общества в сторону усиления позиции киберфизических систем и, в целом, усложнения за счет совершенствования конвергентных технологий, всё же уделяет недостаточно внимания страховке от рисков для человека при уравнении его с другими живыми существами, природными и техническими объектами.

В книге «Философия науки и ее недоразумения (discontents)» Фуллер критически показывает связь эпистемологии натуралистического онтологизма (в лице, например, Р. Курцвейля и Б. Латура) с ориентацией на приоритет *эмпирического* подхода по отношению к *нормативно-эпистемологическому*. Последний, как отмечает Фуллер, с позиции «натуралистов» неоправданно рассматривается как ограниченный, неправомерно абстрактный (пользующийся априорными понятиями), необъективный (защищающий интересы отдельных социальных групп).

Стоит согласиться с Фуллером в том, что все дисциплины являются глубинно нормативными, просто «не все это осознают».

Однако заметим: не стоит сбрасывать со счетов в проектах эпистемологии натуралистического онтологизма, например Б. Латура, продуктивные идеи. Одна из них – выявление неоднозначности «наивной веры в авторитеты» людей, социальных норм при идентификации вещей. Латур, выступая против «наивной веры в авторитеты», отмечает двойственность такой веры. В отношении своих критиков он заявляет: они никак не могут понять, что критический дух умирает от передозировки неверия.

Следует также заметить, что для обретения тотальной власти масс-медиа вырабатывают свой антидот, приветствуя возможные сомнения в отношении критики достоверности формируемой ими картины реальности и доводя эти сомнения до всеохватывающего релятивизма.

Б. Латур справедливо пишет, что в той же мере, в какой миниатюризация компьютеров способствовала их общедоступности, массовое

производство «мини-моделей» критического духа привело к удешевлению сомнения, так что для любого появилась возможность подвергать сомнению, казалось бы, самую устойчивую достоверность и «деконструировать» самые прочные сооружения [20]. «Наивное неверие в авторитеты» оборачивается массовой «теорией заговора» и «критическим варварством». Деконструктивисты бьются с наивностью, непосредственностью, «естественностью», отмечает Латур, но в современных условиях следует больше работать не над разоблачением веры, а над кропотливым производством доверия к «достоверности».

Отметим, что в условиях тенденции масс-медиа к всеохватывающей власти в формировании представлений о реальности производство доверия в отношении достоверности знания о предметном мире требует большого внимания к тонкой грани между представлением реальности за счет сознательно совершенствующихся, ангажированных технологий и стихией ее формирования, складывающейся в результате широких коммуникативных связей. На наш взгляд, обнаружить эту тонкую грань можно, не упуская за формой, способом представления реальности ее содержания. И здесь перспективной оказывается позиция, не сводящая форму символа полностью к форме знака. Следует иметь в виду особую коммуникативную действенность символа. И знак, и символ участвуют в коммуникации людей с привлечением вечно мира. Но символ в своей культурно-художественной визуальности не просто представляет (замещает) предметы и события, но и, как отмечают авторы «Символа и сознания» [21], воспроизводит сознательные усилия, непосредственно пробуждая интуиции культурной формы. Символ ближе к вещам по сравнению со знаком. Это особенно отмечают многие представители «нового искусства». Иная позиция характеризуется призывом к обнаружению предсимволического «присутствия» в самих символических формах, поскольку последние якобы только и занимаются его искажением, нейтрализацией и вытеснением [22, 23].

По нашему мнению, эта позиция неправомерно сводит символ полностью к знаковой системе. В символе уже сам способ употребления, в отличие от употребления знака, совпадает с *фактом конкретного* употребления.

Последнее – важное условие избежать влияния технологий, программирующих сознание с использованием универсальности знака, лишь симулирующего свою конкретность через имитацию символа.

В символах культуры, и особенно в символах искусства, на наш взгляд, неистребимо сохраняются фильтры, осуществляющие селекцию сообщений медиа, какими бы изощренными ни были технологии манипуляции ими, призванные служить коммерческим, идеологическим, политическим интересам.

Природу символов культуры следует разъяснять всеми средствами просвещения – в дошкольных и школьных учреждениях, в цифровых сетях массовой коммуникации.

Символизация как условие сочетания самопознания (самоконтроля) и доверия наивно-непосредственному восприятию вещей. Символизация (процессуальное существование культуры посредством символов) осуществляется через систему инвариантных действий в освоении человеком предметной содержательности значения, пропущенной через призму его смысловой ценности для своего внутреннего мира. Благодаря символизации запускается процесс связи интеллектуального знания и эмоционального переживания. В этом плане символизация – особый процесс когнитивно-эмоциональной активности, в которой тесно взаимосвязаны обобщение и воплощение. При этом обобщение в его связи с *воплощением* составляют важнейшее условие для саморегуляции и самопознания, обеспечивая эмоциональному поведению смысл и нормативную схему поведения. Тем самым символизация, активизируя особые персональные ресурсы, эмоциональное отношение к воспринимаемому, включает человека в ситуацию, способствуя ее пере- и проживанию.

Символизация – важное условие коммуникации. Благодаря особой составляющей семиозиса когнитивно-эмоционального процесса – «эмпатическому» знаку – она предполагает возможность детальной проработки соотношения самого переживания к предмету и другим людям с отбором и определенной предметной формы переживания, и способа его обозначения, и его вида.

Как важная составляющая эстетического восприятия мира, символизация специфиче-

чески овеществляет систему идей, отношений, ценностей, практик, причем так, чтобы: 1) снабдить людей адекватной ориентацией в материальном мире, 2) активизировать процесс самопознания, 3) способствовать продуктивной коммуникации членов сообщества, обеспечивая их кодом как наименования, классификации всего воспринимаемого, так и самой возможности социального обмена.

Благодаря когнитивно-эмоциональным механизмам символизации в восприятии мира, осуществляемой через коммуникативные взаимоотношения людей, происходит понимание вещей на бытийном уровне в особой (условной) форме.

Заключение

Характерные черты медиареальности: относительная самодостаточность и самовоспроизводство; конструируемость со стороны социума, не лишенная стихийности; влияние на человека (в виде форматирования его сознания и действия) с обратной его реакцией (в виде их перестройки); изменчивость; мозаичность; ремифологизация, сопровождаемая демифологизацией; размытость границы между субъектом и объектом («вовлеченность субъекта»); остенсивность и зримость слова, что создает почву для связи повседневного и художественно-символического способов восприятия мира, – проявляют себя в мире вещей, побуждая их специфически выражать ту или иную организацию антропомерного материального мира. Вместе с тем перечисленные черты медиареальности обеспечивают базовое условие мобильной перестройки определенной организации антропомерного материального мира и трансформации представлений о мире вещей.

«Вовлеченность» человека в медиареальность должна сопровождаться философско-эстетической разработкой онтологических основ корректирующих ее технологий. Здесь мы исходим из того, что понимание измерения реальности, продуцируемой масс-медиа, должно учитывать прежде всего изменения (*в зависимости от применяемых технологий*) чувственно воспринимаемого, визуального, символического. Необходимо также учитывать, что в этой связи меняется характер знания и транслирующего его языка. И это особенно ярко проявляется в «новом искусстве», которое не чуждо миру повседневности, прагматики, конструктивизма.

Дальнейшее развитие философско-эстетического подхода к пониманию медиареальности при различении символа и знака как такового может стать основой продуктивной модели при исследовательском уточнении феномена «на-

глядности невидимого» также и в науке, рассматриваемой в социокультурном аспекте. Отметим, что особую значимость этот феномен приобретает в процессе популяризации науки в среде масс-медиа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Маклюэн М.** Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2003.
2. **Фортунагов А.Н.** Медиареальность: в плену техногуманизма: моногр. Нижегородский гос. ун-т. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2009. 212 с.
3. **Савчук В.В.** Медиареальность – новая среда жизни // Культура и технологии. 2017. Т. 2, вып. 1. С. 1–5. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i1/93> (дата обращения: 03.02.2019).
4. **Мейер К., Дэвис С.** Живая организация. М.: Добрая книга, 2007. 368 с.
5. **Кочеткова А.И.** Основы управления в условиях хаоса (неопределенности). М.: Рид Групп, 2012. 624 с.
6. **Клягин С.В.** Медиа (есть) медиа: об актуальных трактовках феномена медиа // Коммуникативные стратегии информационного об-ва: тр. X Междунар. науч.-теор. конф. (26–27 октября 2018 г.). СПб.: Политех-Пресс, 2018. С. 93–94.
7. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М., 1995.
8. **Гоффман И.** Закрепление форм деятельности // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 54–117.
9. **Латур Б.** Об интеробъективности // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
10. **Грякалов А.А.** «Монодрамы вещей» и субъективность: пределы забвений и незабвенное // *Mixtura verborum* 2012: сила простых вещей-2: филос. ежегодник / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной акад., 2013. С. 3–28.
11. **Mainzer K.** Die Berechnung der Welt: Von der Weltformel zu Big Data. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2014. 350 s.
12. **Латур Б.** Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–364.
13. **Гумбрехт Х.У.** Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006.
14. **Огурцов С.** Назад к вещам! URL: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/back-to-things/#name4> (дата обращения: 03.08.2018).
15. **Гиренко Ф.И.** Эстетика катастрофы // Философия хозяйства. 2013. № 6. С. 125–129.
16. **Пигалев А.И.** Призрачная реальность культуры. Фетишизм и наглядность невидимого. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2003. 354 с.
17. **Ло Дж.** Объекты и пространства // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 223–243.
18. **Fuller S.** Philosophy of Science and Its Discontents. 2d ed. N. Y.; L.: The Guilford Press, 1993.
19. **Fuller S.** Humanity 2.0: What It Means to Be Human Past, Present and Future. Basingstoke (UK), Palgrave Macmillan, 2011.
20. **Латур Б.** Надежды конструктивизма // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
21. **Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.** Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Языки русской культуры, 1999.
22. **Беньямин В.** Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / пер. с нем. И. Болдырева и др.; сост. и послесл. И. Чубарова, И. Болдырева. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 288 с.
23. **Laruelle F.** Le Concept de Non-Photographie. Falmouth, UK. N. Y., 2011.

Мурейко Лариса Валериановна
E-mail: lamureiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.02.2019.

REFERENCES

- [1] **Maklyuen M.**, Ponimaniye media: vneshneye rasshireniye cheloveka [Understanding media: external expansion person], Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., Moscow, Zhukovskiy, 2003.
- [2] **Fortunatov A.N.**, Mediareal'nost': v plenu tekhnogumanizma [Mediareality: prisoner technomania, monogr.], NNGU Publ., N. Novgorod, 2009.
- [3] **Savchuk V.V.**, [Mediareality – new living environment], Kul'tura i tekhnologii, 2 (1) (2017) 1–5. Available at: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i1/93>.
- [4] **Meyer K., Devis S.**, Zhivaya organizatsiya [Living organization], Dobraya kniga, Moscow, 2007.
- [5] **Kochetkova A.I.**, Osnovy upravleniya v usloviyakh khaosa (neopredelennosti) [Fundamentals of control in chaos (uncertainty)], Rid Grupp, Moscow, 2012.
- [6] **Klyagin S.V.**, [Media there (is) media: about the actual interpretations of the phenomenon of media], in: Kommunikativnyye strategii informatsionnogo obshchestva [Communication strategies of the information society. Proc. of X the Intern. Forum], Politekh-Press, St. Petersburg, 2018, pp. 93–94.
- [7] **Baudrillard J.**, Sistema veshchey [System of things], Moscow, 1995.
- [8] **Goffman I.**, Zakrepleniye form deyatel'nosti [Consolidation activities], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 54–117.
- [9] **Latur B.**, Ob interob"ektivnosti [On interobjectivity], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 199–222.
- [10] **Gryakalov A.A.**, ["Monodrama of things" and subjectivity: limits of forgetfulness and unforgettable], Mixtura verborum' 2012: sila prostykh veshchey-2, SGA Publ., Samara, 2013, pp. 3–28.
- [11] **Mainzer K.**, Die Berechnung der Welt: Von der Weltformel zu Big Data, Verlag C.H. Beck oHG, München, 2014.
- [12] **Latur B.**, Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad «issledovaniy nauki» v obshchestvennyye nauki [When things fight back: the possible contribution of “science research” to social Sciences], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 342–364.
- [13] **Gumbrecht Kh.U.**, Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenije [Production of presence: what can not pass the value], Moscow, 2006.
- [14] **Ogurtsov S.**, [Back to things!]. Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/back-to-things/#name4>.
- [15] **Girenok F.I.**, [The aesthetics of disaster], Filo-sofiya khozyaystva, 6 (2013) 125–129.
- [16] **Pigalev A.I.**, Prizrachnaya real'nost' kultury. Fetishizm i naglyadnost' nevidimogo [The illusory reality of culture. Fetishism and visibility of the invisible], VGU Publ., Volgograd, 2003.
- [17] **Lo Dzh.**, Ob"ekty i prostranstva [Objects and spaces], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 223–243.
- [18] **Fuller S.**, Philosophy of Science and Its Discontents, 2d ed., The Guilford Press, New York, London, 1993.
- [19] **Fuller S.**, Humanity 2.0: What It Means to Be Human Past, Present and Future. Basingstoke (UK), Palgrave Maomillan, 2011.
- [20] **Latur B.**, Nadezhdy konstruktivizma [The promises of constructivism], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 365–389.
- [21] **Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M.**, Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, 1999.
- [22] **Benyamin V.**, Ucheniye o podobii. Media-esteticheskiye proizvedeniya [The doctrine of similarity. Media aesthetic works], RGGU Publ., Moscow, 2012.
- [23] **Laruelle F.**, Le Concept de Non-Photographie, Falmouth, UK. New York, 2011.

Mureyko Larisa V.

E-mail: lamureiko@gmail.com

Received 13.02.2019.

DOI: 10.18721/JHSS.10107

УДК 32:002

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ КАК НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД (на примере компании «Кембридж Аналитика»)

Н.Ю. Гришина¹, Е.Л. Болдырева¹, Е.О. Дуйсембина²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена теоретическим аспектам современных процессов, задействованных в принятии решений на мировой политической арене. Влияние Интернета и других быстро развивающихся информационных технологий на политическую ситуацию в различных странах рассмотрено на примере компании «Кембридж Аналитика». Дан хронологический анализ ситуации, возникшей в компании. Кроме того, в статье оцениваются возможные последствия вмешательства с помощью информационных технологий в процесс принятия политических решений в будущем. Методологической базой исследования явились работы Дж. Несбитта, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса, Г. Инниса, М. Маклюэна и др. Очевидно, что американская модель развития информационного общества дала серьезный сбой. На сегодняшнем этапе совершенно необходимо разработать правовую базу для устранения существующих лагун в праве. Первым соответствующий закон принял ЕС – это новый регламент по защите личных данных (GDPR). Проработанная законодательная база значительно ограничит деятельность компаний и исключит возможность массового бесконтрольного использования персональных данных пользователей социальных сетей во всем мире. Практическая значимость статьи несомненна, так как в ней на основе анализа новейшего материала продемонстрирована опасность развития подобного рода информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, Интернет, Кембридж Аналитика, Фейсбук, политическое управление, большие данные

Ссылка при цитировании: Гришина Н.Ю., Болдырева Е.Л., Дуйсембина Е.О. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решения как новый политический тренд (на примере компании «Кембридж Аналитика») // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 69–80. DOI: 10.18721/JHSS.10107

ONLINE INFLUENCE ON DECISION-MAKING PROCESS AS A NEW POLITICAL TREND: CAMBRIDGE ANALYTICA CASE

N.Yu. Grishina¹, E.L. Boldyreva¹, Y.O. Duisembina²

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The text explores theoretical foundations of the modern processes connected with decision-making in global politics. The influence the fast developing Internet

technologies have on the political situation in different countries is studied through the lens of Cambridge Analytica case. The authors of the text research and present the situation with Cambridge Analytica in a chronological order. Possible long-term influence of the situation is presented along with the predictions related to the online meddling with decision-making processes in politics in the future. The methodology is based on the works of Nesbitt, Toffler, Hambers, Innis G., McLuhan M. and others. The American model of information society development is seriously disrupted with the Cambridge Analytica company case. Legislators of many countries and international organizations such as the EU and others are currently trying to eliminate deficiency in law with GDPR. A well-developed legislative framework will significantly limit the activities of companies and exclude the possibility of mass uncontrolled use of personal data of social networks, etc. worldwide. The practical significance is evident. It is based on the analysis of the latest material and demonstrates the danger of the development of this kind of information technologies and ways to counterwork them.

Keywords: information technologies, the Internet, Cambridge Analytica, Facebook, political management, big data

Citation: N.Yu. Grishina, E.L. Boldyreva, Y.O. Duisembina, Online influence on decision-making process as a new political trend: Cambridge Analytica case, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 69–80. DOI: 10.18721/JHSS.10107

Введение

На современном этапе развития мирового сообщества, наверное, ни у кого уже не вызывает сомнения тот факт, что «мир стоит на пороге фундаментальных изменений функционирования общества, Интернет, как средство общения, меняет его, но государства не сдаются»¹. Политическая наука сегодня достаточно оперативно реагирует на происходящие изменения, как в своей практической (социальные сети, интерактивность), так и в теоретической версии (теория информационного общества) [1]. Повсеместное распространение Интернета и связанных с ним различных информационных технологий идет рекордно быстрыми темпами, поэтому многие явления в этой области остаются недостаточно изученными. К ним следует отнести всеохватное использование персональных данных пользователей социальных сетей компаниями «Фейсбук», «Кембридж Аналитика» и др.

Рассмотрим это сравнительно недавно возникшее явление, а также этичность неафи-

шируемого и бесконтрольного использования персональных данных пользователей, проанализируем последовавшие за вскрывшимися обстоятельствами события, приведшие к банкротству компанию «Кембридж Аналитика», ужесточению контроля за использованием персональных данных пользователей и принятию нового регламента ЕС по защите личных данных – GDPR (General Data Protection Regulation) [2].

Под персональными данными следует понимать любую уникальную информацию, прямо или косвенно относящуюся к физическому лицу как субъекту персональных данных. Согласно Директиве Евросоюза 1995 г., это любая информация, позволяющая идентифицировать индивида².

Анализ методологии исследования влияния интернет-технологий на процесс принятия решения обнаруживает существование таких теоретических подходов, как теория информационного общества, функционализм, структу-

¹Интервью с председателем Пиратской партии Исландии. URL: <https://piratemedias.net/intervyu-predsedatelem-piratskoy-partii-islantii>.

²Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=49528#05660673397001759>.

рализм, теория публичной сферы Ю. Хабермаса и др.

Среди упомянутых исследований в данной области выделим концепцию информационного общества (Дж. Несбитт [3], Э. Тоффлер [4], Ё. Масуда [5] и др.), сторонники которой считают, что современное общество характеризуется ростом значения процессов, направленных на производство, обмен и потребление информации. Термин «информационное общество» был введен в научный оборот еще в 1962 г. американским ученым Ф. Махлупом в работе «Производство и распространение знаний в США» [6].

Большой вклад в развитие теории информационного общества внес М. Кастельс. В книге «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» [7] исследователь писал о том, что потенциал Интернета обеспечивает новые структуры социальной коммуникации неравномерно, так как различные группы его пользователей обладают разной степенью приобщенности к информации. С одной стороны, это «малое меньшинство жителей электронной деревни», «первопоселенцев электронного пограничья», с другой — «бродячая толпа», для которой «вылазки» в различные сети достаточно случайны. И если для первых специфичен язык компьютерной коммуникации как нового средства, предполагающего неформальность, спонтанность и анонимность, то для вторых, к примеру, e-mail представляет собой реванш письменности и возвращение к типографскому мышлению [8].

В этом же ключе высказывался французский социолог А. Турен. В книге «Возвращение человека действующего» он утверждает, что информация всё менее определяется как обмен и всё более как эмиссия — можно было бы сказать: реклама или пропаганда, если бы эти слова не имели слишком пренебрежительного смысла. Информация оказывается всё более связанной с решением, т. е. с властью, со способностью программировать, а это связано с возрастающими мощью и ценой средств коммуникации [9].

Нельзя обойти вниманием и Торонтскую школу. Представители ее (Г. Иннис, М. Маклюэн и др.) считают средства коммуникации главными элементами социальной коммуникации. Маклюэн [10] убедительно доказывает,

что средства коммуникации некоторым видам политической коммуникации способствуют, а другим, наоборот, препятствуют, поэтому появление новых средств массовой коммуникации кардинально влияет на протекание политических процессов и соответственно приводит к изменению политической системы той или иной страны.

Исследование Е. Болдыревой и Н. Гришиной [11] посвящено влиянию Интернета на трансформацию политической системы отдельной страны. Влияние интернет-технологий, в частности социальных сетей, на политическую сферу в Российской Федерации рассмотрено в статье Е. Дуйсембиной [12].

Несомненно важной представляется связываемая с именем К. Линча теория больших данных или «big data», возникшая в начале 2000-х гг., когда появилась технологическая возможность оперативной обработки огромных массивов информации. Основные термины, используемые в ней, — это объем, скорость и возможности (обработки любого массива структурированных и неструктурированных данных), или три V (volume, velocity, variety) [13].

Взаимодействию и взаимовлиянию больших данных, а также их автоматическому сбору при проведении избирательных кампаний (на примере президентской кампании 2012 г. в США) посвящена работа С. Судахара, Г.А. Велтри и Н. Кристианини [14], где доказывается, что большие данные способны влиять на понимание того, как развиваются социальные процессы в социальных сетях и вне их.

Исследователь Ю. Минкин [15] считает, что если под термином «искусственный интеллект» понимать технологии обработки данных, то сейчас очень большие возможности для получения данных. Производится таргетирование рекламы. Условно, есть информация о каждом жителе, каждом избирателе. Можно понять, что его волнует, интересует, и на этом может строиться избирательная кампания. Политика — это всего лишь одна из сфер применения этих технологий.

Данному феномену посвящена и работа американских исследователей Дж. Бисби и Дж. Ларссон, которые сравнивают характер и последствия связей в социальных сетях, используя данные, собранные с помощью новой технологии поиска сети в экспериментальной

обстановке. Ученые приходят к выводу, что онлайн-данные можно использовать в реальной среде с помощью трех тестов: k-кратной кросс-валидации, измеряя среднеквадратическую ошибку; средней абсолютной ошибки и байесовского информационного критерия. Бисби и Ларссон уверены, что социальные сети состоят из сходных по своему характеру и функциональным возможностям отношений из реального мира [16].

Постановка проблемы и цели исследования

Очевидно, что Интернет – это только одна из ступеней развития электронных средств коммуникации и хранения информации. Коммуникационные средства, в свою очередь, делятся на две большие группы: естественные (невербальные и вербальные) и искусственные (документальные и электронные). Интернет относится к разряду искусственных и электронных, к которым принадлежат также телевидение и радио... Основная причина появления искусственных каналов коммуникации – растущая потребность людей в общении в условиях дифференцирующегося общества [17, с. 39]. Интернет заменил модель общения людей со СМИ с «один ко многим» на «многие ко многим», сделал это общение интерактивным, оперативным, позволил каждому конкретному человеку самому создавать информационный контент и участвовать в обсуждении контента любых других участников общения. По мнению Т. О'Райли, использование интернет-коммуникаций дает возможность привлекать к деятельности «коллективный разум», «умную толпу», что позволяет принимать беспроектные решения [18].

О том, что в результате повсеместного распространения Интернета, превращения его в обыденное явление возможно возвращение к прямой демократии, кибердемократии или информационной демократии, писали Тоффлер [4], Шнайдер [19], Гроссман [20] и др. Они пытались определить место демократии в современном информационном обществе и спрогнозировать направление ее развития в процессе использования всех преимуществ развитого информационного общества.

Однако последние события демонстрируют, скорее, обратный процесс. Становится очевидным, что компаниям недостаточно просто ис-

пользовать контекстную рекламу, они для этих целей хотят знать о пользователях всё: маршруты передвижения, поисковые запросы, политические предпочтения. Несомненно, опция возможного влияния на формирование политических предпочтений не могла остаться незамеченной как политическими партиями, так и целыми государствами. По словам Дж. Барлоу, «кажется, что мы сейчас с вами наблюдаем, возможно, одну из последних, предсмертных попыток устаревших государственных моделей, устаревших государств подчинить себе информационное поле» [21].

Идеологи и просто сторонники таких идеологий, как хакерство, киберпанк и сетевое либертарианство (под ним нужно понимать «неформальную, виртуально установившуюся в киберпространстве глобальной сети идеологию, лейтмотивом которой является максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков» [22]), предупреждали о возможности подобного развития событий еще в начале 2000-х гг. Основным программным документом новой идеологии можно считать «Декларацию независимости киберпространства» Дж. Барлоу [23]. Все три эти идеологии во главу угла ставят свободу выражения мысли и автономность сетевого пространства от государства и его аппарата принуждения. Пиратские партии – носители основных элементов этих трех идеологий – постепенно приобретают всё большую популярность в различных странах (Исландии, Чехии, Швеции и др.).

По словам Ф. Закарии, «сегодняшняя цифровая экономика опирается на три главные технологии: компьютерную микросхему, Интернет и Джи-пи-эс (GPS). В значительной степени все они обязаны своим существованием государству. Две последние были придуманы, принадлежали и находились под контролем правительства, прежде чем стали доступны частному сектору. Многие не понимают, что GPS – глобальная система размещения систем спутников и центров управления, которая так важна для современной экономики, – до сих пор управляется ВВС США» [24]. Если можно надеяться, что демократические страны смогут поставить процесс бесконтрольного использования персональных данных под контроль, то результаты использования данных технологий авторитар-

ными режимами (Китай, Индия, Северная Корея и т. п.) вызывают справедливое опасение.

Тот же Закария пишет, что у Индии есть своя, полностью государственная биометрическая система идентификации «Аадхаар» (Aadhaar), включающая почти всех жителей этой страны с населением в 1,3 млрд человек. Она вполне может стать мировым новатором в сфере прав индивидуальных данных. Но, с другой стороны, вряд ли что-то сможет помешать правительству Индии при необходимости использовать данную технологию в собственных целях.

В мае 2018 г. Евросоюз серьезно занялся проблемой бесконтрольного использования больших объемов персональных данных пользователей социальных сетей (и не только их). На смену явно устаревшей Директиве Европейского парламента и Совета Евросоюза 1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных»³ пришел новый регламент ЕС по защите личных данных – GDPR (General Data Protection Regulation). Под его действие обязательно попадают энергетические и финансовые компании, операторы связи и сервисы бронирования, интернет-магазины и социальные сети, т. е. все компании, имеющие отношения с гражданами стран ЕС и обрабатывающие их персональные данные. По словам А. Балашова, GDPR теперь касается не только собранных персональных данных, но и мониторинга поведенческой активности субъекта данных (например, профилей в социальных сетях, геолокации и т. д.) для таргетирования и персонализации рекламы. Кроме того, с 2018 г. к личным данным пользователя отнесены IP-адреса, а также разделены понятия контролера данных (data controller) и процессора данных (data processor). Первый как руководитель процесса несет большую ответственность, чем второй как исполнитель (облачное хранилище, программа обработки) [25].

В любом случае ситуация с бесконтрольным использованием персональных данных пользователей социальных сетей (и не только) для достижения политических целей тех или иных лиц или компаний является новой и недостаточно изученной. Попытаемся проанализировать происходящие события и сделать некоторые теоретические выводы.

Методология

Методология нашего исследования основывается на теории технологического детерминизма, в соответствии с которой развитие общества определяется развитием техники и технологии.

Результаты исследования

Перейдем непосредственно к анализу заявленного в названии статьи кейса – деятельности компании «Кембридж Аналитика» (далее – Cambridge Analytica) как одному из самых ярких примеров использования персональных данных в реализации политической стратегии предвыборной кампании.

Cambridge Analytica – это аналитическая компания, деятельность которой описана на ее официальном веб-сайте как комбинация прогностической аналитики, поведенческих наук и рекламных технологий, основанных на сборе данных. Эта комбинация направлена на построение целевой аудитории и использование полученной информации для убеждения и мотивации к действию [26].

Первые публичные упоминания о Cambridge Analytica относятся к началу 2015 г.: в прессе сообщалось, что она была привлечена к проведению предвыборной кампании Теда Круза, а позднее, в декабре того же года, появилась информация об использовании этой компанией персональных данных пользователей сети «Фейсбук» (далее – Facebook) [27]. По сообщениям СМИ, материнская компания Cambridge Analytica – Strategic Communications Laboratories (SCL) вместе с Global Science Research (GSR) работала над созданием базы данных пользователей Facebook. Руководил работой А. Коган, основатель GSR. Его деятельность основывалась на использовании программы Amazon Mechanical Turk или MTurk – краудсорсингового сайта, где пользователям предлагалась монотонная и низкооплачиваемая работа. Коган предлагал им пройти онлайн-исследование и получить за это вознаграждение 1-2\$. При этом запрашивался доступ к Facebook-профайлу пользователя, а затем уже появлялась возможность получить информацию и об аккаунтах его «друзей». Такая техника (она называется

³ Directive 95/46/EC of the European Parliament.

«seeding») эффективна, так как через одного пользователя можно было получить доступ к профайлам огромной группы людей (по информации за 2014 г., каждый пользователь в среднем имел сеть из 340 «друзей»). Информация о местоположении и интересах доступных пользователей собиралась, а затем анализировалась по шкале «Большой пятерки» – диспозициональной модели личности человека [28]. Исходя из подобного анализа, можно было понять предрасположенность человека к выражению таких черт, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту, а также противоположных им. Компания «Амазон» после многочисленных жалоб заблокировала доступ GSR к MTurk.

На тот момент с Cambridge Analytica были связаны два кандидата – Тед Круз и Бен Карсон. Файлы Federal Election Commission показали, что Cambridge Analytica получила за кампанию Круза как минимум 750 тыс. долларов, а за кампанию Карсона – 220 тыс. долларов [27]. Озабоченный этой информацией, Facebook сообщил о проведении тщательного расследования и потребовал у Cambridge Analytica удалить все данные, полученные из Facebook. Позднее представитель Facebook выступил с сообщением о том, что «их расследование не привело к нахождению следов какой-либо незаконной деятельности» [29]. В 2017 г. появились сообщения о том, что GSR владеет информацией о 30 млн пользователей Facebook, полученной через другие информационные источники [Там же]. 16 марта 2018 г. Facebook опубликовал заявление, где сообщалось, что, несмотря на предоставленную Cambridge Analytica информацию, не всё было удалено и что Коган и Уайли (сотрудник Cambridge Analytica, который позднее предоставил всю информацию об этой компании прессе) отстранены от деятельности на Facebook до окончания расследования [30].

18 марта 2018 г. в газете «Нью-Йорк таймс» вышла статья, рассказывающая о масштабе сбора данных Cambridge Analytica [31]. Расследование показало, что эта компания располагала данными о 50 млн пользователей, и это самая большая утечка информации за всю историю Facebook (хотя правомерность применения термина «утечка информации» широко обсуждается). Кроме того, стало известно, что

Cambridge Analytica до сих пор имела доступ ко всей этой информации. Facebook отреагировал на статью еще одним заявлением, в котором говорилось, что «утечка информации не является верным обозначением ситуации, так как все пользователи предоставили свою информацию добровольно – никто не завладел их паролями и личной информацией незаконно» [30].

Деятельность Cambridge Analytica распространяется не только на США. В настоящее время проводится расследование о ее причастности к Brexit, а также к ситуации в России и на Украине [32]. Эдвард Сноуден высказался по данному вопросу и отметил, что «бизнес, который раньше назывался „надзорными компаниями“, провел ребрендинг и теперь называется „социальные сети“» [33]. События, связанные с Cambridge Analytica, привели к небывалому падению стоимости акций Facebook [34] и масштабной негативной реакции со стороны не только пользователей данной социальной сети, но и всего мирового сообщества.

Ситуация обострилась, когда Channel 4 News опубликовали отрывки записи, сделанной с помощью скрытой камеры, – переговоры и телефонные звонки А. Никса, исполнительного директора Cambridge Analytica, и других сотрудников компании [35]. Важно понимать, что представленные материалы не являются абсолютно достоверной информацией, однако они создают общее впечатление о влиянии Cambridge Analytica и других подобных аналитических компаний на политическую сферу, в особенности на онлайн-политику. Отметим основные моменты, о которых упоминали представители Cambridge Analytica:

- деятельность Cambridge Analytica распространяется не только на США, но и на страны Африки, Мексику, Малайзию, а в скором времени в этот перечень войдут Бразилия, Китай, Австралия;

- создание целевой аудитории во многом связано с применением психологии – типов восприятия информации, а также с манипулированием надеждами и страхами людей; предвыборные кампании должны быть основаны не на фактах, а на эмоциях, что является более эффективным стимулом;

- Cambridge Analytica связана с выборами 2017 г. в Кении (участвовала в создании большинства элементов предвыборной кампании,

дважды проводила ее ребрендинг, а также исследования – количество респондентов более 50 тыс. человек);

- в одном из отрывков записи телефонных переговоров Никс называет Cambridge Analytica «самой крупной и влиятельной компанией по политическому консультированию в мире, с наиболее внушительными результатами».

После опубликования записи Cambridge Analytica сделала заявление, в котором утверждалось, что она «не поддерживает и не задействована в провокациях, взяточничестве и т. д.» [36]. Анализируя материалы подобного рода, всегда важно понимать, что «обличающая» информация предоставляется аудитории, как правило, не в полном объеме, что часто ведет к массовому предвзятому отношению, которое нередко направляется медиа в нужное русло и вызывает серьезные последствия, в данном случае – отстранение от должности исполнительного директора компании А. Никса [37].

Хотя реакция на ситуацию с Cambridge Analytica и Facebook со стороны конгресса и парламента США остается достаточно нейтральной: Федеральная торговая комиссия проводит свое расследование [38], реакция правительства Великобритании оказалась негативной. В то время как Марк Цукерберг, глава Facebook, отказался лично отправиться в Великобританию для разъяснения обстоятельств случившегося [39], британские законодатели уже давно называют Facebook «разведывательной операцией», в ходе которой сама компания находится в «абьюзивных отношениях» со своими пользователями [40]. По закону в Британии иностранные акторы не имеют права оплачивать политическую рекламу, и, принимая за нее плату, Facebook, по мнению И. Лукаса, представителя Лейбористской партии, «содействует незаконному акту». Он считает, что проблема во многом состоит в том, что Facebook отказывается предоставлять какую-либо конкретную информацию о процессе и масштабах сбора персональных данных пользователей.

Сообщается, что за время расследования ситуации с Cambridge Analytica и Facebook последний потерял более 100 млрд долларов в цене [41], и сегодня экономическое положение всемирно известной социальной сети остается нестабильным. Цукерберг, пытаясь держать ситуацию под контролем, публично принес свои

извинения за случившееся [42], а также отправился в конгресс США, чтобы ответить на вопросы по сложившейся ситуации [43]. Реакция публики на его заявления оказалась неоднозначной.

Хотя ситуация с Cambridge Analytica постепенно нормализуется, каждый день появляются статьи с информацией о сборе Facebook персональных данных через различные источники, например о сборе и хранении данных о звонках и сообщениях на Android-устройствах [44]. Неизвестно, какую еще информацию о деятельности Cambridge Analytica нам предстоит узнать, однако уже сейчас можно оценить последствия скандала вокруг этой аналитической компании: 18 апреля 2018 г. Facebook анонсировал новые правила, относящиеся к защите персональных данных, в ответ на новый регламент Евросоюза [45].

На официальном сайте Cambridge Analytica 2 мая 2018 г. появилась информация, что SCL Elections Ltd и ее дочерняя компания Cambridge Analytica подали заявки на открытие производства по делу о банкротстве. В сообщении отмечалось, что «в последние месяцы Cambridge Analytica подверглась многочисленным обвинениям и, несмотря на усилия компании, была осуждена за действия, которые не только являются законными, но еще и распространены повсеместно как обычный элемент онлайн-рекламы в политике и бизнесе» [46]. Компания выражала уверенность в законности и этичности своих действий и извещала, что из-за тенденциозного освещения ситуации в СМИ она потеряла практически всех своих клиентов, а поэтому считает нецелесообразным продолжать свою работу.

Деятельность Cambridge Analytica [47] явилась решающим фактором, заставившим законодателей взять под контроль использование персональных данных пользователей. Так, 25 мая 2018 г. вступил в силу новый Общий регламент ЕС по защите личных данных (GDPR) [2]. Закон распространяется на все компании, которые обрабатывают персональные данные граждан Евросоюза, и на ситуации, когда компания не просто получает или обрабатывает личные данные, а намеренно и последовательно собирает их с целью создания профайла пользователя, принимает решения в отношении пользователя, анализирует и пред-

сказывает пользовательские предпочтения на основе этих данных.

Бывшие сотрудники Cambridge Analytica 15 июня 2018 г. основали консалтинговую компанию Data Propra, которая, по данным Associated Press [48], будет участвовать в президентской кампании Д. Трампа в 2020 г. [49]. Предлагаемые Data Propra услуги во многом совпадают со специализацией Cambridge Analytica и включают создание психологических портретов избирателей на основании данных о них, полученных из социальных сетей.

Заключение

Поскольку ситуация с Cambridge Analytica, несмотря на банкротство компании, еще далека от завершения и не имеет прецедентов, прогнозирование событий затруднительно. Очевидно, что американская модель (или модель Кремниевой долины) развития информационного общества, движимого силами рынка, дала серьезный сбой. Причина этого видится в отсутствии необходимой правовой базы. Законодатели многих стран и международные организации в настоящее время устраняют данные пробелы.

Представляется, что наиболее вероятен следующий сценарий развития событий. Проработанная законодательная база если не положит конец, то существенно ограничит деятельность компаний, подобных Cambridge Analytica, и исключит возможность массового бесконтрольного использования персональных данных пользователей социальных сетей во всем мире. Однако технология никуда не исчезнет и никто не даст гарантии, что государственные органы какой-нибудь страны не поддадутся искушению использовать ее в своих целях, если это уже не происходит в настоящий момент.

В данной статье на основе анализа новейшего материала наглядно продемонстрировано, что развитие подобного рода информационных технологий, помимо некоторых положительных моментов, может нести в себе серьезную опасность манипулирования сознанием людей (потребителей, избирателей). Принятый Евросоюзом менее года назад новый регламент по защите личных данных (GDPR) может послужить основой и примером для принятия последующих документов, способных снизить опасность описанных в статье технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Grishina N.** Analysis of Cognitive index mobilization research // Intern. relations and the Dialogue of cultures. 2012. Vol. 1. Pp. 177–184.
2. **Morris D.** Cambridge Analytica Could Be Reborn Under a Different Name – Fortune 15 May 2018. URL: <http://fortune.com/2018/05/06/cambridge-analytica-emerdata/>.
3. **Nesbitt J., Aberdeen P.** What to expect from the 90s. Megatendenstii. 2000 / English translation M., 1992.
4. **Toffler A.** Powershift, Wealth and Violence at the Edge the 21st Century. N. Y., 1990.
5. **Masuda Y.** The Information Society as Post-industrial Society. Tokyo: Institute for the Information Society Publ., 1980.
6. **Machlup F.** The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton Univ. Press, 1962.
7. **Castells M.** The Rise of the Network Society // The Information Age: Economy, Society and Culture. 1996. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.
8. **Костина А.В.** Глобальное информационное общество: противоречия развития культуры // Культурологический журн. 2010. № 2. С. 1–19.
9. **Touraine A.** Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et differents. Paris: Editions Fayard, 1997.
10. **McLuhan M., Fiore Q.** The Medium is the Message: An Inventory of Effects. N. Y., 1967.
11. **Boldyreva E., Grishina N.** Political system transformation in Iceland under the Internet influence // Internet and modern society: proc. of the Intern. conf. IMS-2017. N. Y.: ACM Press, 2017. Pp. 225–230.
12. **Дуйсембина Е.О.** Социальные сети как политический инструмент в Российской Федерации // Диалог: политика, право, экономика. 2018. № 1. С. 21–25.
13. **Min Chen, Shiwen Mao, Yin Zhang, Victor C.M. Leung.** Big Data. Related Technologies, Challenges, and Future Prospects, Springer, 2014.
14. **Sudhahar S., Veltri G.A., Cristianini N.** Automated analysis of the US presidential elections using Big Data and network analysis // Big Data & Society. 2015. Vol. 2 (1). Pp. 1–28.
15. **Artificial** intelligent will replace deputies and politologists. URL: <http://actualcomment.ru/iskusstvenny-intellekt-zamenit-deputatov-i-politologov-1801311058.html>.
16. **Bisbee J., Larson J.M.** Testing Social Science Network Theories with Online Network Data: An Evaluation of External Validity // American Political Science Rev. 2017. Vol. 111 (3). Pp. 502–521. URL: <http://nepolitolog.com/socialnetwork>.

17. **Быков И.А.** Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: моногр. СПб., 2013.
18. **O'Reilly T.** What is Web 2.0 // O'Reilly Media. 2005. Sept. 30. URL: <http://oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=1> (дата обращения: 06.06.2017).
19. **Snider J.H.** Democracy On-Line. Tomorrow's Electronic Electorate // The Futurist. 1994. Sept./Oct.
20. **Grossman L.K.** The Electronic Republic. Reshaping Democracy in the Information Age. N. Y., 1995.
21. **John Barlow** sends his warmest greetings to copyrats and SOPA followers: the lecture in Russia. URL: <https://habrahabr.ru/company/digitalocean/blog/137941/>.
22. **Emelin V.** Cyberpunk and net libertarianism. URL: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (дата обращения: 06.06.2017).
23. **Barlow J.P.** A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 06.06.2017).
24. **Zakaria F.** Facebook, Google, your reign may soon be over // Washington Post. Mar. 22, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/facebook-google-your-reign-may-soon-be-over/2018/03/22/08fd2ee8-2e07-11e8-8688-e053ba58f1e4_story.html?utm_term=.543c85e12bbc.
25. **Балашов А.** GDPR меняет правила. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gdpr-menyat-pravila/>.
26. **The CA advantage.** CA Official Website. URL: <https://ca-political.com/ca-advantage>.
27. **Ted Cruz** using firm that harvested data on millions of unwitting Facebook // The Guardian. Dec. 11, 2015. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/11/senator-ted-cruz-president-campaign-facebook-user-data>.
28. **The Big Five Personality Theory: The 5 Factor Model Explained.** Positive Psychology Program Website. URL: <https://positivepsychologyprogram.com/big-five-personality-theory/>.
29. **Facebook** failed to protect 30 million users from having their data harvested by trump campaign affiliate // The Intercept, Mar. 30, 2017. URL: <https://theintercept.com/2017/03/30/facebook-failed-to-protect-30-million-users-from-having-their-data-harvested-by-trump-campaign-affiliate/>.
30. **Suspending Cambridge Analytica and SCL Group from Facebook** // Facebook Newsroom. Mar. 16, 2018. URL: <https://newsroom.fb.com/news/2018/03/suspending-cambridge-analytica/>.
31. **Facebook's Role in Data Misuse Sets Off Storms on Two Continents** // The New York Times, Mar. 18, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/18/us/cambridge-analytica-facebook-privacy-data.html>.
32. **Mueller's Interest in Obstruction Is Probably Just the Tip of the Iceberg** // New York Magazine. Mar. 20, 2018. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2018/03/muellers-obstruction-focus-is-likely-the-tip-of-the-iceberg.html>.
33. **Edward Snowden's** Twitter account 17 March 2018. URL: <https://twitter.com/Snowden/status/975147858096742405>.
34. **Facebook** interactive stock chart – Yahoo Finance. URL: <https://finance.yahoo.com/chart/FB>.
35. **Cambridge Analytica: Warrant sought to inspect company** // BBC News. Mar. 20, 2018. URL: <http://www.bbc.com/news/technology-43465700>.
36. **Cambridge Analytica** responds to use of entrapment and mischaracterization by Channel 4 News // PR Newswire. Mar. 19, 2018. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/cambridge-analytica-responds-to-use-of-entrapment-and-mischaracterization-by-channel-4-news-300616257.html>.
37. **A Statement** from the Board of Directors // Ca Official Website. Mar. 20, 2018. URL: <https://ca-commercial.com/news/statement-board-directors>.
38. **Statement** by the Acting Director of FTC's Bureau of Consumer Protection Regarding Reported Concerns about Facebook Privacy Practices // Federal Trade Commission Official Website. Mar. 26, 2018. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/press-releases/2018/03/state-ment-acting-director-ftcs-bureau-consumer-protection>.
39. **Mark Zuckerberg** refuses request from UK parliament to speak about data abuse // Independent. Mar. 27, 2018. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/facebook-mark-zuckerberg-uk-parliament-data-cambridge-analytica-dcms-damian-collins-a8275501.html>.
40. **Facebook** is a “surveillance operation” in an “abusive relationship” with its users, say UK lawmakers – Quartz 8 Febr. 2018. URL: <https://qz.com/1202593/uk-lawmakers-brutally-bashed-facebook-in-a-hearing-on-fake-news-on-us-soil/>.
41. **Facebook** has lost \$100B in value – and its money problems may just be beginning // Informed Opinion. Mar. 27, 2018. URL: <https://informedopinions.org/amplify-women/graduate-showcase/facebook-has-lost-100b-in-value-and-its-money-problems-may-just-be-beginning/>.
42. **Mark Zuckerberg** has regrets: “I’m really sorry that this happened” // CNN Tech. Mar. 21, 2018. URL: <http://money.cnn.com/2018/03/21/technology/mark-zuckerberg-apology/index.html>.
43. **The key** moments from Mark Zuckerberg's testimony to Congress // The Guardian. Apr. 19, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/11/mark-zuckerbergs-testimony-to-congress-the-key-moments>.
44. **Facebook** has been collecting call history and SMS data from Android devices // The Verge. Mar. 25, 2017. URL: <https://www.theverge.com/2018/3/25/17160944/facebook-call-history-sms-data-collection-android>.

45. **Facebook** announces new European privacy controls, for the world // The Verge. Apr. 18, 2018. URL: https://www.theverge.com/2018/4/18/17250840/facebook-privacy-protections-europe-world-gdpr?utm_campaign=theverge&utm_content=chorus&utm_medium=social&utm_source=twitter.

46. **CA Commercial**. Official site. URL: <https://ca-commercial.com/news/cambridge-analytica-and-scl-elections-commence-insolvency-proceedings-and-release-results-3>.

47. **General Data Protection Regulation GDPR**. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679>.

48. **Rosenberg M.** Justice Department and F.B.I. Are Investigating Cambridge Analytica // New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/15/us/cambridge-analytica-federal-investigation.html>.

49. **Horwiz J.** AP: Trump 2020 working with ex-Cambridge Analytica staffers // 15.06. AP News, Jun. 15, 2018. URL: <https://www.apnews.com/96928216bdc341ada659447973a688e4/AP:-Trump-2020-working-with-ex-Cambridge-Analytica-staffers>.

Гришина Наталья Юрьевна

E-mail: grishinan@list.ru

Болдырева Елена Леонардовна

E-mail: elena1971@yandex.ru

Дуйсембина Екатерина Олеговна

E-mail: yduisembina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.07.2018 г.

REFERENCES

[1] **Grishina N.**, Analysis of Cognitive index mobilization research, International relations and the Dialogue of cultures, 1 (2012) 177–184.

[2] **Morris D.**, Cambridge Analytica Could Be Reborn Under a Different Name – Fortune 15 May 2018. Available at: <http://fortune.com/2018/05/06/cambridge-analytica-emerdata/>.

[3] **Nesbitt J., Aberdeen P.**, What to expect from the 90s. Megatendenstii. 2000 / English translation, Moscow, 1992.

[4] **Toffler A.**, Powershift, Wealth and Violence at the Edge the 21st Century, New York, 1990.

[5] **Masuda Y.**, The Information Society as Post-industrial Society, Institute for the Information Society, Tokyo, 1980.

[6] **Machlup F.**, The Production and Distribution of Knowledge in the United States, Princeton Univ. Press, Princeton, 1962.

[7] **Castells M.**, The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, I (1996), Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.

[8] **Kostina A.V.** Global information society: clashes in culture development, Journal of culturology, 2 (2010) 1–19.

[9] **Touraine A.** Pourrions-nous vivre ensemble? Egaux et differents, Editions Fayard, Paris, 1997.

[10] **McLuhan M., Fiore Q.**, The Medium is the Message: An Inventory of Effects, New York, 1967.

[11] **Boldyreva E., Grishina N.**, Political system transformation in Iceland under the Internet influence, in: Internet and modern society, Proc. of the Intern. conf. IMS-2017, ACM Press, New York, 2017, pp. 225–230.

[12] **Duysembina E.**, Social Networks as a Political Instrument in Russian Federation, Intern. Scientific and Analytical J. of Interparliamentary Assembly of the CIS member states, 1 (2018) 21–25.

[13] **Min Chen, Shiwen Mao, Yin Zhang, Victor C.M., Leung.** Big Data, Related Technologies, Challenges, and Future Prospects, Springer (2014).

[14] **Sudhahar S., Veltri G.A., Cristianini N.**, Automated analysis of the US presidential elections using Big Data and network analysis, Big Data & Society, 2 (1) (2015) 1–28.

[15] **Artificial** intelligent will replace deputies and politologists. Available at: <http://actualcomment.ru/iskusstvennyy-intellekt-zamenit-deputatov-i-politologov-1801311058.html>.

[16] **Bisbee J., Larson J.M.**, Testing Social Science Network Theories with Online Network Data: An Evaluation of External Validity, American Political Science Rev. 111 (3) (2017) 502–521. Available at: <http://nepolitolog.com/socialnetwork>.

[17] **Bykov I.**, Setevaya politicheskaya kommunikatsiya: teoriya, praktika i metody issledovaniya [Net political communication: theory, practice and methodology], St. Petersburg, 2013.

- [18] **O'Reilly T.**, What is Web 2.0, O'Reilly Media. Sept. 30, 2005. Available at: <http://oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=1> (accessed 06.06.2017).
- [19] **Snider J.H.**, Democracy On-Line. Tomorrow's Electronic Electorate, The Futurist, Sept./Oct., 1994.
- [20] **Grossman L.K.**, The Electronic Republic. Reshaping Democracy in the Information Age, New York, 1995.
- [21] **John Barlow** sends his warmest greetings to copyrasts and SOPA followers: the lecture in Russia. Available at: <https://habrahabr.ru/company/digital-october/blog/137941/>.
- [22] **Emelin V.**, Cyberpunk and net libertarianism. Available at: <http://emeline.narod.ru/cyberpunk.htm> (accessed 06.06.2017).
- [23] **Barlow J.P.**, A Declaration of the Independence of Cyberspace. Available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed 06.06.2017).
- [24] **Zakaria F.**, Facebook, Google, your reign may soon be over, Washington Post, Mar. 22, 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/facebook-google-your-reign-may-soon-be-over/2018/03/22/08fd2ee8-2e07-11e8-8688-e053ba58f1e4_story.html?utm_term=.543c85e12bbc.
- [25] **Balashov A.**, GDPR menyayet pravila. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gdpr-menyayet-pravila/>.
- [26] **The CA advantage.** CA Official Website. Available at: <https://ca-political.com/ca-advantage>.
- [27] **Ted Cruz** using firm that harvested data on millions of unwitting Facebook, The Guardian, Dec. 11, 2015. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/11/senator-ted-cruz-president-campaign-facebook-user-data>.
- [28] **The Big Five Personality Theory: The 5 Factor Model Explained.** Positive Psychology Program Website. Available at: <https://positivepsychologyprogram.com/big-five-personality-theory/>.
- [29] **Facebook** failed to protect 30 million users from having their data harvested by trump campaign affiliate, The Intercept, Mar. 30, 2017. Available at: <https://theintercept.com/2017/03/30/facebook-failed-to-protect-30-million-users-from-having-their-data-harvested-by-trump-campaign-affiliate/>.
- [30] **Suspending** Cambridge Analytica and SCL Group from Facebook, Facebook Newsroom, Mar. 16, 2018. Available at: <https://newsroom.fb.com/news/2018/03/suspending-cambridge-analytica/>.
- [31] **Facebook's** Role in Data Misuse Sets Off Storms on Two Continents, The New York Times, Mar. 18, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/18/us/cambridge-analytica-facebook-privacy-data.html>.
- [32] **Mueller's** Interest in Obstruction Is Probably Just the Tip of the Iceberg, New York Magazine, Mar. 20, 2018. Available at: <http://nymag.com/daily-intelligencer/2018/03/muellers-obstruction-focus-is-likely-the-tip-of-the-iceberg.html>.
- [33] **Edward Snowden's** Twitter account, Mar. 17, 2018. Available at: <https://twitter.com/Snowden/status/975147858096742405>.
- [34] **Facebook** interactive stock chart – Yahoo Finance. Available at: <https://finance.yahoo.com/chart/FB>.
- [35] **Cambridge Analytica: Warrant sought to inspect company**, BBC News, Mar. 20, 2018. Available at: <http://www.bbc.com/news/technology-43465700>.
- [36] **Cambridge Analytica** responds to use of entrapment and mischaracterization by Channel 4 News, PR Newswire, Mar. 19, 2018. Available at: <https://www.prnewswire.com/news-releases/cambridge-analytica-responds-to-use-of-entrapment-and-mischaracterization-by-channel-4-news-300616257.html>.
- [37] **A Statement** from the Board of Directors, CA Official Website, Mar. 20, 2018. Available at: <https://ca-commercial.com/news/statement-board-directors>.
- [38] **Statement** by the Acting Director of FTC's Bureau of Consumer Protection Regarding Reported Concerns about Facebook Privacy Practices, Federal Trade Commission Official Website, Mar. 26, 2018. Available at: <https://www.ftc.gov/news-events/press-releases/2018/03/statement-acting-director-ftcs-bureau-consumer-protection>.
- [39] **Mark Zuckerberg** refuses request from UK parliament to speak about data abuse, Independent, Mar. 27, 2018. Available at: <https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/facebook-mark-zuckerberg-uk-parliament-data-cambridge-analytica-dcms-damian-collins-a8275501.html>.
- [40] **Facebook** is a “surveillance operation” in an “abusive relationship” with its users, say UK lawmakers – Quartz, Febr. 8, 2018. Available at: <https://qz.com/1202593/uk-lawmakers-brutally-bashed-facebook-in-a-hearing-on-fake-news-on-us-soil/>.
- [41] **Facebook** has lost \$100B in value – and its money problems may just be beginning, Informed Opinion, Mar. 27, 2018. Available at: <https://informedopinions.org/amplify-women/graduate-showcase/facebook-has-lost-100b-in-value-and-its-money-problems-may-just-be-beginning/>.
- [42] **Mark Zuckerberg** has regrets: “I’m really sorry that this happened”, CNN Tech, Mar. 21, 2018. Available at: <http://money.cnn.com/2018/03/21/technology/mark-zuckerberg-apology/index.html>.
- [43] **The key** moments from Mark Zuckerberg's testimony to Congress, The Guardian, Apr. 19, 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/11/mark-zuckerbergs-testimony-to-congress-the-key-moments>.
- [44] **Facebook** has been collecting call history and SMS data from Android devices, The Verge, Mar. 25, 2017. Available at: <https://www.theverge.com/2018/3/25/17160944/facebook-call-history-sms-data-collection-android>.

[45] **Facebook** announces new European privacy controls, for the world, *The Verge*, Apr. 18, 2018. Available at: https://www.theverge.com/2018/4/18/17250840/facebook-privacy-protections-europe-world-gdpr?utm_campaign=theverge&utm_content=chorus&utm_medium=social&utm_source=twitter.

[46] **CA Commercial**. Official site. Available at: <https://ca-commercial.com/news/cambridge-analytica-and-scl-elections-commence-insolvency-proceedings-and-release-results-3>.

[47] **General** Data Protection Regulation GDPR. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679>.

[48] **Rosenberg M.**, Justice Department and F.B.I. Are Investigating Cambridge Analytica, *New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/05/15/us/cambridge-analytica-federal-investigation.html>.

[49] **Horwiz J.**, AP: Trump 2020 working with ex-Cambridge Analytica staffers, 15.06. AP News, Jun. 15, 2018. Available at: <https://www.apnews.com/96928216bdc341ada659447973a688e4/AP:-Trump-2020-working-with-ex-Cambridge-Analytica-staffers>.

Grishina Natalya Yu.

E-mail: grishinan@list.ru

Boldyreva Elena L.

E-mail: elena1971@yandex.ru

Duysembina Ekaterina O.

E-mail: yduisebina@gmail.com

Received 11.07.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019

DOI: 10.18721/JHSS.10108

УДК 1(091):17

ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н.Ю. КвашенкоСанкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Проблема специфики нового типа личности в цифровой культуре современного общества актуальна в социальной философии прежде всего в связи с трансформациями сознания в сетевых информационно-коммуникативных условиях повседневности и массовых коммуникациях. В статье проанализированы особенности развития личности в современных социальных условиях. Проведен сравнительный анализ концепций личности в философии и междисциплинарной области. Методологической установкой анализа специфики идентификации личности в цифровой реальности выступил феноменологический подход в сочетании с информационной парадигмой современной науки. Выделены принципы информационной модели самоопределения личности, рассмотрены концепции персонализма в философии. Сделав вывод о том, что информационные модели идентификации личности отходят от принципов гуманизма, автор статьи подчеркивает существующую узость понимания человека только как части информационной сферы цифровой технологической среды, полностью исчерпывающей его личностные качества набором интерактивных и коммуникативных функций.

Ключевые слова: личность, информационное общество, персонализм, цифровая реальность, массовые коммуникации, инфосфера, Homo informaticus

Ссылка при цитировании: Квашенко Н.Ю. Личность как объект исследования в контексте информационного общества // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 81–86. DOI: 10.18721/JHSS.10108

PERSONALITY AS OBJECT OF STUDY IN INFORMATION SOCIETY

N.Yu. Kvashenko

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The problem of the specificity of a new type of personality in the digital culture of modern society is relevant in social philosophy, primarily in connection with the transformation of consciousness in the network of information and communication conditions of everyday life and mass communications. The objectives of this article are determined by the analysis of the features of personality development in modern social conditions. For this purpose, the author undertakes a comparative analysis of the concepts of personality in philosophy and interdisciplinary field. In this case, the phenomenological approach in combination with the information paradigm of modern science is the methodological installation of the analysis of the specificity of identification of a person

in digital reality. In addition, the author highlights the principles of the information model of self-determination of the individual, considered the concepts of personalism in philosophy. Having concluded that information models of identification of the person depart from the principles of humanism, the author emphasizes the existing narrowness of understanding of the person only as part of the information sphere of the digital technological environment, completely exhausting his personal qualities with a set of interactive and communicative functions.

Keywords: personality, information society, personalism, digital reality, media and communications, infosphere, Homo informaticus

Citation: N.Yu. Kvashenko, Personality as object of study in information society, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social sciences, 10 (1) (2019) 81–86. DOI: 10.18721/JHSS.10108

Введение

Одним из главных признаков современного общества является не только создание новых технических средств коммуникации, но и формирование нового типа личности как некоего субъекта-пользователя, подверженного трансформирующему воздействию всей совокупности информационно-коммуникативных систем, действующих в обществе. Постоянным фоном его существования выступает быстрая смена сообщений о событиях, происходящих в мире. В то же время сообщения персонифицированы с учетом предпочтений конкретного пользователя, что как нельзя лучше соответствует ускоренному ритму жизни современного человека. Принципиально важным становится умение ориентироваться в информационном потоке.

В условиях информационной цивилизации изменения коснулись всех сфер человеческого существования, и можно предположить, что измененные способы коммуникации оказали влияние как на личное, так и на коллективное бессознательное личности. Современные исследователи говорят о появлении человека нового типа – Homo informaticus [1]. Однако в научном дискурсе пока недостаточно изучены вопросы становления и развития личности данного типа.

В различные исторические эпохи и на разных этапах развития человеческой цивилизации проблемы взаимодействия человека с окружающим миром, проблемы самоопределения и самосознания постоянно оставались в центре философских изысканий. Античные философы пытались определить место человека в

государстве с присвоением четких поведенческих характеристик для каждого представителя отдельного социального слоя. Исследование специфики развития личности в контексте информационного общества – актуальная задача современной социальной философии.

Обзор литературы. Понятие информационного общества существует уже более полувека. Посвященные этой теме работы таких ученых, как Д. Белл, Й. Масуда, Э. Тоффлер, М. Маклюэн, давно стали классикой научной мысли. Разработанные концепции отличаются подходами или контекстом, но они убедили общество в том, что оно пребывает в состоянии динамики, изменяющегося движения. Однако большинство исследовательских работ написано в середине и конце XX в. Современное состояние общественного развития не может описываться теми же категориями и развиваться по тем же законам, что и 40-50 лет назад. Понятие личности в данном контексте является одним из ключевых. Это обусловлено природой самого человека, выступающего основанием им же созданной реальности.

Если рассматривать общество как систему коммуницирующих субъектов [2], то в контексте сетевой реальности феномен идентификации личности становится неопределенным.

Ответ на вопрос о качествах и свойствах личности искали философы-персоналисты – представители научного направления, сформировавшегося в странах Европы в начале XX в.

Понятие личности всегда занимало важное место в системе научного познания: от «Исповеди» Августина Блаженного до Декарта, от

психоаналитической антропологии З. Фрейда и архетипов К. Юнга до позитивистской концепции М. Вебера, гуманизма Э. Фромма, персонализма Э. Мунье. Российский персонализм берет начало в литературной среде – из произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Личность в контексте персоналистического философского направления представляется высшей ценностью, в то время как вся реальность – это производная творческой активности личности [3, с. 44].

Для персоналистов личность – важнейшая категория в структуре фундаментальных принципов бытия. Л.Г. Интымакова, описывая характеристики личности с позиций персонализма, приводит три основных взаимодействующих друг с другом параметра – это экстериоризация, интериоризация и трансценденция, представляющие собой самореализацию и самоощущение человека во внешнем мире и глубокую саморефлексию, которые объединяются в процессе трансцендирования [4, с. 293].

В психологии выделяют личное бессознательное и сверхличное бессознательное [5, с. 47]. Последнее, определяемое так же, как коллективное бессознательное, является совокупностью неких универсальных, всеобщих образов и представлений.

Учитывая, что в условиях информационной цивилизации изменения коснулись всех сфер человеческого существования, можно предположить, что новые способы коммуникации оказали влияние как на личное, так и на коллективное бессознательное. Изучение формирования сетевых технологических сред, продуцирующих новые смыслы, важно для понимания информационного общества и трансформаций массового сознания.

В конце XX столетия философы были обеспокоены феноменом общества потребления. В одноименной работе Ж. Бодрийера [6] представлен образ социума, всё функционирование которого подчинено необходимости приобретать новые и новые материальные блага. Личность в таком обществе превращается в пассивного потребителя, не способного проявлять инициативу, стремящегося только к удовлетворению собственных потребностей.

По мнению Э. Фромма [7], пассивный человек, не проявляющий себя в мире активно, испытывает постоянную тревожность и одино-

чество, которые он может преодолеть, только подчиняясь идолам потребления.

Личность всегда выражается в поиске собственной идентичности и обладает безусловной свободой самоопределения. Н.В. Мотрошилова отмечает, что «пороком современной цивилизации является коренное отставание социального познания и мышления – и даже непонимание этого факта, отсутствие всякой заботы об адекватном развитии социального разума» [8, с. 157].

О.П. Черных, отмечая склонность к прагматизму и потребительскому способу мышления, выделяет также крайнюю рационализацию сознания современной личности. Анализируя негативные последствия воздействия массовой информации на личность, исследователь делает вывод, что данная проблема является особенностью нашего общества и ее решение видится «в попытках теоретической рефлексии» [9, с. 43].

Инфосфера – один из главных атрибутов социальной жизни во всех ее проявлениях. Создатель концепции философии информации Л. Флориди рассматривает инфосферу как совокупность человеческих существ, других биологических организмов, а также искусственных агентов, физических объектов и даже «платоновских» сущностей, не находящихся в физическом хронотопе; при этом человеческие личности для него «информационные объекты, которые динамично взаимодействуют с миром других информационных объектов» [Цит. по: 10, с. 47]. Заглядывая в ближайшее будущее, Флориди описывает повседневность, где стирается грань между реальностью и виртуальностью. Человек будет находиться в окружении интерактивных предметов и вступать с ними в процесс коммуникации.

Анализируя проблемы существования личности в условиях активно развивающейся инфосферы, современные исследователи приходят к выводу о том, что «у представителей цифрового поколения наращивание информационных сред формирует когнитивную ориентацию на фрактальный нарратив как приоритетный способ создания повествований, концептов, познавательных практик» [11, с. 57].

Определенные попытки ответить на существующие вопросы в сфере формирования и развития личности предпринимаются в рамках нового

направления – киберантропологии, работающего на стыке социальной и культурной антропологии. Исследования в этой области показывают те проблемы, которые возникают у современной личности на этапе определения персональной идентичности, происходящего в условиях цифрового киберпространства [11, с. 59].

В этом контексте понятие инфосферы выступает ключевым концептом в обсуждении проблемы личности в информационном обществе, поскольку именно в ее виртуальном пространстве «реализуются все виды информационных взаимодействий, порождаемых отношениями субъектов и объектов инфосферы» [12, с. 14].

Постановка проблемы и цели исследования

В XXI в. определяющим фактором развития глобальной деятельности людей является информация. Активное внедрение информационных технологий способствует ускорению процессов, происходящих в социуме, что требует более подробного и тщательного анализа реального состояния общества, а также прогнозирования будущих вызовов и рисков его развития.

Любое изменение в системе существования социума может иметь как положительные, так отрицательные последствия. Несмотря на то что попытки прогнозирования влияния тех или иных новшеств на повседневную реальность и человека в ней могут быть неточными и ошибочными, делать это всё равно необходимо, ведь, как отметил Г. Бехманн, «выбранный путь может кардинально изменить ход развития всего человечества» [13, с. 8].

Таким образом, представители научного сообщества сформулировали концепции развития социума в информационной реальности, однако о проблеме личности как части этого социума, взаимодействующей с ним и в то же время испытывающей на себе его влияние, сказано пока недостаточно подробно.

Цель данного исследования – определить специфические особенности личности, развивающейся под влиянием инфосферы в условиях цифровой цивилизации.

Методология

По общепринятому определению, под «личностью понимается совокупность свойств,

которые индивид получает от общества в процессе социализации»¹. Более широко это определение можно трактовать как «сложную социальную систему, характеризующуюся высоким уровнем целостности, открытостью, устойчивостью, возможностью самоорганизации и саморазвития» [14].

Исходные позиции социально-философского исследования личности в контексте информационного общества определяются соотношением общенаучного системного подхода с феноменологией личности. Проблемные вопросы в отношении самоопределения и самоощущения личности в условиях информационного общества акцентируют необходимость синтеза персоналистической и информационной интерпретации понятия «личность». Если для персоналистической концепции характерно представление о личности как высшей ценности бытия, то в реалиях цифровой цивилизации личность – не более чем «информационный организм», часть инфосферы, чьи волевые и творческие характеристики постоянно снижаются.

Результаты исследования

Особенностью информационной цивилизации является то, что технологическое совершенствование и внедрение в повседневную реальность новых средств коммуникации происходит слишком быстро, причем вне зависимости от наличия или отсутствия объективных запросов на это в обществе. Стремление к постоянному улучшению, усовершенствованию можно назвать характерным свойством личности эпохи цифровой цивилизации.

Сообщества, создаваемые в виртуальном мире, формируют для современного человека новую альтернативную реальность, в которой он может «прожить» неограниченное количество жизней в каком угодно качестве.

Человеку дается возможность сконструировать свой, новый мир, учитывая опыт, полученный в мире реальном, отсекая его несовершенства. Однако создание такого идеального мира – это не более чем иллюзия, ведь там, где есть человек, его разум, сознание, присутствуют и его стереотипы, комплексы, заблуждения.

¹ Словарь философских терминов. 2-е изд., доп. и испр. Кемерово, 2011. 255 с.

Цифровые технологии, распространившиеся на все сферы повседневной реальности, оказывают существенное влияние на все сферы жизни человека. Новые смыслы, встраиваясь в структуру личного бессознательного, способствуют формированию особого типа мышления.

Стремительное развитие сетевых технологий позволило каждому отдельно взятому человеку примерить на себя роль творца, создающего свою реальность и себя в ней. Идея создания нового мира и нового себя в нем очень заманчива для человека. Как писал Г.М. Маклюэн, «люди мгновенно оказываются зачарованы любым расширением самих себя в любом материале, кроме них самих» [15, с. 117]. Человеку кажется, что в новом мире он сможет избежать ошибок, совершенных в реальности, стать тем, кем он представляет себя в самых смелых мечтах, ведь для этого достаточно только выбрать нужную опцию в списке.

Жизнь современного человека перенасыщена круглосуточными предложениями потребителю, зашифрованными в бесконечном потоке информации, исходящем от медиа. Неограниченное потребление — еще одно неотъемлемое свойство информационного общества, причем стремление постоянно поглощать что-либо сконцентрировалось на основном ресурсе современного общества — на информации. Она больше не дозируется. Доступ к распростране-

нию информации имеет практически любой член общества, независимо от его социальных характеристик.

Заключение

Информационное общество необходимо характеризовать не только с точки зрения экономических и технических преобразований, но и как этап цивилизационного развития, формирующий личность нового типа. Современный человек обладает двойственной природой, определяемой, с одной стороны, желанием соответствовать искусственно созданным образцам, навязанным массовой потребительской культурой, и, с другой стороны, стремлением к постоянному самовыражению, осуществляемому с помощью средств коммуникации.

Сравнительный анализ информационного и феноменологического аспектов развития личности в условиях цифровой культуры показал, что информационные модели идентификации личности отходят от принципов гуманизма.

Понимание человека как части информационной сферы должно заключаться не только в описании его интерактивных и коммуникативных функций в цифровой технологической среде, но и в осознании его значимости как личности со всей совокупностью характеристик, которые сформированы под влиянием не всегда явных факторов социокультурной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абрамов М.Г.** Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.
2. **Луман Н.** Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
3. **Аванесов А.А.** Личность в персонализме: определенность и трансгрессия // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия, социология, политология. 2018. № 43. С. 44–54.
4. **Интымакова Л.Г.** Персонализм: личность как первичная творческая реальность // Вестн. Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2. С. 292–296.
5. **Юнг К.Г.** Очерки по психологии бессознательного [пер. с англ.]. Изд. 2-е. М.: Cogito centre, 2013. 350 с.
6. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика : Культ. рев., 2006. 268 с.
7. **Фромм Э.** Революция надежды / пер. с англ. Т. Панфиловой. М.: АСТ, 2006. 283 с.
8. **Малер А.М., Мотрошилова Н.В.** Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010.
9. **Черных О.П.** Критика информационной культуры // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2011. № 2. С. 41–52.
10. **Хлебников Г.В.** Философия информации Лучано Флориди // Метафизика. 2013. № 4 (10). С. 35–48.
11. **Шипунова О.Д., Березовская И.П., Гашкова Е.М.** Условия формирования личности в контексте киберантропологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 57–64.
12. **Соловьёв И.В.** О субъекте и объекте инфосферы // Перспективы науки и образования. 2013. № 5. С. 14–18.

13. **Бехманн Г.** Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [пер. с нем.]. М.: Логос, 2010. 248 с.

14. **Алиева М.Ф.** Личность в контексте современного информационного общества // Вестн.

Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2.

15. **Маклюэн Г.М.** Понимание Медиа = Understanding Media. М.: Кучково поле. 2011. 462 с.

Квашенко Надежда Юрьевна
e-mail: kvaschenko.n@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2019 г.

REFERENCES

[1] **Abramov M.G.**, [Man and Computer: From Homo Faber to Homo Informaticus], *Chelovek*, 4 (2000) 127–134.

[2] **Luman N.**, *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system], Logos, Moscow, 2004.

[3] **Avanesov A.A.**, [Personality in personalism: certainty and transgression], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univ. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya*, 43 (2018) 44–54.

[4] **Intymakova L.G.**, [Personalism: Personality as Primary Creative Reality], *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. Gumanitarnyye nauki*, 2 (2014) 292–296.

[5] **Yung K.G.**, *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious], Cogito centre, Moscow, 2013.

[6] **Baudrillard J.**, *Obshchestvo potrebleniya: yego mify i struktury* [Consumer society: its myths and structures], Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, 2006.

[7] **Fromm E.**, *Revolyutsiya nadezhdy* [A revolution of hope], AST, Moscow, 2006.

[8] **Maler A.M., Motroshilova N.V.**, *Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov* [Civilization and barbarism in the era of global crises], Kanon+, Moscow, 2010.

[9] **Chernykh O.P.**, [Criticism of information culture], *Vestnik Moskovskogo univ. Ser. 7. Filosofiya*, 2 (2011) 41–52.

[10] **Khlebnikov G.V.**, [Information Philosophy Luciano Floridi], *Metafizika*, 4 (10) (2013) 35–48.

[11] **Shipunova O.D., Berezovskaya I.P., Gashkova E.M.**, [Conditions of personality formation in the context of cyber-anthropology], *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 8 (3) (2017) 57–64. DOI: 10.18721/JHSS.8306.

[12] **Solovyev I.V.**, [About the subject and object of the infosphere], *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 5 (2013) 14–18.

[13] **Bekmann G.**, *Sovremennoye obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: risk society, information society, knowledge society], Logos, Moscow, 2010.

[14] **Aliyeva M.F.**, [Personality in the context of the modern information society], *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo univ. Ser. 1. Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 2 (2009).

[15] **McLuhan H.M.**, *Understanding Media*, Kuchkovo pole, Moscow, 2011.

Kvashenko Nadezhda Yu.
e-mail: kvaschenko.n@yandex.ru

Received 05.02.2019.

DOI: 10.18721/JHSS.10109
УДК 378.14.014.544

ФОРМИРОВАНИЕ АУДИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ СОВМЕСТНОЙ ПОДГОТОВКИ ТРАНСКРИПТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ВИДЕО

А.И. Дашкина, В.М. Яковлева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены проблемы обучения иноязычному аудированию в неязыковом вузе, дано определение аудитивной компетенции. Описан пилотный эксперимент по выявлению эффективности совместного обучения студентов аудированию посредством подготовки транскриптов профессионально ориентированных видео. Проведено сравнение эффективности заданий, требующих подробных ответов на вопросы по содержанию, и заданий на составление транскриптов. Кроме того, сопоставлена эффективность автономного выполнения заданий и совместной деятельности студентов. Авторы статьи приходят к выводу, что наиболее эффективным является формирование аудитивной компетенции с помощью совместной подготовки транскриптов. Более высокие результаты в экспериментальной группе объясняются тем, что составление транскриптов позволяло студентам глубже ознакомиться с изучаемым видео благодаря его многократному просмотру. Совместное выполнение заданий способствовало эффективному формированию аудитивной компетенции вследствие вовлечения всех студентов в учебный процесс, что является актуальным вопросом для неязыковых вузов.

Ключевые слова: аудитивная компетенция, транскрипты, профессионально ориентированные видео, пилотный эксперимент, лексика, аутентичные видео

Ссылка при цитировании: Дашкина А.И., Яковлева В.М. Формирование аудитивной компетенции у студентов экономических направлений посредством совместной подготовки транскриптов профессионально ориентированных видео // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 87–98. DOI: 10.18721/JHSS.10109

DEVELOPING LISTENING COMPREHENSION COMPETENCE OF ECONOMICS MAJORS BY PREPARING PROFESSIONALLY ORIENTED VIDEO TRANSCRIPTS THROUGH COOPERATION IN SMALL GROUPS

A.I. Dashkina, V.M. Yakovleva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

The first part of the article describes the problems of teaching listening comprehension in foreign language classes. A trial experiment was conducted, aimed at determining the effectiveness of collaborative writing of transcripts for foreign-language professionally orientated videos. We compared the effectiveness of giving detailed answers to the questions about the content of the videos to the effectiveness of writing a transcript. We also established that doing listening comprehension assignments collaboratively was more effective than individual work. The experiment allowed us to make a conclusion that foreign language listening comprehension competence can be formed more efficiently via writing transcripts collaboratively. Higher results in the experimental group were achieved because the students got deeper insights into the video in the course of writing the transcripts. Due to involvement of each student in the collaborative work, the experimental groups made more progress in listening comprehension.

Keywords: listening comprehension competence, transcripts, professionally orientated videos, trial experiment, vocabulary, authentic videos

Citation: A.I. Dashkina, V.M. Yakovleva, Developing listening comprehension competence of economics majors by preparing professionally oriented video transcripts through cooperation in small groups, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 87–98. DOI: 10.18721/JHSS.10109

Введение

В результате расширения возможностей межкультурного общения люди в разных странах испытывают потребность в обмене информацией во многих сферах деятельности. В связи с интернационализацией науки, образования и экономики иностранный язык в неязыковом вузе всё в большей степени выступает как источник профессиональных знаний.

Аудирование занимает одно из основных мест в обучении будущих специалистов, поскольку восприятие речи на слух необходимо как для плодотворного участия в международных конференциях и симпозиумах, так и для деловых поездок, связанных с обменом опытом.

Овладение профессионально ориентированным иностранным языком, в том числе

аудированием, представляет особый интерес для студентов неязыковых вузов, поскольку оно предусматривает формирование способностей иноязычного общения в конкретных профессиональных ситуациях. Именно поэтому преподаватели и методисты сталкиваются с необходимостью поиска новых форм организации обучения и аутентичных дидактических материалов, связанных с направлением подготовки студентов.

Цели исследования

Целью нашего исследования является определение эффективности формирования аудитивной компетенции студентов посредством создания транскриптов аутентичных профессионально ориентированных видео в сочетании

с групповым способом организации учебного процесса. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- обосновать актуальность обучения студентов неязыкового вуза профессионально ориентированному аудированию;
- предложить рабочее определение аудитивной компетенции и проанализировать основные проблемы, связанные с ее формированием;
- определить дидактический потенциал заданий, составленных на основе видеоматериалов из видеохостинга YouTube;
- провести эксперимент с целью выявления эффективности обучения аудированию в сотрудничестве со студентами при подготовке транскриптов профессионально ориентированных видео и теоретически обосновать его результаты.

Результаты исследования

Обучение профессионально ориентированному аудированию студентов неязыкового вуза. Навыки восприятия на слух иноязычной речи особенно актуальны при подготовке современного специалиста. В условиях интернационализации всех сфер человеческой деятельности обмен опытом между различными странами происходит посредством конференций, телеконференций, симпозиумов, форумов, совместных экспериментов и изысканий. Участие в указанных международных мероприятиях предполагает необходимость воспринимать на слух профессионально ориентированные устные сообщения на иностранном языке. Именно поэтому аудирование является одним из компонентов экзамена по иностранному языку в неязыковом вузе.

Опыт показывает, что оценка по аудированию значительно снижает общий балл, набираемый студентами при сдаче экзамена. Аудирование вызывает наибольшие затруднения у учащихся по многим причинам, среди которых основной является недостаток практики восприятия на слух иноязычной речи. Способы преодоления факторов сложности при аудировании «связаны с общим наращиванием аудитивного опыта через введение в программу жизнедеятельности повторяющихся актов иноязычного аудирования» [1, с. 11]. Накопление аудитивного опыта — процесс намного более длительный, чем формирование навыков чте-

ния. Как показал проведенный среди студентов устный опрос, аудирование является для большинства из них (94,5 %) более сложным видом деятельности, чем чтение.

Несмотря на то что аудирование представляется наиболее сложным для студентов видом речевой деятельности, ему уделяется недостаточное внимание на занятиях по иностранному языку. Так, студенты регулярно сдают нормативы по чтению профессионально ориентированных текстов, которые они изучают в процессе подготовки домашнего задания. Однако учащиеся практически не получают заданий, предполагающих внеаудиторную практику навыков аудирования.

Современные учебные пособия содержат упражнения на аудирование, но их количество недостаточно. Как правило, такие упражнения выполняются в аудитории, поскольку у большинства студентов не имеется аудиозаписи по изучаемому базовому пособию и они не имеют возможности получать дополнительную аудитивную практику в процессе выполнения домашнего задания. Еще одним недостатком материалов по аудированию, содержащихся в учебных пособиях, является их отличие от иноязычной речи, с которой предстоит столкнуться специалисту в практической деятельности. В учебниках по иностранному языку для специальных целей обычно содержатся «полуаутентичные образцы, т.е. аутентичные по своей природе тексты, однако обработанные и сокращенные»¹, хотя тексты для чтения обычно приводятся в неадаптированном виде. Поскольку в процессе международного сотрудничества специалистам приходится понимать устные аутентичные сообщения на иностранном языке, представляется целесообразным давать студентам возможность получить дополнительную аудитивную практику путем просмотра профессионально ориентированных видео, доступных в Интернете.

Формирование аудитивной компетенции студентов за счет работы с аутентичными видео. Наиболее популярным источником видео-

¹ Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика: учеб. пособ. для студентов лингвист. ун-тов и фак. иностр. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. С. 172.

материала, который может быть использован в дидактических целях, является видеохостинг YouTube. Он дает доступ к обширному выбору аутентичных видео на иностранном языке по любой профессиональной тематике. Применение материалов, «отвечающих требованиям аутентичности, помогает имитировать погружение в естественную языковую среду, повышает интерес, мотивацию к учению, позволяет с большей эффективностью осуществлять обучение всем видам речевой деятельности, в том числе и аудированию» [2, с. 10]. Видео, содержащиеся в Интернете, в отличие от аудиоматериалов из базового пособия, отвечают требованиям аутентичности, поскольку их целью является не обучение языку иностранных студентов, а передача профессионально значимой информации специалистам в той или иной области.

С одной стороны, материалы из видеохостинга YouTube имитируют погружение в естественную языковую среду и повышают мотивацию к учению. С другой стороны, они могут снизить мотивацию и познавательный интерес студентов из-за своей сложности. Для того чтобы избежать этого, необходимо формировать аудитивную компетенцию студентов с помощью использования определенных дидактических приемов, а также групповых способов организации учебного процесса. Под *аудитивной компетенцией* понимается способность воспринимать на слух как общий смысл устного сообщения на иностранном языке, так и отдельные содержащиеся в нем детали, преодолевая фонетические и лексические трудности.

Фонетические трудности связаны с дифференциацией близких по звучанию слов и словосочетаний, определением основной смысловой нагрузки и количества смысловых групп в предложении, с установлением сходства и различия ритмического рисунка фраз². Они являются значительным препятствием даже для студентов с высоким уровнем языковой подготовки, поскольку при обучении иностранному языку как в школе, так и в вузе не уделяется достаточного внимания произношению, интонации и ритмическому рисунку фраз.

² Колкер Я.М., Устинова Е.С. Обучение восприятию на слух английской речи. Практикум: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. С. 7.

При восприятии на слух материала на иностранном языке из Интернета учащиеся также сталкиваются с различными вариантами произношения. Основные трудности вызывает произношение докладчиков, не являющихся носителями языка, а также различные диалекты. Часто автоматически сгенерированные субтитры неправильны, поскольку компьютерная программа не может распознать особенности индивидуального произношения, и студенты не могут ими воспользоваться для понимания смысла сообщения. Однако учащимся необходима практика понимания на слух любого варианта произношения, потому что в своей профессиональной деятельности они будут сталкиваться в основном с произношением, отклоняющимся от нормы.

Как правило, учебные аудиоматериалы представляют собой заранее подготовленные устные сообщения, читаемые диктором. «Эти тексты имеют более формальную линейную организацию при изложении содержания, что указывает на их предварительное планирование и редактирование. В отличие от них неподготовленная спонтанная речь менее структурирована из-за когнитивных ограничений, связанных с одновременным составлением и проговариванием сообщения» [3, с. 74]. Поскольку в базовых учебных пособиях предлагаются заранее подготовленные, тщательно структурированные аудиоматериалы, в которых произношение докладчика максимально приближено к норме, представляется целесообразным использовать видеохостинг YouTube в качестве источника видео с различными вариантами произношения.

Помимо способности преодоления фонетических трудностей, *аудитивная компетенция* также подразумевает приобретение лексических навыков восприятия на слух. Учащиеся должны уметь распознавать отдельные слова, определять значения омонимов и многозначных слов, прогнозировать слова в контексте на основе знания их лексической сочетаемости, а также угадывать значения ранее не встречавшихся слов³. Для студентов нелингвистических направлений особенно важно умение преодолевать лексические трудности, встречающиеся в видео, непосредственно связанных с их на-

³ Там же. С. 8.

правлением подготовки. Однако аудиоматериалы из базового учебного пособия, как правило, не являются узкоспециализированными и не содержат лексики по каждому направлению в достаточном объеме, в то время как в видеохостинге YouTube можно найти видео на любые профессиональные темы.

Аудитивная компетенция также подразумевает понимание как общего смысла устного сообщения, так и отдельных деталей. В своей профессиональной деятельности молодые специалисты столкнутся с необходимостью понимать не только основную идею сообщения на иностранном языке, но и отдельные факты, названия и т. д. Несмотря на то что аудиоматериалы из базового учебного пособия сопровождаются заданиями на понимание как общей идеи, так и отдельных подробностей, необходима дополнительная практика в отношении указанных компонентов аудитивной компетенции. Задания, составленные педагогом к видео из видеохостинга YouTube и предлагаемые на занятии в качестве раздаточного материала, способствуют формированию у студентов аудитивной компетенции.

Дидактический потенциал заданий, составленных на основе видеоматериалов из видеохостинга YouTube. Необходимо отметить, что просмотр видеоматериала не будет в значительной мере способствовать формированию аудитивной компетенции без определенной целевой установки перед его предъявлением. В соответствии с программными требованиями к подготовке студентов неязыковых направлений по аудированию можно выделить такие цели, как «полное понимание высказывания, понимание темы, главной мысли, основного содержания или конкретных, выборочных фактов» [2, с. 13]. Тогда как указанные цели обычно ставятся на аудиторных занятиях, при подготовке домашних заданий по аудированию студентам могут даваться другие установки.

На аудиторном занятии в процессе просмотра видео не все студенты в равной степени усваивают материал. «Устная речь и появляющиеся на экране средства наглядности должны удерживаться в кратковременной памяти для того, чтобы учащиеся могли связать эту информацию с последующими сообщениями» [4, с. 3]. В результате этого студенты с пониженным

уровнем подготовки, не владеющие в достаточной мере лексическим материалом и не обладающие нужным опытом восприятия сообщений на иностранном языке, не могут в полной мере понять содержание видео. Именно поэтому сообщение, которое прослушивается в аудитории для понимания общего смысла или выборочных фактов, целесообразно детально прослушивать в процессе внеаудиторной самостоятельной работы для достижения полного понимания.

Педагог разрабатывает задания и пояснения по видео из видеохостинга YouTube в форме раздаточных материалов, чтобы облегчить работу студентов и дать им целевую установку перед просмотром видео. Прежде всего, раздаточные материалы должны содержать списки слов из изучаемых видео с их определениями на английском языке. Педагог включает в список ту лексику, которая может, по его мнению, вызвать у студентов затруднения. Предварительное введение новых слов необходимо, поскольку незнакомая лексика, встречающаяся в устном сообщении, «останавливает внимание студента. Учащийся непроизвольно пытается установить значение этого слова, перестает следить за содержанием, упускает последующие отрезки сообщения» [5, с. 62]. Лексику следует вводить, не переводя ее на русский язык, поскольку изучение определений дает студентам дополнительную языковую практику, активизирует их умственную деятельность и способствует лучшему запоминанию и более полному погружению в иностранный язык.

Раздаточные материалы также должны содержать задания по видео, такие как вопросы, определение истинности или ложности утверждений, заполнение таблиц, завершение предложений, расположение утверждений в правильном порядке. Одним из наиболее сложных для студентов заданий является заполнение пробелов в кратком изложении видео. Например:

Any organization faces changes in its environment it has to adapt to in order not to be eaten up. A company may be affected by changing ___ conditions, ___ demands, technologies, ___ costs, and competition. Change management is the study of the possible impact these adaptations can have on an organization's people.

Пробелы не обязательно заполняются непосредственно словами из видео. Учащиеся должны понять смысл видео и подставить в

пробелы подходящие слова, не искажая его содержания.

При выборе видео для просмотра на аудиторных занятиях необходимо учитывать их продолжительность. «Объем текста до трех минут звучания принято считать оптимальным, так как он не превышает возможности учащихся в удержании информации, способствует развитию прогнозирования и является достаточным для определения точности и глубины понимания»⁴. Профессионально ориентированные видео, просматриваемые на занятиях, также не должны длиться более трех минут, поскольку упражнения, содержащиеся в раздаточном материале, вызывают у студентов меньше затруднений и не отнимают много времени от изучения базового пособия, заявленного в учебном плане. По своему содержанию видео должны соответствовать темам базового учебника. Наиболее подходящими являются короткие видео, представляющие собой введение в тематический раздел. Помимо кратко изложенной информации по изучаемой теме и максимального количества специальной лексики, сконцентрированной в одном сообщении, видео указанного типа содержат зрительные опоры в виде анимации, схем, диаграмм и наглядных изображений. Таким образом, при их просмотре информация поступает одновременно по нескольким каналам восприятия, что способствует ее более эффективному усвоению. Еще одно из преимуществ кратких видео – возможность создавать по ним транскрипты, не прилагая к этому значительных усилий.

Пилотный эксперимент по выявлению эффективности обучения аудированию в сотрудничестве при подготовке транскриптов профессионально ориентированных видео. Задание на подготовку транскрипта по видео можно сравнить с изучающим чтением, поскольку студенты сталкиваются с необходимостью записать со слуха каждое слово ведущего. Таким образом, подготовка транскриптов профессионально ориентированных видео представляется целесообразной при обучении студентов неязыковых вузов, поскольку данный вид деятельности позволит им более глубоко ознакомиться с лек-

сическим материалом по своему направлению подготовки и поможет им понимать устные высказывания на узкопрофессиональную тему. Именно поэтому описываемый в статье пилотный эксперимент посвящен совместной работе студентов по подготовке транскриптов.

В настоящее время «аудирование рассматривается как вид деятельности, направленный на установление взаимопонимания и требующий обучения в сотрудничестве» [6, с. 92]. Учитывая указанную тенденцию при обучении аудированию, мы провели пилотный эксперимент, направленный на выявление преимуществ совместной работы студентов при выполнении заданий на восприятие устного сообщения.

Эксперимент по выявлению целесообразности совместной деятельности студентов при создании транскриптов профессионально ориентированных видео проводился в трех группах 3-го курса института промышленного менеджмента, экономики и торговли на протяжении 10 занятий. На первом занятии во всех исследуемых группах был проведен диагностический тест по аудированию для определения исходного уровня восприятия на слух профессионально ориентированных видео. Учащиеся должны были просмотреть короткое (90 секунд) видео, в котором давалась сравнительная характеристика менеджеров и предпринимателей, и отметить галочкой столбец таблицы, соответствующий той или иной характеристике. Например:

Characteristic	Manager	Entrepreneur
<i>I am comfortable with taking risks</i>		
<i>Unexpected surprises irritate me</i>		
<i>I am good at adapting to changing circumstances</i>		

Указанный диагностический тест состоял из 10 пунктов, и учащиеся получали по 1 баллу за каждый правильный ответ. Результаты диагностического теста (в баллах):

Студенты (№)	Группы		
	A	B	C
1	9	7	10
2	10	10	6
3	7	4	6
4	5	6	7

⁴ Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. С. 169.

Окончание таблицы

Студенты (№)	Группы		
	А	В	С
5	3	9	9
6	10	5	8
7	8	3	6
8	6	9	7
9	2	6	5
10	9	8	4
11	7	8	3
12	5	7	9
13	10	5	6
14	5	6	5
15	2	6	7
16	8	8	8
17	9	5	6
18	7	7	4
19	10		7
20			10

Средний балл во всех группах, участвовавших в эксперименте, был примерно одинаков: в группе А он составил 6,9, в группе В – 6,6, в группе С – 6,7.

В экспериментальной группе А студенты получали на дом задание подготовить транскрипты видео, просмотренных на аудиторном занятии. Условием подготовки домашнего задания являлось их сотрудничество в парах или малых группах посредством переписки в Интернете. Учащиеся с повышенным уровнем языковой подготовки не только создавали свой транскрипт, но и указывали на ошибки в текстах видео, которые они получали от своих партнеров.

Студенты экспериментальной группы В также должны были написать транскрипты видео в процессе подготовки домашнего задания, но, в отличие от учащихся группы А, они работали индивидуально, не сотрудничая с партнерами.

В контрольной группе С студенты не подготавливали транскрипта видео. Они получали от педагога раздаточные материалы с подробными вопросами по содержанию видео, на которые должны были ответить в письменном виде в процессе подготовки домашнего задания.

Перед проведением эксперимента была выдвинута гипотеза о том, что в группе А результаты заметно возрастут, тогда как в груп-

пе С возрастание будет незначительным. Мы предположили, что систематическое создание транскриптов в сочетании с обучением в сотрудничестве в большей степени способствует формированию аудитивной компетенции, чем традиционное индивидуальное выполнение заданий, предполагающих ответы на вопросы по содержанию видео

В конце пилотного эксперимента во всех группах был проведен финальный тест на определение истинности или ложности утверждений на основе профессионально ориентированного видео о социальной ответственности корпораций.

Identify whether the following statements are true or false:

- 1. The task of Corporate Social responsibility is to prevent morally reprehensible practices.*
- 2. If companies don't implement CSR efficiently, they don't realize the relevance of moral practices in their businesses.*
- 3. The task of risk management is avoiding financial risks and damage to a company's reputation.*

Для того чтобы облегчить подсчет результатов, задание также состояло из 10 пунктов. Результаты финального диагностического теста:

Студенты (№)	Группы		
	А	В	С
1	10	8	9
2	10	10	6
3	9	5	7
4	8	7	6
5	7	10	9
6	10	5	8
7	10	5	7
8	9	10	6
9	7	8	6
10	10	8	4
11	8	10	4
12	8	9	10
13	10	7	6
14	9	8	7
15	6	8	8
16	10	8	8
17	10	7	5
18	9	9	6
19	10		8
20			10

Как видно из таблицы, средний балл в группе А составил 8,9, в группе В – 7,8, а в группе С – 7,0. Это означает, что в группе А результаты возросли на 20 %, в группе В – на 12 %, а в группе С – на 3 %. Разница результатов финального и диагностического тестов в трех группах указывает на то, что гипотеза, выдвинутая перед проведением эксперимента, подтвердилась. Обучение аудированию в сотрудничестве при подготовке транскриптов профессионально ориентированных видео способствует формированию аудитивной компетенции в большей степени, чем создание транскриптов в автономном режиме, которое, в свою очередь, более эффективно, чем индивидуально выполненные задания, в которых требовалось ответить на вопросы по содержанию.

Обсуждение результатов. Наиболее значительное возрастание результатов в группе А объясняется несколькими причинами. Во-первых, можно предположить, что подготовка транскриптов требует больше времени, чем ответы на вопросы, охватывающие мельчайшие подробности содержания. Чем больше времени затрачивается на любой вид деятельности, тем выше уровень достигаемого мастерства. При написании транскриптов студенты совершенствуют свою способность воспринимать речь на иностранном языке на более продолжительном временном отрезке, что способствует формированию аудитивной компетенции.

В процессе составления транскриптов учащиеся были вынуждены преодолеть проблему отставания во внутреннем проговаривании от докладчика, выступающего в видео, путем «замедления темпа речи за счет пауз между фразами или дополнительных пауз между смысловыми отрезками текста» [7, с. 11].

Во-вторых, студенты групп А и В, в отличие от учащихся из группы С, не получали опоры в виде вопросов, детально охватывающих содержание видео. Это означает, что они затрачивали больше усилий на распознавание лексических единиц при составлении транскриптов. Таким образом, эти студенты активнее включались в учебно-познавательную деятельность и аудитивная компетенция формировалась за счет самостоятельного извлечения подробной информации из видео.

В-третьих, студенты экспериментальных групп были вынуждены дословно воспроизводить информацию на иностранном языке в письменной форме, в результате чего задействовалась двигательная (моторная) память. Значит, при составлении транскриптов у студентов активизировались различные каналы восприятия, вследствие чего они легче преодолевали фонетические и лексические трудности. Согласно сформулированному выше определению, более эффективное восприятие на слух отдельных деталей устного сообщения способствует формированию аудитивной компетенции.

В-четвертых, при составлении транскриптов студенты групп А и В просматривали одни и те же фрагменты видео, чтобы добиться дословного понимания. Таким образом, лексический материал и грамматические конструкции запомнились благодаря многократному повторению.

Еще одно преимущество составления транскриптов заключается в том, что при данном виде деятельности развивается моторика, что, в свою очередь, способствует активизации определенных зон головного мозга (зоны Брока, а также расположенной рядом зоны Вернике), отвечающих за артикуляцию и понимание речи [8, с. 145]. Именно правильная артикуляция и способность воспринимать речь на слух лежат в основе формирования аудитивной компетенции.

Кроме того, в экспериментальных группах общение на иностранном языке происходило по нескольким каналам, что «устраняло барьеры при обучении и создавало среду с низким уровнем стресса, а также давало некоторым студентам больше времени на усвоение материала» [9, с. 495]. Учащиеся не только многократно просматривали видео при составлении транскриптов. Студенты группы А также обсуждали выполняемые задания со своими партнерами в процессе совместной деятельности. Обсуждение велось как в виде письменных сообщений, так и в форме устного обмена информацией, что позволило даже студентам, испытывающим сложности в общении, принять участие в работе группы.

Экспериментальные группы также извлекали дополнительное преимущество из возможности использовать транскрипты в качестве источника информации по изучаемой теме. «Готовая запись устного сообщения снижает

перегрузку памяти информацией, которую в противном случае учащемуся необходимо запомнить. Кроме того, транскрипты играют роль зрительной опоры при извлечении информации из долговременной памяти, а также позволяют хранить информацию в виде текста, что более надежно, чем устная презентация» [10, с. 73]. Таким образом, составляя транскрипты, студенты экспериментальных групп создавали для себя доступ к связному тексту, передающему содержание видео. Он мог использоваться как студентами с недостаточным уровнем языковой подготовки для извлечения информации, не усвоенной ими на занятии, так и учащимися с высоким уровнем владения языком при проверке правильности выполнения заданий другими студентами.

Выполнение заданий по составлению транскриптов в процессе совместной работы также способствовало более высокому уровню сформированности аудитивной компетенции в экспериментальных группах, поскольку «технология сотрудничества является условием успешного обучения аудитивным навыкам» [11, с. 11]. При совместном выполнении заданий по аудированию студенты были вынуждены активно включаться в совместную работу независимо от уровня их языковой подготовки в соответствии с принципом «распределенности деятельности между участниками – обязательного участия в совместной работе всех без исключения членов группы»⁵. В данном эксперименте каждый студент выполнял отведенную ему роль: учащиеся с недостаточным уровнем языковой подготовки составляли первоначальный вариант транскриптов, который впоследствии проверялся студентами, владеющими языком на более высоком уровне.

Совместная работа при выполнении заданий по аудированию явилась важным этапом в формировании учебной автономии и навыков регулирования собственной учебно-познавательной деятельности. «На занятиях рекомендуется использовать материалы, стратегии и подходы, способствующие формированию навыков саморегулирования, для того чтобы ускорить процесс обучения и сделать его более

эффективным» [12, с. 337]. В рамках эксперимента навыки саморегулирования формировались у учащихся не только на занятии, но и в процессе совместного выполнения домашнего задания. Учащиеся, не владеющие в достаточной мере стратегиями регулирования своей собственной познавательной деятельности, перенимали приемы учебной автономии у более подготовленных студентов.

В ходе эксперимента все учащиеся в той или иной мере могли воспользоваться преимуществами обучения в сотрудничестве. Работа в группе позволила «студентам с более низким уровнем владения языком осознать, что они отстают от остальных учащихся. Студенты с более высоким уровнем языковой подготовки, в свою очередь, получают дополнительную практику в процессе объяснения материала остальным учащимся» [13, с. 273].

Совместное выполнение заданий является одним из важных условий обучения, поскольку у студентов «повышается общая работоспособность, обеспечивается эмоциональная и мотивационная готовность к деятельности» [14, с. 302]. Именно поэтому высокие показатели в финальных тестах, проведенных в экспериментальных группах, были получены благодаря обучению в сотрудничестве.

Заключение

Необходимо отметить, что восприятие речи на слух состоит из двух этапов. На первом этапе происходит накопление слуховых ощущений, что приводит к формированию образа в памяти, на втором – сравнение поступающей по слуховому каналу информации со сформированным образом. Поскольку при составлении транскриптов слуховая информация многократно предъявляется студентам, образ в их памяти формируется более эффективно [15], что, в свою очередь, активизирует распознавание поступающей аудиальной информации.

Итак, можно сделать следующие выводы. Проведенный эксперимент наглядно продемонстрировал преимущества совместной учебно-познавательной деятельности студентов по составлению транскриптов профессионально ориентированных видео. У учащихся экспериментальных групп наблюдался более высокий уровень сформированности аудитивной компетенции, чем в контрольной группе. Это означа-

⁵ Современные образовательные технологии: учеб. пособие / коллектив авт. под ред. Н.В. Бордовской. 2-е изд. М.: КноРус, 2011. 432 с. С. 99.

ет, что навыки восприятия на слух как общего смысла устного сообщения на иностранном языке, так и отдельных содержащихся в нем деталей путем преодоления фонетических и лексических трудностей сформировались у них в большей степени, чем в контрольной группе.

В данном исследовании рассмотрена совместная работа студентов по созданию транскриптов иноязычных профессионально ориентированных видео по экономической тематике. Однако описанные нами принципы совместной работы учащихся над аутентичными видеоматериалами могут применяться на занятиях по

иностранному языку и со студентами, обучающимися по другим направлениям подготовки.

Совместную работу над составлением транскриптов рекомендуется использовать после выполнения других заданий по аудированию, таких как просмотр видео с целью понимания общего содержания или извлечения специфической информации. В процессе групповой работы по написанию транскриптов студенты с разным уровнем подготовки извлекают максимальную пользу из аудио- и видеоматериалов, повышается эффективность формирования аудитивной компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Позняк Д.В.** Обучение студентов языкового вуза самостоятельному совершенствованию сложных аудитивных умений иноязычной речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007.
2. **Михина А.Э.** Методика формирования стратегий аудирования у студентов неязыкового вуза (английский язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2009.
3. **Wagner E., Toth P.D.** The Role of Pronunciation in the Assessment of Second Language Listening Ability / Second Language Pronunciation Assessment. Interdisciplinary Perspectives. Ed. by Isaacs T., Trofimovich P. Publ. by: Multilingual Matters / Channel View Publ. 2017. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.21832/j.ctt1xp3wcc.9> (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018).
4. **Kalyuga S., Liu T.C.** Guest Editorial: Managing Cognitive Load in Technology-Based Learning Environments // Educational Technology & Society. 2015. Vol. 18, no. 4. Pp. 1–8 (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018).
5. **Зайцева Л.А.** Требования к аудитивному материалу, содержащему неизученную лексику // Иностранные языки в школе. 2014. № 9. С. 60–71.
6. **Valentine K.** The Undercurrents of Listening: A Qualitative Content Analysis of Listening in Writing Center Tutor Guidebooks // The Writing Center J. 2017. Vol. 36, no. 2. Pp. 89–115. Publ. by: Writing Center Journal. URL: <https://www.jstor.org/stable/44594852> (accessed 28.12.2018).
7. **Щукина И.В.** Методика построения многоуровневой модели обучения аудированию в системе профессиональной подготовки учителя иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009.
8. **Завьялова В.Л.** К вопросу о восприятии звукового строя речи моно- и билингвами // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 2. С. 141–147.
9. **Lin T.J., Lan Y.J.** Language Learning in Virtual Reality Environments: Past, Present, and Future // Educational Technology & Society. 2015. Vol. 18, no. 4. Pp. 486–497 (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018. All use subject to <https://about.jstor.org/terms>).
10. **Shadiev R., Hwang W.-Y., Chen N.-S., Huang Y.-M.** Review of Speech-to-Text Recognition Technology for Enhancing Learning // Educational Technology & Society. 2014. Vol. 17, no. 4. Pp. 65–84 (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018. All use subject to <https://about.jstor.org/terms>).
11. **Громова Т.В.** Стратегии коммуникативного партнерства в обучении аудированию студентов как фактор повышения их профессиональной компетенции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003.
12. **Naseri S., Motallebzadeh Kh.** Podcasts: A Factor to Improve Iranian EFL Learner' Self-Regulation Ability and Use of Technology // Educational Technology & Society. 2016. Vol. 19, no. 2. Intelligent and Affective Learning Environments: New Trends and Challenges (April 2016). Pp. 328–339. Publ. by: International Forum of Educational Technology & Society. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/jeductechsoci.19.2.328> (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018).
13. **Chester S.J. Huang, Stephen J.H. Yang, Tosti H.C. Chiang, Addison Y.S. Su,** Effects of Situated Mobile Learning Approach on Learning Motivation and Performance of EFL // Educational Technology & Society. 2016. Vol. 19, no. 1. Pp. 263–276. Publ. by: International Forum of Educational Technology & Society (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018). URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/jeductechsoci.19.1.263>.
14. **Леонтьев А.А.** Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та: Воронеж, МОДЭК, 2001. 448 с.

15. **Молодыхенко Е.Н.** Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехниче-

ского университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312.

Дашкина Александра Игоревна

E-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

Яковлева Виктория Михайловна

E-mail: vik16021988@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2019 г.

REFERENCES

- [1] **Poznyak D.V.**, Obucheniye studentov yazykovogo vuza samostoyatel'nomu sovershenstvovaniyu slozhnykh auditivnykh umeniy inoyazychnoy rechi, Avtoref. kand. dis. [Teaching students of a language university to independently improve complex foreign language speaking skills], Abstr. cand. diss., Yekaterinburg, 2007.
- [2] **Mikhina A.E.**, Metodika formirovaniya strategiy audirovaniya u studentov neyazykovogo vuza (angliyskiy yazyk), Avtoref. kand. dis. [Methods of forming listening strategies for students of a non-linguistic university (English)], Abstr. cand. diss., Ulan-Ude, 2009.
- [3] **Wagner E., Toth P.D.**, The Role of Pronunciation in the Assessment of Second Language Listening Ability / Second Language Pronunciation Assessment. Interdisciplinary Perspectives, ed. by T. Isaacs, P. Trofimovich. Publ. by: Multilingual Matters / Channel View Publ. (2017). Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.21832/j.ctt1xp3wcc.9> (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018).
- [4] **Kalyuga S., Liu T.C.**, Guest Editorial: Managing Cognitive Load in Technology-Based Learning Environments, Educational Technology & Society, 18 (4) (2015) 1–8 (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018).
- [5] **Zaytseva L.A.**, [Requirements for auditing material containing unexplored vocabulary], Inostrannyye yazyki v shkole, 9 (2014) 60–71.
- [6] **Valentine K.**, The Undercurrents of Listening: A Qualitative Content Analysis of Listening in Writing Center Tutor Guidebooks, The Writing Center Journal, 36 (2) (2017) 89–115. Publ. by: Writing Center Journal. Available at: <https://www.jstor.org/stable/44594852> (accessed 28.12.2018).
- [7] **Shchukina I.V.**, Metodika postroyeniya mnogourovnevnoy modeli obucheniya audirovaniyu v sisteme professional'noy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka, Avtoref. kand. diss. [The method of constructing a multi-level model of teaching listening in the system of professional training of a foreign language teacher], Abstr. cand. diss., Moscow, 2009.
- [8] **Zavyalova V.L.**, [On the question of the perception of the sound structure of speech by mono and bilinguals], Vestnik SPbGU, Ser. 9, 2 (2012) 141–147.
- [9] **Lin T.J., Lan Y.J.**, Language Learning in Virtual Reality Environments: Past, Present, and Future, Educational Technology & Society, 18 (4) (2015) 486–497 (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018. All use subject to <https://about.jstor.org/terms>).
- [10] **Shadiev R., Hwang W.-Y., Chen N.-S., Huang Y.-M.**, Review of Speech-to-Text Recognition Technology for Enhancing Learning, Educational Technology & Society, 17 (4) (2014) 65–84 (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018. All use subject to <https://about.jstor.org/terms>).
- [11] **Gromova T.V.**, Strategii kommunikativnogo partnerstva v obuchenii audirovaniyu studentov kak faktor povysheniya ikh professional'noy kompetentsii, Avtoref. kand. dis. [Strategies of communicative partnership in teaching students listening as a factor in increasing their professional competence], Abstr. cand. diss., Samara, 2003.
- [12] **Naseri S., Motallebzadeh Kh.**, Podcasts: A Factor to Improve Iranian EFL Learner's Self-Regulation Ability and Use of Technology, Educational Technology & Society, 19 (2) (2016) 328–339. Intelligent and Affective Learning Environments: New Trends and Challenges, Publ. by: International Forum of Educational Technology & Society. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/jeductechsoci.19.2.328> (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018).
- [13] **Chester S.J. Huang, Stephen J.H. Yang, Tosti H.C. Chiang, Addison Y.S. Su.**, Effects of Situated Mobile Learning Approach on Learning Motivation and Performance of EFL, Educational Technology & Society, 19 (1) (2016) 263–276. Publ. by: International Forum of Educational Technology & Society (this content downloaded from 85.142.125.8 on Fri, 28 Dec. 2018). Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/jeductechsoci.19.1.263>.

[14] **Leontyev A.A.**, Yazyk i rechevaya deyatel'nost' v obshchey i pedagogicheskoy psikhologii, Izbrannyye psikhologicheskiye trudy [Language and speech activity in general and educational psychology. Selected psychological works], Moscow, Voronezh, 2001.

[15] **Molodychenko E.N.**, [Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312.

Dashkina Aleksandra I.

E-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

Yakovleva Victoriya M.

E-mail: vik16021988@yandex.ru

Received 16.01.2019.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019

DOI: 10.18721/JHSS.10110

УДК 811.161.1:378.147

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.Г. Полонникова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье предпринята попытка установления методической целесообразности изучения русских фразеологических единиц иностранными студентами на начальном этапе обучения русскому языку и закономерностей их представления в современных учебных пособиях по русской фразеологии для иностранцев. В работе использовались следующие методы исследования: анкетирование учащихся первого и третьего курсов лингвистического университета с целью выявления их уровня владения русской фразеологией; контент-анализ пяти отечественных учебных пособий по русской фразеологии для иностранцев, изданных в последние 15 лет; анализ результатов отбора фразеологических единиц, включенных в эти пособия. Исследование показало: необходимость включения фразеологизмов в требования к владению русским языком как иностранным на всех этапах с соблюдением принципов преемственности, системности и методической целесообразности; субъективность отбора фразеологических единиц, отражающую творческую авторскую позицию; отсутствие единых критериев отбора и обязательных минимумов фразеологизмов для разных уровней владения русским языком как иностранным, а также стандарта в их методическом представлении в современных учебных пособиях по русскому языку как иностранному. Кроме того, была установлена недостаточная «коммуникативность» современных учебных пособий по русской фразеологии для иностранцев. Данное исследование, внося вклад в методику преподавания русского языка как иностранного и теорию отбора учебного материала для обучения иностранному языку, создает предпосылки для дальнейшей разработки вопросов отбора, системной организации фразеологизмов, создания единых методических требований по коммуникативно ориентированному обучению иностранных студентов русской фразеологии, которые могут быть использованы авторами учебных пособий и преподавателями русского языка как иностранного в практической деятельности.

Ключевые слова: фразеологические единицы, отбор единиц обучения, принцип преемственности, коммуникативно ориентированное обучение, русский язык как иностранный

Ссылка при цитировании: Полонникова Е.Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 99–109. DOI: 10.18721/JHSS.10110

TEACHING RUSSIAN PHRASEOLOGY TO FOREIGN STUDENTS: MODERN PRACTICES

E.G. Polonnikova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The purpose of this article is to establish the methodological feasibility of teaching Russian phraseological units to foreign students at the initial stage and patterns in the presentation of phraseological units in modern textbooks on Russian phraseology for foreigners. The following research methods were used: questioning students in the first and third years of a linguistic university in order to identify the level of proficiency in Russian phraseology; content analysis of modern textbooks for phraseology for foreigners; analysis of the selection of phraseological units included in the textbooks. The study showed the need to include phraseological units in the requirements for proficiency in Russian as a foreign language at all stages, including the initial stage, in compliance with the principles of continuity, consistency and methodological expediency, the subjectivity of the phraseological units selection, reflecting the creative author's position, the lack of common selection criteria and compulsory minimums of phraseology for different levels, as well as a standard in the methodological presentation of phraseological units. In addition, in the course of the research, insufficient "communication" of modern textbooks on phraseology for foreigners was established. The research contributes to the methods of teaching Russian as a foreign language, the theory of learning material selection for teaching a foreign language. It creates prerequisites for the development of the issues of selection, the systematic organization of phraseological units, the creation of common methodological requirements for communicative-oriented teaching of Russian phraseological units that can be used by the authors of textbooks and teachers in practice.

Keywords: phraseological units, phraseological units selection, principle of continuity, communication-oriented learning, Russian as a foreign language

Citation: Polonnikova E.G., Teaching Russian phraseology to foreign students: modern practices, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 99–109. DOI: 10.18721/JHSS.10110

Введение

В последние годы социокультурное и межкультурное направления в изучении иностранных языков стремительно развиваются в лингводидактике, о чем свидетельствует интерес к данной теме отечественных и зарубежных исследователей. Так, британский ученый А.М.У. Лин¹ утверждает, что учебная программа по иностранному языку теперь может служить «для общего блага», т. е. способствовать меж-

культурному пониманию и принятию, уважению этнического, языкового и культурного разнообразия.

Среди зарубежных исследователей, разрабатывающих педагогические и методические решения проблемы мультикультурализма и настаивающих на необходимости знакомства с культурой страны изучаемого языка для интеграции учащихся в иноязычное общество, можно отметить австралийских ученых J. Lo Bianco и С. Crozet [1], А. Scarino и А. J. Liddicoat [2], которые занимаются отбором и организацией учебного материала для практических занятий по иностранному языку, американских методистов С. Doherty и P. Singh [3], R. Moloney и

¹ Lin A.M.Y. Curriculum: Foreign Language Learning // Peterson P., Baker E., McGaw B. (Eds.). International Encyclopedia of Education. 3rd ed. L.: Elsevier, 2010. Pp. 428–434.

L. Harbon [4], разрабатывающих методические положения для формирования и оценки социокультурной и межкультурной компетенций, а также британских ученых М. Porto и М. Вугам [5], уделяющих особое внимание развитию рецептивных лексических навыков при чтении аутентичных текстов с национально-культурной лексикой и фразеологией, которые вызывают затруднения у учащихся.

Согласно французскому лингвисту С. Gramsch [6], долгое время занимавшейся исследованием связи языка и культуры, чтобы объяснить общение между культурами, нужно обратиться к дискурсу, поскольку владение социокультурным контекстом лежит в основе межкультурного общения. W.F. Mackey [7] был одним из первых, кто предложил модель изучения иностранного языка в социокультурном контексте, тем самым соединив лингвистические, методические и педагогические факторы в разработке модели обучения языку и культуре. Данная модель предусматривала создание социокультурного контекста при помощи определенных национально-культурных единиц и развитие осознанности во взаимодействии с иностранной культурой, о значимости которой позже напишет А. Fenner [8].

Освоение русской культуры посредством языка имеет долгую историю развития в методике преподавания русского языка как иностранного. Оно нашло свое отражение в лингвострановедении, а затем и в лингвокультурологии. Основными единицами обучения, транслирующими информацию о социокультурном контексте, стали фразеологизмы, которые одни исследователи (В.П. Жуков, А.И. Молотков и др.) рассматривают в узком смысле как идиомы и фразеологические сочетания, а другие (В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, Н.М. Шанский и др.) – в широком, включая в состав фразеологизмов пословицы, поговорки, крылатые выражения, штампы и т.д. В нашем исследовании фразеологизмы понимаются в широком смысле.

Основоположники лингвострановедения Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров² выделили самостоятельный лингвострановедческий

² Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. рук. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.

материал и качественно своеобразные лингвострановедческие приемы преподавания. Именно они предложили выбирать национально-культурные единицы обучения из общего лексического и фразеологического запаса, а также из лексических и фразеологических минимумов. Далее с работой Ю.Н. Караулова [9] получила развитие лингвокультурология, которая была реализована в концепции коммуникативного иноязычного образования Е.И. Пассова [10]. Согласно данной концепции, иноязычная культура является источником иноязычного культурного образования в познавательном, развивающем, воспитательном и учебном аспектах, а основой обучения считается диалог культур, который предполагает сопоставление фактов образа жизни двух народов, в том числе отраженных во фразеологизмах как хранителей нравственных ориентиров носителей языка. С позиции социокультурного подхода, разрабатываемого В.В. Сафоновой [11], особое внимание уделяется расширению социокультурного пространства учащихся и представлению культурного разнообразия страны изучаемого языка, которое в той или иной степени также проявляется во фразеологии. Положения социокультурного подхода во многом коррелируют с идеями зарубежных исследователей,

Появились работы, посвященные отбору, организации фразеологического материала в учебных пособиях по русскому языку как иностранному. Одним из первых учебных минимизированных фразеологических словарей был словарь для учащихся народных школ Н.М. Шанского и Е.А. Быстровой³. В настоящее время разработкой фразеологических минимумов занимается коллектив преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Н.П. Андриюшиной. Стоит упомянуть проект по созданию современного частотного словаря идиом русского языка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, над которым трудятся А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва, А.Д. Козеренко. Он будет востребован в практике преподавания русского языка как иностранного. В последнее время вышло несколько учебных пособий по обучению иностранных учащихся русской

³ Шанский Н.М., Быстрова Е.А. 700 фразеологических оборотов русского языка. М.: Рус. яз., 1975. 120 с.

идиоматике (авторы: Н.В. Баско, Х. Вальтер, Т. Малински, Е.Е. Минакова, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, Т.П. Чепкова и др.).

Вместе с тем существует ряд нерешенных проблем обучения фразеологизмам русского языка, среди которых отсутствие единых требований к отбору, введению, семантизации, организации фразеологических единиц в учебных пособиях по русскому языку как иностранному, отсутствие системности и преемственности в усвоении русских фразеологизмов на разных этапах обучения. Некоторые из проблем затронуты в научных публикациях и методических работах. Например, И.В. Казнышкина [12] занималась проблемой отбора коммуникативно значимого фразеологического материала для краткосрочных курсов; Э.М. Шахсуварова [13] затронула вопрос изучения фразеологизмов иностранными студентами на начальном этапе обучения русскому языку; Л.В. Адонина, С.В. Лазарев, В.В. Никитина, С.В. Смирнова, О.С. Фисенко, Н.В. Чернова [14] предложили взглянуть на лингвокультурологический и переводческий аспекты обучения фразеологической системе русского языка; Н.П. Андриюшина [15] обратила внимание на недостаточную разработку вопросов обучения русской фразеологии иностранцев как составляющей лингвистической компетенции. При этом нет полного представления об обучении русской фразеологии на современном этапе, в частности пока нет исследований, касающихся целесообразности коммуникативно ориентированного обучения фразеологии на начальном этапе, не установлены закономерности представления фразеологического материала в современных учебных пособиях по русской фразеологии для иностранных учащихся.

Цели исследования и методология

Целью настоящего исследования является установление методической целесообразности изучения русских фразеологических единиц иностранными студентами на начальном этапе обучения русскому языку и закономерностей их представления в современных учебных пособиях по русской фразеологии для иностранцев. В работе будут использованы следующие методы исследования: анкетирование учащихся первого и третьего курсов Лингвистического университета с целью выявления их уровня владения русской

фразеологией; контент-анализ отечественных учебных пособий по фразеологии для иностранцев, изданных в последние 15 лет; анализ результатов отбора фразеологических единиц, включенных в исследуемые пособия.

Результаты исследования

Установление методической целесообразности изучения русских фразеологических единиц иностранными студентами на начальном этапе обучения русскому языку. Обучать русской идиоматике или нет? С этим вопросом сталкивается каждый преподаватель. Вопрос не имеет однозначного ответа. С одной стороны, в Государственных стандартах и требованиях к владению русским языком как иностранным нет четко прописанных пунктов, касающихся уровня владения русским языком, на котором должны вводиться фразеологические единицы, количества этих единиц, строгой системы их организации в учебниках и пособиях. А с другой стороны, преподаватели в учебных аудиториях обучают фразеологизмам русского языка, создают свои разработки для занятий, в учебных комплексах эпизодически встречаются идиоматические единицы, написан ряд учебных пособий по обучению русской идиоматике. Каким образом преподаватель работает с русской фразеологией в иностранной аудитории, зависит от него самого, его опыта, профессионализма, личных предпочтений, т. е. отбор фразеологических единиц и организация работы с ними на занятии достаточно субъективны. Существующие пособия по русской идиоматике отражают авторский взгляд и в большинстве своем адресованы иностранным студентам-филологам, владеющим русским языком, начиная с первого сертификационного уровня (B1).

Для того чтобы узнать, как владеют русской идиоматикой иностранные учащиеся, в конце учебного года нами было проведено анкетирование, в котором приняло участие 100 респондентов⁴. В заданиях анкеты студенты

⁴ Среди респондентов были учащиеся первого (50 человек, возраст от 18 до 23 лет) и третьего (50 человек, возраст от 21 до 25 лет) курсов иностранного отделения переводческого факультета лингвистического университета из Китая, Туркменистана, Турции, Южной Кореи, Ирана, Азербайджана, Марокко и Венесуэлы (г. Минск, Республика Беларусь, 2018).

должны были выбрать и подчеркнуть знакомые пословицы и фразеологизмы, определить, в положительном или отрицательном значении их обычно используют в речи, а также соединить фразеологизмы-синонимы, распределить фразеологические единицы в группы по значению, вставить подходящие по смыслу фразеологизмы и пословицы в предложения и догадаться об их значении из контекста (всего анкета содержала 10 заданий). Фразеологический материал был взят из учебного пособия по русской фразеологии и развитию речи Н.В. Баско⁵, а пословицы – из словаря-справочника В.М. Мокиенко⁶. Выбор источников отбора материала обоснован актуальностью изданий, частотностью представленных единиц, коммуникативной значимостью, стилистической маркированностью, методической целесообразностью (соответствие уровню В1), наличием культурно-национальной коннотации.

Предполагалось, что иностранные учащиеся третьего курса смогут без труда справиться с заданиями уровня В1, в то время как первокурсники ввиду отсутствия лингвистического опыта работы с фразеологией будут испытывать явные затруднения. Результаты анкетирования показали, что уровень владения русской идиоматикой у студентов в обеих группах достаточно низкий, ответы учащихся третьего курса практически не отличались от ответов первокурсников. Самым простым заданием (с ним успешно справились все респонденты) было задание на узнавание идиоматических единиц в контексте. Самым сложным для студентов первого курса оказалось задание, в котором требовалось вставить подходящие по смыслу пословицы и фразеологизмы, а для третьекурсников – задание, где нужно было определить, положительную или отрицательную оценку несут идиоматические единицы в контексте. Немногие учащиеся первого курса смогли догадаться о значении фразеологизма или пословицы из контекста, и

только 13 студентам третьего курса удалось дать правильные ответы.

Таким образом, иностранные учащиеся узнают идиоматические единицы, однако их ответы не отражают в должной мере понимание смысла фразеологизмов и пословиц и подтверждают неспособность самостоятельно оперировать полученными знаниями и умениями. Отрывочность, отсутствие системности знаний и умений у студентов проявляются и на высоких уровнях владения русским языком, что говорит о комплексности проблемы обучения русской идиоматике на всех уровнях подготовки. Недостаточно глубокое владение русской идиоматикой свидетельствует о том, что лексическая и социокультурная компетенции иностранных студентов-филологов сформированы слабо.

Однако является ли острой проблемой незнание русской идиоматики и неумение правильно употреблять идиоматические единицы в речи на начальном этапе? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо знать, зачем и на каком уровне следует начинать обучение идиоматическим единицам. Большинство отечественных учебных пособий по русской идиоматике адресованы иностранным учащимся продвинутого этапа обучения русскому языку и нацелены на развитие рецептивных лексических навыков. Идиоматические единицы легко трансформируются в их лексические аналоги, поэтому у преподавателей-практиков существует мнение, что нет необходимости перегружать студентов дополнительной информацией, если они испытывают трудности на уровне русской грамматики и лексики. Следует также упомянуть тот факт, что носители русского языка на выпускных экзаменах с трудом справляются с заданиями, связанными с идиоматикой родного языка, и нередко совершают ошибки в речи.

Несмотря на всё сказанное, есть ряд аргументов в пользу обучения русской идиоматике уже на начальном этапе владения русским языком.

Во-первых, ценность идиоматических единиц русского языка заключается в их культурной значимости. Как заметил Ю.М. Лотман, культура «осуществляет память о себе» посредством фразеологизма [16]. Переосмысление компонентов фразеологизмов позволяет говорящему передавать уникальный образ мысли русского народа, а пословицы благодаря отражению стереотипной

⁵ Баско Н.В. Русские фразеологизмы в ситуациях: учеб. пособие по рус. фразеологии и развитию речи. М.: Рус. яз. Курсы, 2011. 160 с.

⁶ Мокиенко В.М. Давайте правильно говорить по-русски: пословицы... : как их правильно понимать и употреблять: толкование, происхождение, иноязычные соответствия. М.: Центрполиграф, 2017. 316 с.

ситуации русского быта имеют назидательный и воспитательный посыл. На начальном этапе обучения русскому языку понимание культуры страны способствует быстрой адаптации иностранных учащихся и интеграции в русскоговорящее общество. Согласно Е.А. Быстровой [17], значение фразеологии в практическом овладении русским языком обусловлено тем, что фразеологизмы, как и слова, относятся к строительному материалу языка, в процессе коммуникации выполняют важные функции обозначения явлений, фактов, процессов действительности, их эмоционально-экспрессивной оценки, а в единой лексико-фразеологической системе языка многие фразеологизмы не менее употребительны, чем слова.

Во-вторых, национально-культурный компонент русской идиоматики привлекает иностранных студентов, стимулирует их интерес к изучению русского языка, поддерживает мотивацию, делает занятия увлекательными и познавательными, что соответствует принципу аксиологической направленности обучения иностранному языку.

В-третьих, изучение русской идиоматики с начального этапа обучения русскому языку позволит иностранным студентам на продвинутом этапе иметь прочные и глубокие знания о русских идиоматических единицах и уверенные умения употреблять их в своей речи, не делая ошибок, как грамматических, стилистических, так и самых грубых – социокультурных. Данное мнение разделяет Н.П. Андрияшина [15], которая утверждает, что погружение в идиоматику русского языка следует начинать с самого низкого уровня и последовательно активизировать от уровня к уровню, соблюдая принцип преемственности.

В-четвертых, интерес и актуальность изучения русской идиоматики подтверждает большое количество курсовых, дипломных работ, диссертационных исследований⁷, написанных

иностранцами учащимися по русской фразеологии, паремииологии. Для написания научных работ по русской идиоматике необходимо глубокое понимание предмета исследования, поэтому знакомство с ним на раннем этапе будет способствовать успеху иностранных студентов в будущей учебной и научной деятельности.

В-пятых, опыт преподавания иностранных языков показывает, что идиоматика любого языка входит в содержание предмета «Иностранный язык». Зарубежные коллеги включают в учебники и пособия по русскому языку фразеологизмы и пословицы, например в чешском учебнике по русскому языку «Радуга по-новому 3»⁸, ориентированном на уровень А2, они есть.

Иностранные студенты должны изучать русскую идиоматику с начального этапа обучения русскому языку с опорой на принципы преемственности и системности. Как компоненты содержания социокультурной компетенции фразеологические единицы следует включить в требования к владению русским языком как иностранным на всех этапах.

Установление закономерностей представления фразеологических единиц в современных учебных пособиях по русской фразеологии для иностранцев. Для анализа современной учебно-методической базы по обучению иностранцев русской фразеологии нами были рассмотрены наиболее известные учебные пособия, вышедшие в свет в последние 15 лет в издательствах «Златоуст», «Русский язык. Курсы» и «Флинта». В каждом пособии с целью сравнения и установления закономерностей введения фразеологических единиц были определены типы текстов, количество

русских фразеологических единиц, характеризующих человека и его окружающий мир: дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016; *Нассири Мехди*. Семантика и функционирование русских фразеологизмов с компонентами-соматизмами «рука» и «нога»: дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015; *Негаби Ахмад*. Паремии в курсе РКИ в иранских языковых вузах (методические проблемы предъявления, закрепления и употребления): дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2014.

⁸ *Jelínek S.* Радуга по-новому 3. Učebnice ruštiny A2. Plzeň: Nakladatelství Fraus, 2009. 127 s.

⁷ См., например: *Урве А.* Формирование лингво-социокультурной компетенции эстонских старших школьников на материале русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016; *Фэнин Ю.* Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016; *Люеу Тхи Хонг Фук.* Лингвокультурологический анализ

фразеологизмов, способы их представления, тематические группы для их организации и типы заданий для тренировки и закрепления изученного материала (см. таблицу).

Проанализированные нами учебные пособия по фразеологии предназначены для продвинутого этапа обучения русскому языку иностранных учащихся, причем для разных форм

Представление фразеологизмов в учебных пособиях по русской фразеологии для иностранцев

Representation of phraseological units in textbooks on Russian phraseology for foreigners

Автор(ы) и название учебного пособия	Тип текстов	Количество фразеологизмов и способы их представления	Тематические группы	Типы заданий
1. Вальтер Х. и др. «Русская фразеология для немцев» (2015) ⁹	Тексты из современной русской литературы, диалоги, рассказы об истории фразеологизмов	Около 300 наиболее употребительных фразеологизмов и пословиц; организованы по идеографическому принципу; представлены списками с немецкими эквивалентами	«Труд – безделье» «Знание – невежество» «Богатство – бедность» «Много – мало» «Быстро – медленно» «Рождение – смерть» «Правда – обман» «Далеко – близко» «Пьянство – трезвость» «Ум – глупость»	Упражнения на имитацию, сознательный выбор, трансформацию, перевод; творческие упражнения, направленные на выход в речь изученных фразеологических единиц
2. Минакова Е.Е. «Современная русская идиоматика» (2008) ¹⁰	Диалоги «живой речи» носителей языка	125 наиболее употребительных идиом русского языка; организованы по ситуативно-тематическому принципу; введены в диалогах	«Голова идет кругом» «Верчусь как белка в колесе» «Не принимай это так близко к сердцу» «Весь день на ногах» «Разложим по полочкам» «Не стой над душой» «Жду у моря погоды» «Любая задача по плечу»	Упражнения подстановочные, на дополнение, трансформационные, продуктивные речевые; использован прием персонализации; задания имеют коммуникативные цели; учебный материал представлен в типичных ситуациях общения
3. Баско Н.В. «Русские фразеологизмы в ситуациях» (2011) ¹¹	Фрагменты из произведений художественной литературы и публикации современных СМИ	280 наиболее употребительных фразеологических оборотов; организованы по тематическому принципу; представлены в теоретических статьях-толкованиях с примерами их употребления	«Речевой этикет» «Место и расстояние» «Время» «Количество» «Качество и оценка» «Внешность и возраст человека» «Характер человека» «Отношение человека к его работе» «Политика» «Экономика. Бизнес» «Географические названия»	Упражнения на сознательный выбор, дифференцировку, трансформацию, коммуникативные задания (рубрики «Давайте поговорим!», «Давайте сравним!»); задания, направленные на выявление значения фразеологизма по контексту и понимание текста («Давайте прочитаем!»)

⁹ Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В., Степанова Л. Русская фразеология для немцев. СПб.: Златоуст, 2015. 232 с.

¹⁰ Минакова Е.Е. Современная русская идиоматика: учеб. пособие для иностранцев, изучающих рус. яз. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз. Курсы, 2008. 136 с.

¹¹ Баско Н.В. Русские фразеологизмы в ситуациях. М., 2011.

Окончание таблицы

Автор(ы) и название учебного пособия	Тип текстов	Количество фразеологизмов и способы их представления	Тематические группы	Типы заданий
4. Чепкова Т.П. и др. «Русские фразеологизмы. Узнаем и учим» (2013) ¹²	Теоретические статьи о происхождении и употреблении фразеологизмов носителями языка	250 фразеологизмов, понимаемых широко (пословицы, поговорки, идиомы); объединены по тематическому принципу; представлены в теоретических статьях-толкованиях с примерами их употребления	«В университете» «Дом» «Семья» «Друзья» «Черты характера» «В гостях» «Приятного аппетита» «В магазине» «Спорт и здоровый образ жизни» «Свободное время» «Путешествия»	Упражнения на имитацию, сознательный выбор, трансформацию, сопоставление с родным языком, поиск ошибок
5. Чепкова Т.П. «Знакомимся с русской фразеологией» (2013) ¹³	Тексты для чтения на базе русских народных сказок	Около 150 фразеологизмов; введены через фольклорные тексты	Сказки о животных Бытовые сказки о жизни русского народа	Упражнения на проверку понимания прочитанного и анализ фразеологических единиц в контексте

организации обучения, поэтому невозможно требовать, чтобы они содержали один и тот же набор фразеологических единиц. Действительно, в пособия включено от 125 до 300 фразеологизмов, однако отсутствует и корреляция их наборов. Как можно видеть, основной критерий отбора фразеологизмов – тематический, но наборы тем в данных учебных пособиях разные.

В учебном пособии «Русская фразеология для немцев» это темы, отобранные на основе значимых для людей качеств личности и сгруппированные по принципу антиномий: труд – безделье, знание – невежество, богатство – бедность и др.; в пособиях «Современная русская идиоматика» и «Русские фразеологизмы в ситуациях» социокультурные единицы введены по ситуативно-тематическому принципу – это фразеологизмы, употребляемые в русской разговорной речи; в остальных учебных пособиях основной принцип отбора также тематический, но фразеологизмы отбираются из текстов, в том числе фольклорных.

Итак, в учебных пособиях по русской фразеологии для иностранных учащихся нет единых критериев отбора фразеологизмов, их количество варьируется в различных пособиях, что свидетельствует об отсутствии фразеологических минимумов для каждого уровня владения русским языком как иностранным. Авторы пособий выделяют похожие тематические группы, например «труд – безделье» или «отношение человека к его работе», но каждое учебное пособие уникально, поскольку фразеологизмы организованы по-разному. Таким образом, организация фразеологизмов в тематические группы в проанализированных нами учебных пособиях носит творческий характер и зависит от предпочтений авторов.

Данные учебные пособия содержат тексты и задания, направленные на формирование лексической и социокультурной компетенций, однако замечено следующее: мало коммуникативных упражнений, заданий на работу в парах, группах, развивающих творческое и критическое мышление; фразеологизмы в большинстве

¹² Чепкова Т.П., Мартыненко Ю.Б., Степанян Е.В. Русские фразеологизмы. Узнаем и учим: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 107 с.

¹³ Чепкова Т.П. Русский язык как иностранный. Знакомимся с русской фразеологией: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2013. 88 с.

своем семантизируются через контекст или даются списками с переводом или готовым толкованием; нет заданий на развитие языковой догадки, дискуссию. Следовательно, можно говорить об отсутствии единой методической базы по обучению русским фразеологизмам и элементов коммуникативности в современных учебных пособиях по русской фразеологии для иностранцев, а ведь эти пособия должны соответствовать принципам коммуникативного подхода в преподавании иностранных языков.

Заключение

В ходе нашего исследования было установлено следующее:

1. Развивая идеи М. Вугам, С. Kramsch, W.F. Maskey и других ученых о значимости социокультурного контекста в обучении иностранным языкам и продолжая мысль Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Н.М. Шанского, Е.А. Быстровой о том, что фразеологизмы являются социокультурными единицами обучения русскому языку как иностранному, полагаем, что фразеологические единицы должны быть описаны в Государственных стандартах и требованиях к владению русским языком как иностранным. Необходимы фразеологические минимумы для каждого уровня владения русским языком как иностранным, которые в дальнейшем могут быть использованы для создания учебных пособий определенного уровня владения русским языком и включения идиоматических единиц в систему тестирования, а также для подготовки преподавателя к практическим занятиям по русскому как иностранному.

2. С опорой на исследования Э.М. Шахсуваровой, Н.П. Андриюшиной и других ученых считаем, что обучение русской идиоматике необходимо включать в требования к владению русским языком как иностранным на всех этапах с соблюдением принципов преемственности, системности и методической целесообразности. Ввиду преобладания учебных пособий

для продвинутого этапа и отсутствия их для начального предлагаем разработать учебные пособия для обучения русской фразеологии иностранных учащихся начального этапа подготовки. Анализ результатов анкетирования свидетельствует об отсутствии системных знаний по русской фразеологии у иностранных учащихся не только начального, но и продвинутого этапа владения русским языком, что констатирует комплексность проблемы обучения русской идиоматике.

3. В проанализированных нами учебных пособиях по русской фразеологии для иностранных учащихся количество и содержание фразеологических единиц варьируются. Разная степень представленности социокультурной информации и ее многообразие в курсе русского языка как иностранного объясняются отсутствием обязательных требований к ее содержанию, единых критериев отбора фразеологических единиц, их организации. По причине произвольного характера отбора фразеологических единиц возникает вероятность переизбытка или недостатка представленной в учебных пособиях идиоматической информации. Стоит отметить отсутствие стандарта в методическом представлении фразеологических единиц в учебных пособиях по русскому языку как иностранному. Недостаточная «коммуникативность» современных учебных пособий по фразеологии свидетельствует об актуальности разработки единой методической базы по обучению русской фразеологии в контексте коммуникативно ориентированного подхода.

Таким образом, данное исследование создает предпосылки для дальнейшей разработки вопросов отбора, системной организации фразеологизмов, создания единых методических требований по коммуникативно ориентированному обучению иностранных студентов русской фразеологии, которые могут быть использованы авторами учебных пособий и преподавателями русского языка как иностранного в практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Lo Bianco J., Crozet C.** Teaching Invisible Culture: classroom practice and theory. Melbourne: Language Australia, 2003.

2. **Scarino A., Liddicoat A.J.** Teaching and Learning Languages: A Guide. Commonwealth of Australia, 2009.

3. **Doherty C., Singh P.** Native speaker TESOL teacher's talk: examining the unexamined // English Teaching and Learning. 2008. Vol. 32 (2). Pp. 39–75.

4. **Moloney R., Harbon L.** Making intercultural language learning visible and assessable // Proc. of the Second Intern. Conf. on the Development and Assessment of Intercultural Competence. CERCLL, Tucson, Arizona, USA. 29–31 January, 2010. Pp. 281–303.

5. **Porto M., Byram M.** New perspectives on intercultural language research and teaching: Exploring learners' understandings of texts from other cultures. Oxford: Routledge, Taylor francis & Group Ltd, 2016.

6. **Kramsch C.** Language and culture // Research methods and approaches in applied Linguistics: Looking back and moving forward. Ed. by Manchon R.M. AILA review. 2014. Vol. 27. Pp. 30–55.

7. **Mackey W.F.** Language Policy and Language Planning // J. of Communication. 1979. Vol. 29. Pp. 3–15.

8. **Fenner A.** Cultural awareness. Nottingham Linguistic Circular, 2000.

9. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

10. **Пассов Е.И.** Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. М.: Просвещение, 2000.

11. **Сафонова В.В.** Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 123–141. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/soizuchenie-yazykov-i-kultur-v-zerkale-mirovyh-tendentsiy-razvitiya-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya (дата обращения: 02.02.2019).

12. **Казнышкина И.В.** Коммуникативный подход к отбору фразеологического материала для краткосрочных курсов русского языка: дис. ... канд. пед. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 197 с.

13. **Шахсуварова Э.М.** Лингвистические и методические аспекты описания фразеологии русского языка в целях обучения иностранных учащихся на начальном этапе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1983. 24 с.

14. **Адомина Л.В., Лазарев С.В., Никитина В.В. и др.** Методика обучения иностранцев фразеологической системе русского языка: лингвокультурологический аспект // Современ. наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. М.: Научные технологии, 2017. С. 59–65.

15. **Андрюшина Н.П.** Фразеологизмы как компонент лексической компетенции иностранных граждан в изучении русского языка // Current Issues of the Russian Language Teaching XII. Brno: Masarykova univ., 2016. С. 12–19.

16. **Лотман Ю.М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки рус. культуры, 1999. 464 с.

17. **Быстрова Е.А.** Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе. М., 1985. 136 с.

Полонникова Екатерина Геннадьевна

E-mail: katyapolonnikova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2019 г.

REFERENCES

[1] **Lo Bianco J., Crozet C.**, Teaching Invisible Culture: classroom practice and theory, Language Australia, Melbourne, 2003.

[2] **Scarino A., Liddicoat A.J.**, Teaching and Learning Languages: A Guide, Commonwealth of Australia, 2009.

[3] **Doherty C., Singh P.**, Native speaker TESOL teacher's talk: examining the unexamined, English Teaching and Learning, 32 (2) (2008) 39–75.

[4] **Moloney R., Harbon L.**, Making intercultural language learning visible and assessable, in: Proc. of the Second Intern. Conf. on the Development and Assessment of Intercultural Competence, CERCLL, Tucson, Arizona, USA. 29–31 January, 2010, pp. 281–303.

[5] **Porto M., Byram M.**, New perspectives on intercultural language research and teaching: Exploring learners' understandings of texts from other cultures, Routledge, Taylor francis & Group Ltd, Oxford, 2016.

[6] **Kramsch C.**, Language and culture, in: Research methods and approaches in applied Linguistics: Looking back and moving forward, Ed. by Manchon R.M., AILA rev., 27 (2014) 30–55.

[7] **Mackey W.F.**, Language Policy and Language Planning, J. of Communication, 29 (1979) 3–15.

[8] **Fenner A.**, Cultural awareness, Nottingham Linguistic Circular, 2000.

[9] **Karaulov Yu.N.**, Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality], Nauka, Moscow, 1987.

[10] **Passov Ye.I.**, Programma-kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya: kontseptsiya razvitiya individualnosti v dialoge kultur [Program-concept of communicative foreign language education: The concept of personality development in the dialogue of cultures], Prosveshcheniye, Moscow, 2000.

[11] **Safonova V.V.**, [Co-learning of languages and cultures in the mirror of world tendencies in developing modern language education], Yazyk i kul'tura, 1 (25) (2014) 123–141. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soizuchenie-yazykov-i-kulturv-zerkale-mirovyh-tendentsiy-razvitiya-sovremennogoyazykovogo-obrazovaniya> (accessed 02.02.2019).

[12] **Kaznyshkina I.V.**, Kommunikativnyy podkhod k otboru frazeologicheskogo materiala dlya kratkorochnykh kursov russkogo yazyka, Kand. dis. [Communicative approach to the selection of phraseological material for short-term Russian language courses, Cand. diss.], Leningrad, LGU Publ., 1985.

[13] **Shakhsuvarova E.M.**, Lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty opisaniya, frazeologii russkogo yazyka v tselyakh obucheniya inostrannykh uchashchikhsya na nachalnom etape [Linguistic and methodological aspects

of the description of the Russian phraseology in order to teach foreign students at the initial stage. Abstr. Cand. diss.], IRYa im. A.S. Pushkina Publ., Moscow, 1983.

[14] **Adonina L.V., Lazarev S.V., Nikitina V.V., Smirnova S.V., Fisenko O.S., Chernova N.V.**, Metodika obucheniya inostrantsev frazeologicheskoy sisteme russkogo yazyka: lingvokul'turologicheskii aspekt [Methods of teaching foreigners the phraseological system of the Russian language: linguistic and cultural aspect], in: Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnyye nauki, Nauchnyye tekhnologii, Moscow, 2017, pp. 59–65.

[15] **Andryushina N.P.**, Frazeologizmy kak komponent leksicheskoy kompetentsii inostrannykh grazhdan v izuchenii russkogo yazyka [Idiom as a component of the lexical competence of foreign citizens in the study of Russian language], in: Current Issues of the Russian Language Teaching XII, Masarykova univ., Brno, 2016, pp. 12–19.

[16] **Lotman Yu.M.**, Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, 1999.

[17] **Bystrova Ye.A.**, Teoreticheskiye osnovy obucheniya russkoy frazeologii v natsional'noy shkole [Theoretical foundations of teaching Russian phraseology in a national school], Moscow, 1985.

Polonnikova Ekaterina G.

E-mail: katyapolonnikova@mail.ru

Received 04.02.2019.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки**
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

Том 10, № 1, 2019

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор *В.Е. Чернявская* – главный редактор
Л.Д. Чернухо – литературный редактор, корректор
Г.А. Пышкина – технический секретарь

Телефон редакции (812) 552-62-16

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 25.04.2019 г. Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13,62. Тираж 1000. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного
Отделом научных изданий, в Издательско-полиграфическом центре
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
Адрес: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNr, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

+7 (812) 552-62-16 с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ – Галина Александровна

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru